

ЗНАКИ СУДЬБЫ

Наталья Калинина

Повесть
из Страны грез

Annotation

Она совершила одну-единственную ошибку, но жестоко корит себя за нее. Она готова заточить себя в башню и в полной мере принять наказание – лишь бы не пострадали близкие люди. Именно страх за них заставляет Ингу сломя голову бежать прочь из вновь обретенного дома, расстаться с любимым человеком, который только что сделал ей предложение. Сумеет ли Инга разбить свою призрачную темницу, простив себя, найдет ли силы принять любовь?..

- [Наталья Калинина](#)

- [I](#)
  - [II](#)
  - [III](#)
  - [IV](#)
  - [V](#)
  - [VI](#)
  - [VII](#)
  - [VIII](#)
  - [IX](#)
  - [X](#)
  - [XI](#)
  - [XII](#)
  - [XIII](#)
  - [XIV](#)
  - [XV](#)
  - [XVI](#)
-

Наталья Калинина
Побег из страны грез

С благодарностью – Андрею Вельниковскому

Еще чуть-чуть, немного усилий, и она будет спасена. Там, за жилым зданием, находится сквер, в котором в этот час выгуливают собак жители соседних домов. Только бы добраться до него, только бы... Но короткое, на два подъезда, здание вдруг оказывается бесконечно длинным, и твердый асфальт превращается в раскисшую смесь земли и глины, на которой Инга поскользывается и лишь чудом не падает. А удобные туфли на плоской подошве превращаются в босоножки на немыслимой шпильке, которые альпинистками вонзаются в землю, и выдергивать их становится все трудней и трудней. Ноги делаются вялыми, как у тряпичной куклы. Инга бежит, выбиваясь из сил, но, кажется, не продвигается вперед ни на метр. «Не догонишь, сволочь!» – думает она, с отчаянием понимая, что никуда не деться от преследователя. Теряя драгоценные секунды, но надеясь за их счет выиграть минуты, Инга останавливается, сдергивает с ног босоножки и продолжает бежать босиком. А сзади уже слышен топот догоняющего мужчины, его шумное возбужденное дыхание тяжело ложится на затылок. До обоняния девушки доносится вонь гнилых зубов, так, как если бы преследователь приблизил мерзкое лицо с крупными гнойными прыщами на заостренном подбородке к ней. Мужчина протягивает руку, чтобы схватить девушку за плечо, но Инга успевает увернуться в последний момент, и растопыренные пальцы лишь слегка скользят по коже. О чудо, она бежит уже так легко и стремительно, будто с босоножками сбросила и стреножившие пути. Длинными прыжками достигает угла дома и, свернув за него, оказывается в сквере. Спасена! И лишь пробежав еще десяток метров, замечает, что сквер такой же безлюдный, как и улица. Скорей, скорей пересечь сквер, выбежать на другую улицу – к людям, закричать, позвать на помощь! Не прекращая бега, Инга оглядывается назад – посмотреть, где находится преследователь, и вдруг при следующем шаге нога проваливается в пустоту... Котлован, строительный котлован, разверзший свою ненасытную пасть, утыканную клыками-арматурой, среди перерытого сквера! Как она забыла об этом?! Пальцы преследователя хватают ее за плечо, стараясь удержать, но поздно. Инга выскользывает из рук мужчины, как мгновение спустя выскользнет из жизни, будто из шелковой сорочки. Падение с высоты на прутья арматуры – такой бесславный финал ее жизни. Последний крик,

пронзительно отчаянный, рвущий легкие. И долгое-долгое падение...

– Инга, Инга!

Родной голос донесся не из пропасти, а где-то совсем рядом. Но Инга, все еще «падая» в бездну, не отреагировала.

– Да проснись же ты!

Тот, чей голос прозвучал с такими беспокойными интонациями, потряс ее за плечо, и девушка медленно открыла глаза. Сон и явь, взболтанные, словно вода и масло в одной бутылке, еще не расслоились на две фазы, и в первое мгновение Инге показалось, что чудесное спасение – это продолжение сна.

– Леша?

Вопрос прозвучал с таким недоумением и удивлением, будто она начисто забыла, что гостит в доме Чернова и засыпала, счастливая, на плече Алексея.

– Ну а кто же еще? – буркнул мужчина, зажигая свет. – Похоже, тебе опять приснился кошмар.

Щурясь и моргая, Инга обвела взглядом комнату. Спартанская обстановка – во вкусе Чернова. Минимум вещей – в ее вкусе. Это была их спальня, дизайн которой – от цвета обоев до фасона покрывала на кровати – они выбирали вместе, пусть и находясь в разных городах. Активно обсуждали вопросы ремонта по телефону и обменивались ссылками на образцы отделочных материалов по электронной почте. Чернов сам высказал идею оборудовать в своем огромном доме новую спальню, где любая мелочь была бы подобрана в соответствии с их с Ингой вкусами. И все ради того, чтобы ей было уютно. Втайне Чернов надеялся, что любимая приедет, чтобы остаться, но девушка согласилась пока погостить лишь месяц – август.

– Это было... ужасно, – пробормотала Инга, имея в виду приснившееся. Поежившись, будто от озноба, она подняла упавшую с кровати простыню и закуталась до подбородка.

– Замерзла? – удивился Алексей, обнимая девушку за ссутуленные плечи и мягко привлекая к себе. – Но ночь ведь душная!

– Это... от страха.

– Со мной не должно быть страшно, – храбро заявил Чернов. И, изменив тон, с беспокойством поинтересовался: – Что же тебе снится такое ужасное? Уже четвертый раз за неделю бужу.

– Не помню, – соврала Инга. – Просыпаюсь и начисто забываю.

– Это хорошо. Зачем вспоминать?

Она тихо вздохнула: как бы хотелось, чтобы это было так! Чтобы больше не вспоминалось плохое, что случилось с нею. Инга не стала объяснять Леше, что кошмары – это не просто страшные сны, вызванные впечатлительностью. Это часть недавнего прошлого, отражение событий, которые уже произошли, но которые она по-прежнему «проживала» по ночам. Впервые ее кошмары были вызваны уже случившимся, а не предсказывали будущее, как раньше. И слава богу!

Может быть, сны-знаки уже никогда не будут видаться: она потеряла силу и чудесные способности предвидеть будущее. Теперь ей жить, оглядываться на прошлое, каждую ночь встречаться с призраками, которые воскресают в снах и протягивают бестелесные ладони, дышат холодом мертвого дыхания, грозят костлявыми пальцами и скалят зубы в страшных ухмылках. Но это уже будут не *знаки*, как раньше. Она, прежняя, умерла в той пропасти вместе со своим потенциальным убийцей.

О том, что случилось, Инга никому не рассказала: ни Алексею, ни брату. Даже с невесткой, с которой были доверительные отношения, не стала делиться. Зачем тревожить близких, если все события – уже действительно *пережитое*. Ну а со своими кошмарами она как-нибудь справится. Да и не хватило духу признаться, что в какой-то мере она повинна в несчастьях, обрушившихся на ее семью. Говорить об этом – значит рассказать и о том, что она лишилась силы, потому что проклятием убила человека. Пусть и негодяя, убийцу, насильника, но ведь убила же.

– Давай спать? – с надеждой спросил Алексей, мягко увлекая Ингу обратно в постель. Но девушка повела плечами, освобождаясь от теплых ладоней, и сказала:

– Леш, я спущусь на кухню. Пить хочется. Да и воздуху глотнуть. Боюсь, сейчас мне не удастся заснуть.

– Я с тобой! – с готовностью приподнялся мужчина.

– Ну что ты как маленький, – засмеялась она. – Куда я от тебя денусь? Спи, я скоро вернусь.

Дом, днем шумный, наполненный голосами, смехом, шелестом шагов, детскими криками, сейчас был погружен в такую непривычную тишину, словно крепко уснул, как и его обитатели. Инга сделала несколько шагов, которые разнеслись по притихшему коридору так громко, будто вместо тапочек на резиновой подошве обута была в деревянные сабо. Она разулась и продолжила путь босиком, на цыпочках. Не раз приходилось ходить по этому дому ночью, но никогда еще тишина не казалась такой глубокой. Может, потому, что на этот раз дом был наполнен дневными звуками куда больше, чем раньше? В таком большом особняке жил лишь Алексей

Чернов со своей девятилетней дочерью Лизой. Но сейчас, помимо Инги, гостили ее брат Вадим с женой Ларисой и маленьким сыном Ванечкой. Леша сам предложил любимой с родными провести август в его доме на море. После периода неприятностей и несчастий все нуждались в положительных эмоциях и отдыхе. Невестка с радостью откликнулась на предложение вывезти из загазованной столицы на побережье маленького сына. Море было нужно и Вадиму. Да и сама Инга была счастлива провести месяц в обществе близких и родных.

Только вот забыть о кошмарах никак не получалось.

Она прошла по длинному коридору второго этажа, на котором располагались спальни – их с Алексеем, Лизы и гостевые, а также кабинет Чернова и библиотека. Затем спустилась по лестнице на первый этаж и зажгла свет в огромной кухне, напичканной современной техникой. Это было царство домработницы и поварахи Нины Павловны, на ночь уходившей к себе домой. Каждый раз, переступая порог, Инга испытывала неловкость за вторжение. Глупость, конечно, Нина Павловна любила ее и простила бы любое нарушение порядка. Но все же девушка не могла отделаться от ощущения, что хозяйничает на чужой территории, даже самостоятельно наливая чай.

«Хорош дом у Чернова, но даже при большом желании – его, моем или чьем-то еще – я не почувствую себя здесь хозяйкой», – подумала она, поднося к губам чашку. Тут уже была настоящая хозяйка – законная жена Алексея, мама Лизы, умершая от быстротечной болезни. И хотя Леша переделал спальню, принадлежавшую раньше Кристине, в одну из гостевых комнат, чтобы продемонстрировать Инге готовность к новой жизни, все равно девушка не забывала, кто тут был настоящей хозяйкой.

Вопрос, как поддерживать отношения «на расстоянии», был большим и, казалось, нерешаемым. Как и тот, кто к кому переедет. Чернов не мог оставить свой рыбный бизнес, Ингу же многое привязывало к столице. Но после того как чуть не потеряла Алексея, стала задумываться о переезде. Только вот в его доме продолжала чувствовать себя гостьей – желанной, любимой, но все же гостьей.

Одним глотком она допила остывший чай, сполоснула чашку и поставила ее на место. Ночь – плохое время для принятия решений, сомнения в тишине и одиночестве лишь множатся и растут. На подоконнике Инга увидела пачку сигарет, забытую братом, и потянулась к ней. Раньше она много курила, потом почти бросила, а после всех переживаний вновь задымила как паровоз. Но недавно дала обещание Лизе попытаться оставить эту вредную привычку. И почти справлялась! Курила

лишь после кошмаров.

Выйдя в теплую ночь, темнота которой уже была разбавлена подступающим рассветом, Инга с зажженной сигаретой в пальцах села прямо на ступеньку крыльца. Но не просидела и минуты, как услышала за спиной скрип приоткрывающейся двери. Даже не оглянувшись, она поняла, что это Алексей.

– Почему не спишь? – спросила она, не оборачиваясь.

– Не могу без тебя, – ответил он, присаживаясь рядом и беря из ее пальцев сигарету. – Как я могу спать, когда ты где-то расстроенная бродишь?

Сделав затяжку, он вернул девушке сигарету. Обняв одной рукой Ингу за плечи, Алексей мягко притянул ее к себе. Она прильнула к нему и улыбнулась тускнеющим на светлеющем небе звездам. Какие правда глупости – эти ночные кошмары, которые не предсказывают будущее, а всего лишь отражают уже пережитое. Неважно, что там осталось, в прошлом, когда есть настоящее. И будущее – такое, о каком она мечтала.

* * *

Запах и холод сырой земли, круглосуточный сумрак, осклизлые стены, понизу, до высоты полуметра, закрытые досками из необработанного дерева, давали обманчивую надежду, что ее проклятое существование, пожизненное заключение, наконец-то закончилось и она получила волю – смерть. Но почему получается двигаться в этом тесном, похожем на гроб, помещении, натыкаясь вслепую на стены, обдирая ладони о пробивающиеся кое-где корни растений и шершавое занозистое дерево? Почему чувствуется этот гнилостный запах долгожданного освобождения? Почему ощущается холод, от которого ломит кости и болят суставы – еще одна нескончаемая пытка в этом настоящем аду?

Жива...

Заживо похороненная.

Давно нет различий между днями: будни это или выходные... И ночи слились в одну – с пыткой-бессонницей, с одним и тем же кошмаром, являющимся в короткие моменты забвения. Сколько прошло времени? Годы? Месяцы? А может, здесь вовсе нет его – в этой адовой вечности. Значит, нет и порога, отделяющего «это» существование от «того». И может, она уже не «тут», а давно «там» – продолжает отбывать свое наказание за совершенное. Навечно проклятая.

А суставы-то болят, как у изношенной жизнью старухи. Может, она уже и есть старуха? Возможно, возможно... И спину гнет, как после тяжелой ноши многолетнего опыта. Или от работы? Их труд тяжел и однообразен. Стороннему, забреди он сюда, подумалось бы, что узницы заняты на стройке: носят камни, двигают плиты, разбирают старые кладки. Пот ручьем и стоны... Не женский труд. До ночи работают. А утром встанешь, и чудно – все стало так, как и было изначально. И разобранный стена опять стоит, как прежде, и плиты нетронутые лежат... Вздохнешь, и вновь за дело – таскать, разобрать, двигать. Из дня в день. Без изменений. И тяжелей становится от того, что понимаешь бесконечность и бесполезность этой работы. Не камни таскаешь – грехи свои.

Она ни разу за все время «заключения» не предприняла попытки к бегству. Не потому, что было сложно выбраться отсюда, а потому, что заключена была не в тесную комнатушку, а в совершенный грех, обездвиживший ее похлеце ремней и приковавший к этому месту кандалами проклятия. Она сама – пустая оболочка – стала для себя камерой заключения. Где бы ни находилась. Возможно, со смертью обретет она долгожданную свободу. А может, и нет. Как знать, ведь смерть все не приходила...

* * *

– Алиса, идешь? – позвал из спальни муж.

– Нет, я лягу позже, – отозвалась девушка, стараясь, чтобы голос прозвучал сокрушенно, но внутри испытывая одновременно два чувства – нетерпение и вину. Они стали ее спутниками два месяца назад и сопровождали теперь изо дня в день ночь за ночью.

Муж появился в гостиной и немым укором застыл в дверях. Алиса оглянулась и, увидев, что после вечернего душа он опять переоделся в байковую клетчатую пижаму, незаметно поморщилась. Это была проигранная война: Сережа отвергал все новые пижамы, покупаемые женой, ради этой застиранной, вылинявшей, изношенной. Новые носил ровно столько, сколько требовалось, чтобы любимая одежда высохла после стирки. Алиса каждый раз после глажки подсовывала «убожище», как она презрительно звала комплект, под стопку новых, надеясь, что муж изменит привычке. Но нет, он упорно доставал эту, байковую...

– Сереж, – упрекнула Алиса, красноречивым взглядом окидывая его

одеяние. Штаны после многолетних стирок «сбежались» настолько, что стали выше щиколоток. Но даже это не смущало мужа. «Выкину, когда-нибудь выкину!» – подумала она в очередной раз, зная, что без согласия Сережи этого не сделает. Это был первый «интимный» подарок ему еще в пору, когда они встречались. И муж шутил, что пижама ему дорога как талисман, охраняющий их отношения вот уже на протяжении шести с половиной лет.

«Талисман», – с горечью подумала Алиса, бросив украдкой взгляд на новенький ноутбук. И устыдилась до румянца, который на бледных щеках наверняка расцвел яркими маками. Такая уж у нее особенность: чуть что – в краску...

Муж, к счастью, расценил ее взгляд в сторону компьютера по-своему:

– Алис, только недолго. Уже поздно, а тебе завтра на работу.

– Я только еще раз просмотрю отчет, – сказала она, присаживаясь за стол и открывая ноутбук. Муж подошел сзади и помассировал ей плечи, а затем поцеловал в затылок.

– Не засиживайся, – вновь попросил он, легонько касаясь губами светлых волос жены, пахнущих яблочным шампунем. И Алисе от этой невинной ласки, которая ей всегда нравилась, захотелось развернуться к мужу, крепко-крепко обнять его руками за талию и уткнуться лбом в живот, вдыхая свежий «весенний» запах ополаскивателя для белья, исходящий от пижамной рубашки. Поддавшись порыву, она развернулась к Сергею, но мгновением раньше он убрал ладони с плеч. И взгляд девушки застал уже его спину.

– Я постараюсь... не задерживаться, – тихо, с виноватыми нотками, проговорила Алиса. И повернулась к ноутбуку, чтобы выключить его и отправиться за мужем в спальню. Но так и не смогла побороть искушение щелкнуть мышкой по иконке Интернета, чтобы проверить почту.

Ящик был пуст, но не он, «официальный», интересовал ее. Алиса удалила из строки адрес и набрала другой, «секретный». Новый ящик она завела два месяца назад ради того, чтобы зарегистрироваться на одном форуме.

Страница будто специально, чтобы продлить мучения, загружалась очень долго, и Алисе в эти секунды, растянувшиеся до часов, показалось, будто она превратилась полностью в одно заходившееся в заполошном ритме сердце. Томительные мгновения – вот-вот, сейчас-сейчас станет известно, взлетит ли она сегодня и уйдет спать счастливая, с улыбкой на губах, в мир своих сладких, «тайных» снов, или, наоборот, упадет, разбившись об остроугольные камни разочарования. Все зависит от того,

окажется ли в ящике заветное письмо.

Пусто. Полет не вверх, а вниз – на те самые камни. И пусть каждый раз она, входя в этот ящик, готовила себя к разочарованию, видеть надпись «У вас нет новых писем» всегда оказывалось больно.

И когда Алиса ранилась об эту надпись, она нажимала на иконку «Избранное» и входила на сайт, теша себя надеждой, что тот, от кого с таким нетерпением ждет сообщений, просто не заходил в Интернет и не видел ее посланий. И хотя часто бывало, что она «видела» его, общающегося на форуме с другими поклонницами, ответа на свое письмо так и не получала. Впрочем, Алиса уже изучила печальную для себя статистику: одно его сообщение приходилось на пять-шесть ее. Уже появилась дурная привычка: почти ежедневно писать длинные письма, в которых она, сама того не желая, начинала рассказывать свою жизнь, описывать события, которые не отличались разнообразием: как прошел день, какие заморочки случились с последним квартальным отчетом, о чем она думала, уходя накануне спать, какой сон ей привиделся... Длинные душевные письма оставались без ответа, а его внимания достаивались, как ни странно, короткие сообщения, в которых она не раскрывала душу, а просто, к примеру, желала спокойной ночи.

На форуме его не оказалось: похоже, он не заглядывал на сайт со вчерашнего дня. Может, просто не видел ее последнего сообщения?

Эта щекочущая нервы «игра» в «пусто – непусто» затягивала сильнее и сильнее. И Алиса уже впала в зависимость от нее, хотя не отдавала себе в этом отчета, как начинающий курильщик, который думает, что сможет легко бросить курить, как только «захочет», и одна-две сигареты в день – это ничто. «Все, все, это было последнее письмо ему», – обещала себе после того, как нажимала кнопку отправки. И проигрывала своей зависимости, питавшейся адреналином ожидания. Впала Алиса не столько в зависимость от получаемых писем, сколько от чувств, неожиданно добавивших в ее в общем-то благополучную семейную жизнь остроты, присущей только-только завязывающимся отношениям, но которая с годами брака уходит.

Вот и вчера перед сном Алиса вновь клялась себе, что удалит «секретный» ящик и адрес сайта, а утром с рабочего компьютера уже строчила ему новое письмо, в котором рассказывала необыкновенно яркий сон – один из тех, которые иногда снились. Но ответа так и не получила...

Девушка встала из-за стола, но не выключила ноутбук, а открыла «для конспирации», если из спальни неожиданно выйдет Сережа, давно сданный отчет, и отправилась на кухню выпить чаю пополам с надеждой, что за эти

пять минут придет долгожданное сообщение. Пусть просто с пожеланиями спокойной ночи...

Пока закипала вода в чайнике, она стояла, глядя в темное окно на ясное небо, мечтая, что увидит падающую звезду. И тогда загадает... Загадает, чтобы ей посчастливилось познакомиться с *ним* не просто в переписке, а в жизни. Зачем это надо было, Алиса не знала: семейная жизнь устраивала, заводить роман на стороне не собиралась. И оправдывала свою странную мечту желанием поклонницы увидеть кумира и немного пообщаться.

...Все началось с книги, которую принесла ей подруга по работе Майя. Это был бестселлер одного романиста, уже создавшего себе известность предыдущими публикациями. Произведение было написано от двух лиц – мужчины и женщины, одни и те же ситуации рассматривались с точки зрения противоположных полов. Написанный слишком откровенно, обнажавший женские и мужские пороки и тайные желания, он наделал много шума. Но более удивительным и шокирующим оказался финал, в котором становилось ясно, что рассказ ведут не два человека, а один – рожденный мужчиной, но чувствующий себя женщиной. Романом в равной степени как восторгались, так и критиковали. О нем говорили, писали, его цитировали. А блог и сайт автора Виктора Лучкина стали невероятно популярными.

Алиса не стала исключением. Книгу прочла с большим интересом и еще долго ходила в ночной тишине по квартире, думая о прочитанном. Никогда она не писала писем известным людям, а тут поддалась мимолетному сумасшествию... Зарегистрировалась на сайте и отправила Лучкину сообщение со своими восторгами и размышлениями. И неожиданно получила ответ...

Девушка очнулась от звука щелкнувшей кнопки электрического чайника, машинально плеснула в чашку заварки, добавила сахару и кипятку. И, оставив чашку, бросилась в комнату к ноутбуку – проверить почту.

Опять пусто. Но не успела она разочарованно вздохнуть, как услышала донесшийся с кухни громкий звук, будто что-то разбилось. Бросившись обратно, Алиса увидела валяющуюся на полу любимую чашку, расколотую на несколько крупных осколков, и еще дымящуюся лужицу разлитого чая.

– Ну вот, – пробормотала девушка. Ее привязанность к любимым вещам была похожа на ту, с которой Сережа берег свою пижаму. А то, что разбилась одна из парных чашек, из которых они с мужем пили чай, Алиса

посчитала чуть ли не знаком. Для нее это было почти тем же самым, что для любимого – выбросить пижаму – «хранительницу отношений».

Девушка присела над осколками и смахнула наворачнувшиеся на глаза слезы, вызванные не столько огорчением за разбитую чашку, сколько разочарованием из-за неполученного ответа. Убирая, она снова клялась себе, что написанное письмо будет последним. Завтра удалит все сообщения и «секретный» ящик. Излечится от дурмана этой странной переписки, дающей недолгую эйфорию с последующей тяжелой ломкой.

Пребывая в своих мыслях, Алиса не сразу обратила внимание на странный звук, доносящийся из коридора, похожий на шлепанье мокрых босых ног по линолеуму. В первый момент девушка машинально подумала, что вышел из спальни так и не дождавшийся ее Сережа, и мысленно порадовалась, что предусмотрительно развернула на мониторе бухгалтерский отчет. Но тут же одернула себя: муж принял душ раньше и к тому же не любил ходить босым по полу, признавал лишь тапки. Медленно распрямившись с совком, в который она собирала осколки, Алиса бросила испуганный взгляд на полуприкрытую дверь. Звук шлепающих шагов становился все громче, будто некто приближался к кухне. От внезапно нахлынувшего ужаса девушка так и осталась стоять в неудобной полусогнутой позе с совком в руках.

Шаги раздались возле самой двери и затихли, будто тот, кто шел сюда, остановился в сомнениях, стоит ли продолжать путь. Алиса открыла рот, чтобы закричать, но смогла выдать лишь еле слышимый сип, который сама с трудом услышала. А тот, кто находился за дверью, потоптался с ноги на ногу и решил войти: дверь стала медленно открываться, будто для этого прилагались усилия, сантиметр за сантиметром. И вот девушка различила чье-то дыхание – частое, какое-то булькающее, словно того неизвестного, кого девушка еще не видела, открывание двери обессилило.

Это дыхание, как ни странно, привело ее в чувство.

– Сережа! – заорала Алиса что есть мочи. – Сережа-а!

Ее голос от страха сорвался на визг. Но дверь, приоткрытая почти наполовину, остановилась, возникла пауза, показавшаяся бесконечной, а затем вновь раздались шлепающие шаги, только теперь по направлению от кухни.

– А-а-а-а! – продолжала голосить Алиса даже тогда, когда дверь рывком распахнулась и на кухне появился взъерошенный Сергей. В два прыжка оказавшись возле жены, он заключил ее в крепкие объятия и привлек к себе.

– Ну-ну, тише-тише, – пытался успокоить ее муж, поглаживая по

распущенным волосам. – Успокойся. Тише... Я поставлю мышеловку, и они тебя больше не напугают.

Однажды Алису до полусмерти напугала неизвестно как оказавшаяся на кухне маленькая мышка. Грызунов девушка с детства боялась, даже хомяков, а тогда страху добавил еще эффект неожиданности: потянулась на полку за банкой кофе и наткнулась пальцами на что-то мягкое, теплое и меховое. А когда увидела, что это «меховое» – маленький мышонок, едва не грохнулась в обморок от ужаса.

Видимо, Сергей подумал, что жену до истерики вновь довела мышь.

– И откуда они, заразы, взялись? – продолжал вполголоса рассуждать он, ободренный тем, что Алиса в его объятиях почти успокоилась. Только бледная, как кафельная стена, таращилась на дверь и учащенно дышала.

– Сережа, это ты приходил? – спросила Алиса после того, как более-менее отдышалась.

– Куда приходил? – не поняла муж.

– Сюда, на кухню, – пояснила она звенящим, готовым вот-вот вновь сорваться на фальцет голосом.

– Я прибежал на твой крик. Обещаю, что завтра же куплю мышеловку!

– Это не мышь, – почему-то шепотом ответила Алиса и, мягко выбравшись из объятий Сергея, на цыпочках подошла к двери, приоткрыла ее и боязливо выглянула в коридор.

– Ты никого там... не встретил?

– А кого я должен был встретить? – удивился муж, подходя к ней и обнимая за плечи. – Кроме нас, никто в этой квартире не живет. Нет даже животных, если не считать напугавшую тебя мышку.

– Это было... – начала Алиса. Но поняла, что, если расскажет мужу об услышанных шагах, он ей не поверит. Скажет, что послышалось. И напомнит, что работать стала допоздна, чем опять заставит устыдиться: засиживалась за компьютером до полуночи Алиса вовсе не из-за работы. Вернее, из-за нее тоже, но не в последнее время.

Впрочем, сейчас девушка уже сама сомневалась, услышала ли на самом деле те шаги.

– Да, ты прав, похоже, это действительно была мышь, – согласилась она. И когда Сережа спросил, долго ли она еще собирается просматривать отчет, ответила, что уже закончила, только выключит компьютер и придет в кровать.

Муж ушел. Алиса, прежде чем выйти из программы, проверила почтовый ящик.

Есть! Есть! Долгожданное письмо. Сгорая от волнения, с громко

бьющимся сердцем она навела на него курсор и открыла.

«Спокойной ночи. Береги себя», – всего два коротких предложения. Но даже они, такие нейтральные, безликие, наполнили ее горячей радостью, растопили недавний страх. Странное происшествие на кухне проиграло новыми радостными эмоциями. «И тебе спокойной ночи!» – быстро отстучала она по клавиатуре, решив, что завтра, при дневном свете, когда страхи уже таковыми не кажутся, расскажет ему о случившемся.

II

«Тише, тише», – нашептывал прибор, успокаивая мысли, блокируя нехорошие воспоминания, остужая разогретые ими нервы. Утреннее солнце целовало голые плечи, поглаживало невидимой ладонью спину, ублаживало ласками. И ночные кошмары, которые на фоне темноты казались слишком яркими, в дневном свете, напротив, выцветали.

«Как хорошо, что мы приняли приглашение Алексея!» – в какой раз подумала Инга, переворачиваясь с живота на спину.

Рядом на полотенце с вышитой Белоснежкой лежала Лиза и, как обычно, с упоением читала книгу – толстую, с мелким шрифтом, несвойственным детским изданиям. Значит, опять читает «взрослый» роман, взятый в домашней библиотеке. Книжки для своего возраста девятилетняя дочка Сергея тоже читала, но нередко брала и для старшего. Украдкой, дабы не отвлечь девочку, Инга заглянула под обложку, желая узнать, что же так заинтересовало младшую подружку, и увидела в руках у той томик с новеллами Цвейга. «Ай да Лизка!» – восхитилась Инга и подумала, что стоит подготовиться к вопросам и просьбам разъяснить тот или иной книжный момент. Девочка любила вести с Ингой «взрослые» разговоры, и, признаться, женщина порой не знала, что ей ответить. Например, почему Инга и папочка не поженятся. Или не собираются ли они родить Лизе братика или сестричку? Инга незаметно усмехнулась: пусть уж лучше ведет разговоры о книгах. Говорить о ком-то другом, хоть о персонажах книг, давать оценку их поступкам, всегда легче, чем собственным.

Проницательная Лиза, словно прочитав ее мысли, подняла голову и, заложив пальчиком страницу, улыбнулась. При этом на личике нарисовалось хитрое и всепонимающее выражение. Впрочем, недавно выяснилось, что она способна устанавливать «мосты» – настраиваться на волну человека, чувствуя его целиком: читать мысли, «входить» в прошлое, «видеть» настоящее и предугадывать будущее. Эта способность и спасла Ингу совсем недавно. Правда, Лиза еще не научилась управлять своей силой. Были способности, но не хватало знаний.

«Когда ты будешь меня обучать?» – это был один из тех вопросов, на которые Инга не знала ответа. Ей не хотелось заниматься с Лизой. Вообще хотелось, чтобы девочка была обыкновенной. Потому что знала, что такие способности счастья не приносят.

Лиза подмигнула и, слава богу, ничего не спросив, вновь уткнулась в книгу. А Инга нацепила на нос солнцезащитные очки и села.

По другую сторону от нее завозилась невестка. Лариса, не отводя тревожного взгляда от моря, вслепую копалась в большой льняной сумке в поисках чего-то.

– Вадим! С ума сошел?! – закричала вдруг девушка, отшвыривая ее и вскакивая на ноги, чтобы бежать к морю. Туда, где муж развлекался с их маленьким сыном. Инга проглядела момент, как Ванечка, которому недавно исполнилось год и три месяца, потерял равновесие и с головой ушел под воду. Это и напугало Ларису. Но Вадим уже выхватил из воды сына и высоко поднял его на руках. Ваня даже не успел испугаться, наоборот, оказавшись на такой высоте над водой, рассмеялся.

– Спокойно, Лара! – донесся в ответ голос мужчины. – Я же за ним слежу!

– Вижу, как ты следишь, – проворчала жена, но, однако, села обратно на полотенце. – Утопишь ребенка!

– Я же рядом! И мы не заходим глубоко! Ничего не случится! – прокричал Вадим, опуская сына обратно в воду. Ванечка с восторженным визгом вновь забарабанил кулачками по поверхности, поднимая кучу брызг.

– Ну и вот как с ним спорить? – развернулась Лариса к Инге.

– А ты не спорь, – улыбнулась та в ответ. – Уже должна была понять, что с моим братом спорить бесполезно. Лара, расслабься и отдохни, пока Вадим играет с сыном. Ничего с Ванечкой не случится!

Невестка послушала ее, вытащила из сумки книгу, но, раскрыв, не погрузилась в чтение, а продолжила наблюдать за сыном и мужем.

Инга тоже следила за игрой брата и племянника, но совсем с другими мыслями: не с материнской тревогой, а думая, что, пожалуй, произошедшее с ней, может, и к лучшему. Потеряв свою силу, став обыкновенной, она начнет самую обычную жизнь – счастливую жизнь счастливой женщины. Выйдет замуж за любимого человека, переедет из суматошной столицы обратно в городок своего детства, будет воспитывать Лизу как свою дочь, родит в будущем Алексею ребенка. Пожалуй, такая жизнь ей и нужна. Хватит приключений, из которых она выходит изрядно потрепанной.

Девушка вновь скользнула взглядом по брату, который теперь кружил сына над водой. И два голоса – мужской и детский – сливались вместе в счастливом смехе. Сердце сжалось от недавно пережитой боли: а ведь всего этого могло и не быть – радостного смеха Вадима, этого отпуска, в котором они все чувствуют себя счастливыми. И все из-за той ужасной аварии, в которую брат попал накануне их с Ингой тридцатилетия.

Много чего могло бы не быть... От нехоти нахлынувших воспоминаний ее передернуло, и, запрокинув лицо к солнцу, девушка заставила себя улыбнуться: что было, то прошло. Со временем воспоминания утратят свежесть и остроту, место им будет в самых отдаленных уголках чулана-памяти. А Инга постарается сделать все возможное, чтобы не доставать их оттуда – запылившиеся, пахнущие сыростью и плесенью. Напротив, задвинет другими воспоминаниями – об этом солнечном утре, о шепоте моря, о счастливом смехе племянника, о...

– Ой!

И об этой холодной воде, которую только что вылил из ладоней ей на разгоряченный солнцем живот незаметно подкравшийся Алексей, тоже будет помнить. Инга вскочила на ноги и погналась по побережью за ним, улепетывающим по песку. Всемогущий Чернов, рыбный барон, как окрестили его в поселке, убежал с проворностью озорного мальчишки, иногда оглядываясь и показывая язык. Если бы его сейчас увидел кто-нибудь из деловых партнеров, да и просто жителей поселка, изумился бы до немоты. Леша не все дни мог находиться с гостями и дочерью: работа отнимала много времени. Он предпочитал все рабочие процессы контролировать лично. Не гнушался и простыми разговорами с рыбаками с тем, чтобы узнать, все ли хорошо в командах, есть ли какие недовольства, просьбы. И брал это на заметку. О наемном персонале суровый и жесткий Алексей пекся как о братьях родных. «У них же в семьях детишки подрастают!» – так говорил он о рыбаках, работающих у него.

После пляжа они всей компанией зашли в известное на весь городок кафе-мороженое и съели по хорошей порции кто пломбира, кто фруктового шербета. Хотя знали, что это вызовет ворчание домработницы и поварихи Нины Павловны.

– Только чтобы домработницу не обижали! – громыхнул Чернов, когда Лиза выразила желание съесть добавки и к девочке присоединился Вадим.

– Съедем все, что наша Нина Павловна приготовит, – покивал Вадим. – Леш, ты тут живешь, и тебе это мороженое таким вкусным, как нам, не кажется. А мы с Ингой... сколько уже в столице живем? С семнадцати лет. Тринадцать, значит? Так вот, мы с Ингой уже тринадцать лет такого вкусного мороженого не пробовали. Вкус детства!

– Да ну, не верю, – покрутил круглой лопухой головой Алексей. – Не верю, чтобы в ваших столицах не было такого мороженого.

– А ты приезжай, сам убедишься! – не растерялся Вадим и хитро подмигнул сестре. Инга как-то поделилась с ним мыслями о переезде, и

Вадим, хоть всячески и поощрял ее отношения с Черновым, идею эту принял без энтузиазма. Знал, что сестра в океане столичной суеты чувствует себя куда комфортней, чем в тихой реке провинциальной жизни. И надеялся, что ее избранник облюбует Москву.

– А вот и приеду! – отозвался Алексей с задорным блеском в глазах-крыжовниках. Положив тяжелую ладонь на плечо сидящей рядом Инге, привлек девушку к себе и стиснул в медвежьих объятиях.

«Выйду замуж, рожу ребенка...» – мечтательно подумала она. И правда, зачем жить с этим отравляющим счастье ощущением, переходящим в паранойю, что обязательно ожидает наказание, что она лишь получила недолгую отсрочку? Ведь прошло столько времени, и ничего плохого не произошло, наоборот, все налаживается. Так зачем Инга живет с оглядкой, с ощущением, будто берет не свое? Это ее счастье – выстраданное, выжданное, заслуженное. Ее счастье.

* * *

На работу Алиса проснулась позже обычного. По вторникам Сережа выходил из дома на час раньше, чтобы успеть на летучку, которые раз в неделю устраивал шеф. Перед уходом муж заходил в спальню, чтобы разбудить Алису и поцеловать ее. Так было и сегодня, но вместо того, чтобы сразу встать, девушка прикрыла глаза и... вновь уснула. А когда открыла, увидела, что до выхода из дома осталось пятнадцать минут. Проворно вскочив с кровати, она заметалась по квартире, одновременно одеваясь и завтракая куском хлеба: на приготовление бутерброда уже не было времени. Торопливо умылась, завязала волосы сзади в длинный хвост (слава богу, ее прическа не требовала ухищрений!), припудрила нос, нацепила очки в тонкой оправе, одернула офисную юбку из серой легкой ткани, подхватила портфель, накинула пиджачок – хоть и лето, но по утрам прохладно – и выскочила за дверь. Минута в минуту.

Когда она ждала лифт, за спиной раздался какой-то шум. Алиса оглянулась и с некоторым удивлением увидела, что возле соседней квартиры стоит женщина и ковыряется в замке. Алиса знала, что из трех квартир на площадке заселены лишь две: та, которую они с Сережей снимали, и которая находилась дальше от лифта. О том, что одна из квартир (ближайшая к их) пустует, узнала из разговора с соседкой. За три месяца, что они с мужем прожили здесь, Алиса успела познакомиться с обитательницей обжитой квартиры. Это была одинокая пожилая женщина,

дочь которой проживала в другом районе и иногда на выходные привозила внука. Все остальное время соседка Надежда Петровна жила одна. Скучала, развлекала себя просмотром сериалов. Встречаясь иногда с Алисой и Сергеем на площадке, обменивалась с ними короткими разговорами. По-стариковски сетовала на здоровье, делилась радостью, рассказывая о внуке, советовала универсам, цены на продукты в котором были на порядок ниже. И как-то в таком коротком разговоре обмолвилась, что третья квартира пустует.

И вот из этой самой квартиры, похоже, вышла женщина. Густо накрашенная, со взбитыми в пышную прическу ярко-рыжими волосами, одетая в красный деловой костюм – юбку и пиджак. «Может быть, хозяйка?» – подумала Алиса. «Или агент, занимающийся сдачей жилья», – сделала она поправку на деловой костюм женщины.

Алиса вежливо поздоровалась с женщиной и посторонилась, желая пропустить ту к лифту. Но незнакомка, не удостоив ее и взглядом, направилась сразу к лестнице. Ступала как-то неровно, неженственно, косолапя ступни в туфлях на шпильке и не разгибая полностью ноги в коленях, словно ходить на высоких каблуках ей было непривычно. «Чего тогда в них обулась?» – с неприязнью, вызванной игнорированием ее приветствия, подумала Алиса и вошла в открытые двери лифта.

То ли незнакомка спускалась по лестнице с астрономической скоростью, то ли, скорее всего, еще ковыляла на своих шпильках, но девушка с ней на выходе из подъезда не встретилась. Чему обрадовалась.

Метро, десятиминутная прогулка, и Алиса подошла к кирпичной пятиэтажке, прячущейся в зелени роскошных крон. Она направилась к крайнему подъезду, где весь первый этаж занимала их небольшая фирма. Поднимаясь по ступеням крыльца, девушка вспомнила, что главный бухгалтер сегодня полдня проведет в налоговой, и повеселела. Можно спокойно начать день с чашки чая. Обычно девушка переступала порог комнаты, которую делила вместе с главным бухгалтером, и тут же, не успев снять верхнюю одежду, проваливалась в рабочую рутину. Ее шефиня не давала отдышаться после дороги и привести себя в порядок. Алиса подозревала, что главбух приезжала в офис на рассвете, потому что всегда, когда ее подчиненная переступала порог, уже сидела за рабочим столом и либо сосредоточенно изучала что-то на мониторе компьютера, либо копалась в толстенных папках. Услышав скрип приоткрывающейся двери, Лидия Семеновна коротким кивком приветствовала помощницу и, не успевала та и рта открыть для ответного приветствия, уже озвучивала

приказания. Алиса еще в начале своей службы в этой фирме наивно полагала, что, если будет приезжать на полчаса раньше, у нее будет время, чтобы привести себя в порядок, сбегать в уборную и выпить чашку чая, прежде чем приступать к работе. Но если бы она появилась даже на час раньше, Лидия Семеновна опять же, не делая никаких скидок на то, что рабочий день еще не начался, нагроутила бы заданиями. Возмущаться было бесполезно. «Деточка, – начинала «воспитательную беседу» главбух, глядя на Алису поверх очков в тонкой позолоченной оправе. – не забывайте, что вы тут ради...» Ради чего она тут, Алиса предпочитала уже не слушать – и так прекрасно знала: зарплату ей платили неплохую, Лидия Семеновна, несмотря на свою вредность и занудность, многому ее учила. Одним словом, фирма была для девушки хорошей стартовой площадкой.

Так что, вспомнив, что сегодня Лидии Семеновны полдня не будет на месте, Алиса значительно повеселела и в офис вошла, радостно напевая под нос мотивчик услышанной утром по радио песни.

– Зайцева, я тебя жду-жду! – выскочила из-за угла Майка. – Шефа сегодня не будет, а твоя мырма в налоговую усвистела, так что пошли скорей пить чай! Я по такому случаю даже пирожных купила!

Подруга работала помощницей генерального директора, так что знала обо всех событиях, происходящих в офисе. А так как она еще вела тетрадь, в которой сотрудники отмечали свои приходы и уходы, то была в курсе, кто на месте, а кто отсутствует.

Глядя на то, как Алиса снимает и убирает в шкаф свой пиджачок, Майка от нетерпения даже приплясывала на месте и притопывала ножкой, обутой в туфлю на высоченной шпильке. Эффектная чернобровая и черноокая красавица с шикарной гривой густых вьющихся волос, она вызывала легкую женскую зависть у Алисы, масть которой было сложно определить. Бледная, будто выцветшая, кожа, светлые, неопределенного цвета глаза, почти невидимые брови и ресницы, бескровные губы. Алиса украдкой глянула на себя в навесное зеркало и тихо вздохнула: светлые волосы невнятного «мышинового» оттенка красивыми даже с натяжкой не назовешь. Были они тонкими, мягкими, укладку держали плохо, поэтому Алиса, не мудрствуя, гладко зачесывала их в хвост. Зеркало отразило еще круги под глазами, потому что из-за спешки девушка не успела наложить макияж.

– Что-то ты сегодня бледновата. Не заболела? – встревожилась Майка, словно угадав ее мысли.

Алиса метнула на подругу обиженный взгляд и хмуро выдавила:

– Проспала.

– А-а. Ну прости, прости, – ухмыльнулась язва Майка. И горделиво потряхнула шикарной гривой. – Ты идешь или и дальше будешь любоваться на свое отражение?

– Иду, – процедила Алиса, еле сдерживая завистливый вздох, и направилась следом за подругой в приемную при кабинете генерального директора.

– Между прочим, предложение отвести тебя к моему парикмахеру остается в силе, – заметила, не оглядываясь, Майка. – Она с твоими волосами может чудо сотворить.

– Чудо свершится, если мои волосы вдруг станут в три раза гуще. Но это из раздела фантастики, – вздохнула Алиса, усаживаясь на один из стульев, стоявших в кабинете Майки. Предназначались они для клиентов и сотрудников, ожидающих приема у генерального.

Подруга неторопливо воткнула в «гнездо» трубку радиотелефона, которую всегда брала с собой, если уходила с рабочего места. И нажала клавишу электрического чайника.

– Моя парикмахерша, конечно, волос тебе не добавит, но может подстричь так, что создастся визуальный эффект густых волос. А также покрасит в приличный цвет. В общем, из моли превратит в яркую бабочку.

Алиса, зная острозычную и прямую Майку, на «моль» уже не обиделась. А что обижаться, если она сама себя такой считала? Без косметики от стены не отличишь, а краситься Алиса не любила.

– Еще бы косметику тебе поменять. А то пользуешься этой розовой помадой, которая тебя лишь простит. И то от случая к случаю, – подруга снова угадала мысли. И, кладя в чашки чайные пакетики, предложила: – Давай после зарплаты проедемся по магазинам, я тебе подберу кое-что из косметики.

– Посмотрим, – последовал уклончивый ответ. Если принять Майкину помощь, то рискуешь остаться без копейки. Подруга привыкла пользоваться дорогой косметикой: Алиса видела в ее косметичке лишь одни «шанели» и «диоры». Если Майка станет подбирать ей косметику, в сторону бюджетных марок и не глянет. Алиса же считала, что ни лак для ногтей, ни помада не должны стоить бешеных денег. Можно обойтись продуктом и куда дешевле.

– Моя близкая подруга Ларка тоже считала себя невзрачной молью. Хотя, на мой взгляд, таковой не является. Натуральная блондинка, глазищи огромные, голубые. Так ведь нет же, «моль», и все, уж как я ее ни переубеждала. И что? Вышла эта «моль» замуж за такого крутого парня, что я ахнула, – закатила глаза Майка. – А у меня, ты знаешь, в женихах таа-

а-акие банкиры и бизнесмены ходили...

О своем бурном прошлом она любила рассказывать не стесняясь. Сейчас Майя была замужем за простым следователем, в котором, с ее слов, все было хорошо, кроме зарплаты.

– У меня уже есть муж. И других романов не надо, – заметила Алиса.

– Не надо? – прищурилась Майка. – А чего тогда так покраснела?

Алиса чертыхнулась про себя на прямому подруги и принялась снимать с выложенной подругой на стол коробки с пирожными целлофановую пленку.

– Он опять написал? – жадно спросила охочая до всяких историй Майка. Ее темные глаза уже заблестели в предвкушении новой порции «сериала». Она придвинула стул поближе, села на него, грациозно поставила локоть на стол и, подперев ладонью склоненную набок голову, выжидающе уставилась на Алису.

Девушка помедлила с ответом. Отомстить ли подруге, отказавшись рассказывать? Но ее саму распирало от желания обсудить короткий привет, присланный писателем, так что «месть» ограничилась лишь этой паузой, в которую Майкино любопытство достигло критической точки.

– Ну, написал, – с нарочитой небрежностью обронила Алиса, разливая по чашкам кипяток.

– И? – нетерпеливо поторопила подруга.

Алиса не спеша размешала сахар в чашке, выбрала пирожное, откусила, прожевала и после этого подняла на умирающую от нетерпения Майку глаза.

– Пожелал спокойной ночи.

Разговор на самом интересном для Майки месте оборвал неожиданно вошедший в кабинет без стука генеральный директор, который не должен был находиться в этот день в офисе. Коротко, с хмурым видом поздоровавшись с девушками, он красноречивым взглядом окинул развернувшееся «пиршество» и многозначительно поднял брови.

– Андрей Витальевич, чай будете? – засуетилась Майка. Шеф мотнул головой, отказываясь. И прежде чем пройти к себе, попросил подчиненную зайти к нему через пять минут.

– Все, сворачиваемся, – шепнула, все поняв, Алиса. – Освободишься – заходи ко мне. Пока «моя» не вернулась.

Майка пообещала зайти. Но день у обеих девушек выдался таким насыщенным делами, что увиделись они лишь раз, мельком, в коридоре.

Вечер неожиданно оказался свободным. После ужина брат с женой и сыном ушли в свою комнату отдыхать. Лиза закрылась у себя с книгой. Алексей, виновато потоптавшись перед Ингой, сообщил, что ему нужно поработать.

– Иди, иди, рыбный барон! – рассмеялась девушка, в шутку подталкивая Чернова в сторону его кабинета. – Знаю, что ты на работе женат.

– Хотелось бы на тебе, – пробормотал мужчина, кладя широченную ладонь на дверную ручку.

– Боюсь, даже если будет так, то мне все равно достанется роль второй жены. Первой будет работа, – ответила Инга. – Обо мне не беспокойся, я найду, чем себя занять. Почитаю в библиотеке.

Алексей пообещал, что не будет задерживаться, лишь просмотрит отчеты и проверит статистику. Инга не стала вникать в детали его работы, поднялась на цыпочки (хоть она и была высокой, мужчина был гораздо выше ее) и поцеловала его в губы. Алексей неловко сгреб ее в медвежьи объятия и от чувств стиснул с такой силой, что у Инги перехватило дыхание.

Уже когда он вошел в кабинет, ей подумалось, что шутка насчет первой и второй жены прозвучала неуместно. Первой женой была Кристина, мама Лизы. Инга мысленно с досадой обругала себя, но что сказала, уже сказала. Развернувшись, она вошла в соседнюю с кабинетом дверь и оказалась в библиотеке. И хотя бывала тут не раз, все равно, переступая порог, с восхищением и трепетом замирала в дверях. Эта библиотека была приданым Кристины и собиралась на протяжении поколений. Инга прошла вдоль стеллажей из дорогой древесины, стилизованных под старину (вначале она думала, что шкафы, как и фолианты, были такими же старыми, но потом Алексей сказал, что их сделали на заказ). Здесь были собраны и современные книги, которые покупала Кристина, и старые, изданные еще при жизни классиков. Настоящая сокровищница! Инга отлично понимала Лизу, которая любила тут закапываться. Ей вообще хотелось поселиться в этом книжном храме. Здесь она еле удерживалась от того, чтобы не ходить на цыпочках, дабы не потревожить покой святынь. Лиза как-то рассказала Инге, что ей кажется, будто книги разговаривают – едва слышно. Если вслушаться в тишину и прикрыть глаза, можно услышать еле различимый шепот. Инга, вспомнив

слова девочки, так и сделала: остановилась между двух стеллажей и, положив ладонь на один из переплетов, прикрыла глаза.

Но вместо истории, «рассказываемой» книгой, ей вспомнилась совсем другая – ее собственная, когда она чуть более года назад впервые оказалась в доме Чернова. С тех пор в библиотеке почти ничего не изменилось, только убрали раму из-под разбитого зеркала, оказавшегося не просто зеркалом, а магической дверью. За это воспоминание, как одна шестеренка часового механизма за другую, зацепилось следующее. И Инга невольно провела параллель между тем своим приездом и настоящим. Тогда она приехала сюда *бессильная*, опустошенная после того, как ценой собственной жертвы разрушила древнее проклятие, убрала нависшую над братом и Ларисой смертельную угрозу. Но ее сила восстановилась благодаря любви.

Сейчас не тот случай. В этот раз она сама уничтожила себя, проклятием убив человека. Пусть и насильника, убийцу, но это не снимает с души греха. Не должна она была обращать свои способности, свою силу во зло. Об этом не раз говорила бабушка – известная в прошлом ведунья, напоминала и через сны, что сила Инге дана ради того, чтобы творить добро. Проклиная на смерть другого человека, Инга погибла бы и сама вместе с «жертвой», если бы не вмешалась Лиза.

Непрощенные воспоминания обволакивали ее, будто паутина. И чем сильнее Инга сопротивлялась, тем больше запутывалась в них. Вот тебе и «шепот книг»... Девушка резко открыла глаза, потрясла головой, будто пытаясь вытрясти все нехорошие мысли. Что это она, в самом деле? Дар не приносил ей счастья. Так, может быть, сейчас, когда она потеряла силу, стала «обыкновенной», ей дан второй шанс? Шанс на счастливую жизнь – выйти замуж, родить ребенка... И не думать о том, сколько ей отведено – много ли, мало. Не гадать, что, может, лишь дана отсрочка. Не думать об этом...

Она схватила первую попавшуюся книгу и, не глянув на обложку, уселась за массивный стол.

– Так и знал, что ты здесь! – раздалось вдруг над ухом, когда она открыла первую страницу. От неожиданности Инга вздрогнула и подняла взгляд. Но вопреки ожиданиям увидела не Алексея, а брата.

– Я думала, что вы уже спать легли, – ответила она, закрывая книгу. Вадим прошел к столу, отодвинул второй стул и сел напротив сестры.

– Лара уснула в обнимку с Ванькой. А я отправился на поиски тебя.

– Соскучился? – усмехнулась Инга. – Быстро же.

Волна нежности затопила ее, когда она рассматривала брата. Хоть они

порой и спорили, иногда даже по-крупному, отношения между ними всегда были близкими настолько, что чувствовали друг друга на расстоянии. «Между нами особая связь» – так говорила Инга. И Вадим не возражал. А как же иначе, ведь они были двойняшками. Сестра едва сдержала порыв ласково пригладить взъерошенные светло-русые волосы брата. То, что они выгорели на солнце почти до льняного цвета, возвращало ее в другие воспоминания, счастливые, об их детстве, проведенном в этом городке.

– Я с тобой поговорить хотел, – серьезный тон Вадима окатил ее, разомлевшую от теплых мыслей, будто холодной водой. Серые глаза, казавшиеся сейчас стального цвета, смотрели в упор, так, что Инге теперь уже захотелось ответить: «Слушаю!» – как начальнику. Ох, видимо, руководящая должность в банке накладывает отпечаток на поведение Вадима и с близкими.

– Что с тобой происходит? – без всяких вступлений спросил он. И чуть опустил голову, глядя теперь на сестру уже не прямо, а немного исподлобья, что, однако, нисколько не смягчило взгляда. Напротив, теперь казалось, будто Вадим сканирует мысли Инги.

– А что со мной происходит? – ненатурально засмеялась она. – Ничего! Кроме того, что я счастлива, отдыхаю, наслаж...

– Не обманывай, – перебил брат. – Я тебя отлично за тридцать лет изучил. И вижу, что-то происходит, что-то мешает тебе наслаждаться отдыхом, держит в напряжении и, я бы сказал, пугает! Ты как будто живешь с оглядкой, в любой момент ожидая, что из-за угла на тебя выскочат с ножом. Так ведь?

Инга невольно поежилась: как точно выразил брат то, что с ней действительно происходит!

– Не ври, что с тобой все в порядке. Допускаю, тебе не хочется об этом говорить. Но я подозреваю, что не все так безоблачно, как ты хочешь нам представить. Да и Леша сказал, что ты в четвертый раз за эту неделю просыпаешься от кошмаров.

– Это он попросил тебя со мной поговорить? – быстро спросила Инга.

– Нет. Я сам. Зачем ему меня просить, если я и сам вижу, что с тобой что-то не так? Что тебя, красавица наша, так тревожит, что является в ужасных снах? Опять твои знаки-символы?

– Нет, – вырвалось опрометчиво у Инги. Даже брат не знает, что она утратила силу. И что «знаки» в виде предчувствий и вещей снов ее больше не посещают и, видимо, посещать не будут. Даже с бабушкой утрачена «связь». Инга вообще перестала видеть сны, кроме кошмаров, отражающих минувшие события. Она видела то преследующего ее насильника; то

Чернова, ведущего под венец другую девушку; то в ее снах на высокой скорости проносилась по мокрому шоссе синяя «Ауди» брата, полет которой обрывало бетонное ограждение; то вновь и вновь видела свежий могильный холм и табличку с известным именем. Крепко же держит в своих когтистых лапах прошлое!

– Я уже и не помню, Вадим, что мне снилось, – неловко соврала она. – После пробуждения тут же забываю.

– Однако... – покачал головой брат. И не было понятно, качает ли потому, что не верит сестре и осуждает ее ложь, или потому, что встревожился.

– Вадим, не бери в голову! Ничего страшного со мной не происходит! Это... Это просто мои женские страхи и сомнения.

– Сомневаешься в Чернове? – нахмурился он и даже придвинулся к сестре ближе, так, что его грудь соприкоснулась с краем стола. – Не можешь до сих пор забыть тот случай?

– Нет-нет, Вадим! Не это! Я знаю, что между Алексеем и Аллой ничего не было. Это... Так, несерьезное происшествие, которое даже интрижкой не назовешь.

– И все же после такого «несерьезного происшествия» ты чуть окончательно не порвала с ним!

– Но простила же.

– И правильно сделала. Я верю в Чернова. Верю ему. Он... настоящий мужик! И если бы ты вышла за него замуж, я был бы спокоен.

– Не предлагает, – рассмеялась Инга, постаравшись, чтобы смех прозвучал беззаботно. Однако брат уловил в нем плохо скрываемую горечь.

– Так он не знает, как к тебе подступиться! Ты же все его попытки в самом начале пресекаешь! Между прочим, Леша сказал мне, что собирается купить квартиру в Москве ради того, чтобы не расставаться с тобой.

– Когда это он так сказал? – удивилась Инга, обрадованная не столько этой новостью, сколько тем, что брат ушел от опасной темы.

– Да еще когда я в больнице лежал. Кстати, именно в тот день, когда ты сказала мне, что думаешь переехать из Москвы в этот городок.

– Надеюсь, ты не проговорился Алексею о моих планах? Потому что я еще не решила. Это-то меня и гложет...

– Понятно. Значит, в кошмарах ты видишь, как продаешь свою шикарную квартиру в Москве и въезжаешь в маленькую покосившуюся времянку в этом поселке. Угадал?

– Почти, – улыбнулась Инга и встала со стула. – Вадим, пойдем лучше

в свои комнаты. Мне хочется спать. Похоже, Чернова я так и не дождусь: если он увлекается статистиками, подсчетами и еще бог знает чем, то забывает обо всем на свете. Это еще один мой кошмар: оказаться в ЗАГСе с дурацкой фатой на голове и в одиночестве, потому что Чернову ничего не стоит забыть день бракосочетания. Он же со своими рыбешками обвенчан!

– Ладно, не утрируй, – проворчал Вадим, поднимаясь следом за сестрой.

Когда они, пожелав друг другу спокойной ночи, собирались разойтись, он вдруг сказал:

– Сегодня тебе удалось увести разговор в другую сторону. Когда решишься, я выслушаю.

– Но я... – попыталась возразить Инга. Вадим, уже повернувшись спиной, лишь махнул рукой, будто давая понять, что, как бы Инга ни пыталась его обмануть, ей это не удастся.

– Вадим! – предприняла она еще попытку.

– Спокойной ночи! Без кошмаров, – пожелал он, мельком оглянувшись. И направился к комнате, в которой остановился с женой и сыном.

III

Алиса вернулась домой первой. Сергей позвонил в тот момент, когда она выходила из метро, и сказал, что придет поздно.

Еще совсем недавно то, что муж задерживается на работе, огорчило бы: Алиса не любила находиться дома одна. Не потому, что одиночество пугало, просто без Сережи ей было неуютно и скучно. Хотелось прильнуть щекой к его плечу, сомкнуть пальцы в замок на его спине, прижаться так крепко, чтобы чувствовать стук его сердца. Когда она находилась дома одна, начинала скучать по мужу с тоской оставленного на целый день в пустой квартире котенка: то и дело поглядывала на мобильный в надежде, что Сережа пришлет ободряющее сообщение. Он часто так делал, когда задерживался на работе: знал, что жена без него грустит. Квартира, которую они снимали, большой не была, хоть и состояла из трех комнат. Одна из комнат-клетушек по прихоти хозяев стояла запертой, и в распоряжении жильцов были другая спальня, гостиная со старой, еще советского образца, мебелью, тесная кухня, совмещенный санузел и прихожая размером в два шага. И все же в такой небольшой квартире Алиса чувствовала себя будто в клетке. Слонялась из кухни в гостиную в ожидании Сергея, делая машинально какую-то мелкую домашнюю работу и постоянно думая о нем. Так было еще до недавнего времени.

А сейчас звонок мужа, что он задерживается, будто обрадовал ее. И Алиса устыдилась этой радости. Торопливо, будто замечая следы, постаралась «соскучиться». Но мысли о нем не поглотили ее всецело, как бывало еще совсем недавно. Вначале они прерывались другими, будто короткими радиопомехами. Потом те, другие, «завучали» постоянным фоном, а когда Алиса входила в квартиру, ею всецело завладевало одно желание – поскорей включить компьютер и проверить почту.

Не снимая летних туфель, прямо с сумочкой в одной руке, с перевешенным через локоть пиджаком она бросилась в гостиную к оставленному на столе ноутбуку. И пока загружалась программа, в нетерпении приплясывала рядом со столом.

Она понимала, что письма быть не должно, вчера уже получила короткое сообщение, и все же надеялась на маленькое чудо, по дороге домой нафантазировав себе глубокий диалог с кумиром. Однажды он, получив одно из длинных писем о ее сне, спросил, может ли использовать часть рассказа? Алиса с восторгом согласилась и спустя какое-то время с

волнением действительно увидела небольшой текст, выставленный на общее обозрение. Ее история, выписанная рукой Лучкина, ограниченная и украшенная, заиграла бликами. Автору удалось из пустой породы извлечь драгоценный камень. Этот день запомнился ей как один из самых счастливых.

...Конечно же, ящик оказался пустым. Алиса, все еще находившаяся под опиумом фантазий, испытала такое огорчение, в сравнении с которым объявление об урезании квартальной премии, которую она планировала потратить на путешествие, показалось бы сущим пустяком. Девушка присела на стул, вошла на сайт писателя и, увидев, что он утром оставил несколько ответов на форуме, испытала в дополнение к огорчению еще и странную ревность.

Спихватилась Алиса, что все еще сидит обутая, с сумкой в одной руке, лишь после того, как прочла все новые сообщения Лучкина на сайте. Поставив сумку на соседний стул, она, однако, не встала из-за стола, а зашла в раздел новостей, надеясь, что появится объявление о какой-нибудь книжной презентации, на которой она может увидеть своего кумира вживую. Но нет, новостей не было.

Этот человек привлекал внимание еще и своей загадочностью: несмотря на бешеную популярность, он сторонился различных мероприятий. Светские вечеринки, на которые его активно зазывали (оставляя приглашения прямо среди других сообщений на форуме), его не интересовали, он даже не удосуживался ответить отказом. Автограф-сессий, на которые так надеялась Алиса, не проводилось – по прихоти ли издательства, желающего сыграть на таинственности, либо из-за нежелания самого автора выходить на публику. Интервью он тоже давал редко, а если давал, то разговор каждый раз велся только вокруг книг. Но Лучкин, никого не пуская в свою частную жизнь, умел, однако, создавать у поклонниц ощущение присутствия друга. Когда Алиса рассказала Майке, что такая популярная персона общается в Интернете со своими воздыхательницами так легко и просто, будто с близкими людьми, та скептически хмыкнула и предположила, что за писателя «отписывается» администратор. Но Алиса придерживалась иного мнения: во фразах, лаконичных, но наполненных глубоким смыслом, касающихся нужной точки, чтобы завибрировала душа, прослеживался фирменный стиль автора и его мастерское владение душевной акупунктурой.

На сайте была вывешена фотография, та самая, которую поместили на обратной стороне книги. И хоть с каждой страницы романов сочился жизненный опыт, присущий старику, с фотографии глядел молодой

мужчина лет тридцати, довольно располагающей внешности – с таким светлым ликом, святым сиянием в глазах и открытой улыбкой, что ему и правда, как батюшке, хотелось исповедоваться.

И он исповедовал. Не в частной практике, которую, по слухам, оставил (где-то мелькнула информация, что Лучкин был по образованию психолог). А прямо там, на форуме, отвечая на длинные истории, которые ему доверяли, короткими, но попадающими в цель фразами. К нему, в его интернет-келью, несли свои душевные переживания, будто больные свои хвори к целителю. И он парой точных фраз если не излечивал, то приносил облегчение душам, будто святой, мимолетным касанием руки излечивающий тяжелые недуги.

Помимо той официальной фотографии писатель выложил несколько домашних. Вот он на даче, одетый в простые треники и застиранную футболку, разводит костер, а неподалеку, на деревянной некрашеной скамье, дожидаются своего часа нанизанные на шампуры сочные куски мяса, перемеженные с луком и томатными дольками. Вот писатель, облаченный уже в джинсы и толстовку, выгуливает свою собаку совсем не элитной, как хотелось бы приписать «звезде», породы. Но в глазах пса, смотрящего со следующей фотографии, где писатель обнимает его за шею, сквозят те же ум и мудрость, что и у хозяина. А вот и вовсе умиляющая поклонниц фотография Виктора с запеленатой малышкой на руках. Подпись к снимку гласит, что это дочь близких друзей. Были ли размещены эти фотографии потому, что писателю просто захотелось явить публике часть личной жизни, о которой он не рассказывал в интервью, но в которую позволяли заглянуть эти снимки, или это был точный расчет, согласованный с пиарщиками, мало кто из поклонниц задумывался. Главное, что воздыхательницы не оставляли без внимания ни один снимок, судачили, охали, строили домыслы, признавались в любви. Главное, говорили о кумире. И сметали его книги.

Алиса по привычке зашла и в этот раздел. Но и тут ее ожидало разочарование: обновлений не было.

– Сумасшедшая, какая же я сумасшедшая, – прошептала она, прикладывая ладони к горевшим щекам. Что-то мешало, и Алиса, опустив глаза, увидела, что до сих пор держит на локте смятый пиджак. – И правда, сумасшедшая...

Она повесила пиджак на спинку стула, выключила ноутбук и отправилась в ванную.

Разглядывая в зеркале лицо с покрасневшими щеками, которые на фоне общей бледности кожи казались такими яркими, будто намазанными

ягодным соком, Алиса подумала, что сейчас она даже хорошенькая. Приглушенный свет в ванной комнате смягчал линию заостренного подбородка, скулы сделал не такими резкими, замаскировал мелкие недостатки кожи. Девушка распустила волосы и потрянула ими. Ну и что, что у нее не такая шикарная грива, как у Майки... Алиса взяла в руку прядь мягких и тонких, как у ребенка, волос. Может, и правда послушать подругу и отдаться в руки рекомендованного парикмахера? Ей сейчас, после огорчения и все еще царапающей сердце когтистой лапкой ревности, как никогда захотелось перемен во внешности. Алиса умыла лицо и порылась в ящичке в поисках какого-нибудь чудо-средства, способного в одно мгновение превратить ее из блеклой девицы в яркую красотку. Но так как она косметикой почти не пользовалась, нашла лишь когда-то распечатанный и забытый пакетик с глиняной маской, купленный в подземном переходе. Отставив его на краю умывальника, девушка сбегала в спальню, чтобы переодеться в домашнюю одежду, затем принесла из кухни плоску, в которой собиралась приготовить маску.

Когда она накладывала на лицо разведенную водой глину, из коридора раздался шум, похожий на металлический лязг. Короткий, будто кто-то поставил на пол тряпичную сумку с инструментами.

– Сережа? – позвала Алиса, выглянув из ванной. И, послушав наступившую тишину, вновь спросила: – Сереж, это ты?

Не дождавшись ответа, она решила, что шум раздался от соседей: в ванной слышимость была куда лучше, чем в других помещениях квартиры. В соседней квартире никто не проживал, но из той, что находилась над ними, нередко доносились разговоры, топот, стук уроненных предметов.

Алиса спокойно домазала лицо глиной и, похожая на спецназовца, вышла из ванной. За компьютером она провела много времени и теперь торопилась наверстать упущенное, чтобы успеть к приходу мужа разогреть приготовленный вчера мясной гуляш и отварить макароны.

Шум, похожий на тот, что она услышала в ванной, раздался в тот момент, когда Алиса занесла над кастрюлей с кипящей водой пакет с макаронами. От неожиданности ее рука дрогнула, и в кастрюлю ухнуло почти все, что было в пачке.

– Вот же ж... – выругалась девушка и торопливо выглянула в коридор. Стук, который ей помешал, раздался так четко, будто кто-то уронил что-то металлическое не у соседей, а у нее в квартире. Оглядев пустую гостиную, Алиса постаралась успокоить нарастающий страх тем, что если у соседей на пол упал тяжелый предмет, то шум от него будет именно такой. И тут же, будто стремясь опровергнуть ее версию, из запертой комнаты

донеслось вначале тихое, но постепенно нарастающее лязганье, похожее на то, как если бы кто-то точил один нож о другой.

– Кто там?! – крикнула Алиса.

Полумертвая от ужаса, не отдавая отчета в своих действиях, она подкралась к нежилой комнате и надавила на ручку, но дверь не открылась. Тогда девушка навалилась на нее плечом, а когда попытка открыть дверь не увенчалась успехом, затарабанила кулаком. Лязгающий звук смолк, но вместо него раздался звук тихих шагов. Будто некто, находящийся в комнате, на цыпочках подошел к двери по ту сторону и тоже, как Алиса, прислушался.

– Эй! Кто там?! – истерично выкрикнула девушка и вновь стукнула в дверь кулаком.

– Ня-ня-ня, – послышалось тихое напевание, похожее на «пение» маленького ребенка. Девушка взвизгнула и, не помня себя от страха, понеслась к входной двери, чтобы выбежать на улицу. В коридоре она вдруг столкнулась с чем-то крепким и теплым.

– Ого, вот это радость, – весело прокомментировал муж, крепко сжимая жену в объятиях. Но не успел он развить шутку насчет той скорости, с какой Алиса вылетела, по его мнению, встречать его, как она, напуганная теперь еще и неожиданностью столкновения, завизжала и забила в объятиях Сергея.

– Лиса!

Сокращенное от имени прозвище, данное мужем, привело ее в чувство. Алиса резко оборвала визг и расширенными от страха глазами уставилась на Сергея. Тот глядел с тревогой в янтарного цвета глазах. Высокий из-за ранних залысин лоб прорезали три морщинки беспокойства, рот с по-женски пухлыми и яркими губами чуть приоткрыт, будто Сергей собирался что-то сказать, но в последний момент передумал. Рассматривая такое родное лицо, в котором каждая деталь была знакома – и симпатичные веснушки на широкой переносице, и маленькая родинка в левом уголке рта, и небольшая сосудистая «звездочка» на правой щеке, и едва заметный шрам размером в половинку копеечной монеты на виске, – Алиса постепенно приходила в себя.

– Что случилось?!

Она, часто дыша через приоткрытый рот, лишь смогла помотать головой. Всхлипнула и, совершенно забыв про засохшую на ее лице коркой глиняную маску, уткнулась в плечо мужа и заплакала.

– О господи, – уже не на шутку испугался Сергей. Подхватив невесомую для него жену на руки, он прошел в гостиную и, все так же не

спуская Алису с рук, присел на диван.

– У нас кто-то умер? – брякнул он первое, что пришло в голову.

Алиса помотала головой и, отнимая лицо от его плеча, вытерла кулаками глаза. Но сделала лишь хуже, потому что размякшая от слез глина теперь попала в глаза. Девушка чертыхнулась и, проворно вскочив на ноги, бросилась в ванную умываться. Недоуменный взгляд мужа, которым он посмотрел вслед, остался ею не замеченным.

Вернулась она из ванной уже более-менее успокоенная, с чистым розовым лицом. Сергей все сидел на диване и рассматривал черные от глины пятна на белоснежной рубашке.

– Не волнуйся, это легко отстирается, – сказала Алиса хрипловатым голосом.

– Так что у нас случилось? За тобой будто... черти гнались.

– Возможно, – ответила без улыбки Алиса. Муж попытался разрядить обстановку шуткой:

– Успели испачкать твоё лицо, а дальше ты уже не далась?

– Сереж, что находится там, в запертой комнате? – проигнорировав шутку мужа, спросила Алиса. Парень пожал плечами:

– Не знаю. Возможно, какой-то хлам, ненужные вещи, которые хозяева свалили. А что?

– Мне кажется, там кто-то живет!

– Мыши?

– Мыши не могут ронять на пол что-то очень тяжелое, металлическое, шлепать, как человек, ногами по полу, напевать детским голоском песенки.

– Что ты такое говоришь?

– То, что в той запертой комнате кто-то есть!

Долгая пауза, которая повисла вслед за ее выкриком, красноречивей слов показала, что думает по этому поводу Сергей.

– Ты мне не веришь... – с горечью сказала Алиса, опускаясь на диван рядом с мужем и свешивая руки между колен. Сергей не любил, когда жена принимала такую позу. Это означало, что она обижена почти до смерти и что виноват в этом он – бесчувственный пень.

– Лиса, – начал он, обнимая ее за плечи, по опыту зная, что оставлять жену обиженной чревато: тихая обида разрастется до бурных рыданий.

– Сереж, я не сумасшедшая, – совсем уж нелогично заявила Алиса.

– А я этого не сказал. Я вообще ничего не сказал. Это плохо?

– Это очень плохо, – улыбнулась вдруг Алиса и прижалась к нему. – Лучше бы ты сказал, что я сумасшедшая...

– Так что все же произошло?

Вздохнув, она рассказала и о том, что случилось, и о шагах, напугавших ее вчера.

– Мне бы хотелось заглянуть в комнату. Может, там есть какая-то дверь, ну, например, ведущая в соседнюю квартиру? И кто-то оттуда заходит в нашу и так меня пугает? Не специально, конечно. Живет своей жизнью, но поскольку я считаю, что в этой квартире никого, кроме нас, нет, пугаюсь до ужаса. Ты же знаешь, какая я впечатлительная... Меня всегда пугало что-то... потустороннее.

– Еще и мыши.

– Еще и мыши, – с тусклой улыбкой согласилась Алиса. – Но пусть уж лучше мыши тут бедокурят, чем... призраки.

– Какие призраки, Алиса, когда на дворе – кризис! – несмешно сострил муж, но она на эту реплику опять ответила улыбкой.

– Хорошо, – решительно встал Сергей. – Для твоего успокоения я взломаю эту дверь. Погоди, схожу за инструментами.

* * *

Этот кошмар мало отличался от предыдущих, только оборвался он совсем по-другому. Вначале все шло по знакомому сценарию: преследователь, учащенное дыхание с вонью гнилых зубов совсем рядом, цепкие пальцы на ее плече и проволока, о которую Инга спотыкается и падает в яму котлована. Она уже знает, что ее ждет: долгий полет, ощущение ужаса и рвущий легкие отчаянный крик, который оборвется в тот момент, когда ее тело упадет на торчащие прутья арматуры. И в тот момент, когда уже увлекло в пропасть, кто-то в последний момент ухватил ее за запястье и резко рванул вверх. В первый момент Инга подумала, что это преследователь. Но, едва придя в себя после испуга, она увидела, что рука, по-прежнему удерживающая запястье, принадлежит кому-то другому. Это была не тонкая «цыплячья» рука преследователя с непропорционально широкой по отношению к такому узкому запястью ладонью. А крепкая мужская рука со вздутыми, будто от физических нагрузок венами, с жесткой черной растительностью. Но только Инга подняла глаза, желая рассмотреть лицо спасителя, как... проснулась.

Алексей рядом мирно сопел во сне, видимо, на этот раз Инга не разбудила его криком. На электронном будильнике зелеными «кошачьими глазами» высвечивались цифры. Полшестого утра. Но спать уже совершенно не хотелось. Девушка тихонько села и спустила ноги с кровати.

Похоже, ночные походы по дому становятся привычкой. Выскользнув из спальни, она не стала спускаться на первый этаж, а прошла в библиотеку. Не только Лиза искала уединения здесь, в этом храме. Книги, их многозначительное молчание, действовали и на Ингу магическим образом, внося покой в ее мысли, устраняя страхи, уравнивая эмоции.

Она не стала зажигать общий свет, а в потемках прошла к столу и включила лампу. Читать не хотелось, ей лишь нужно побыть в одиночестве – не до утра, только чтобы убаюкать разбуженные приснившимся кошмаром воспоминания.

Левое запястье болело. Инга обратила на это внимание только сейчас, беря в руки оставленный ею же с вечера том. Странно, будто за руку дернули не во сне, а наяву. Она сдвинула тонкие серебряные кольца браслетов повыше на предплечье и потеряла запястье. Как бы ей хотелось «закрыться» от этих кошмаров! Но какие бы методики она ни применяла перед сном, желая себе спокойного отдыха, ничего не выходило. Ни знания ведуньи не помогали, ни психологические приемы.

– Крах по всем фронтам, – вздохнула Инга, имея в виду проигранную войну ночным кошмарам. Остается лишь последнее средство – доктор-время.

Ее близкие, которых тоже немало потрепало в тот сложный период, сейчас, казалось, совершенно забыли о перенесенных бедах. Лариса светится от счастья, находясь рядом с любимым мужем. Вадим ни словом, ни мимикой не выдает, беспокоят ли его полученные в аварии травмы. С Ларисой он нежен и заботлив даже больше, чем раньше. Похоже, после пережитого у них начался новый медовый месяц. Алексей, несмотря на свою обычную занятость, старается уделять Инге и дочери как можно больше внимания. Нежный, ласковый, заботливый, внимательный... Чернов – не Чернов. Не «рыбный барон», известный своим жестким характером, а влюбленный студент в весенний период. Только Лиза, проницательная, не по годам умная девятилетняя девочка, иногда бросает на старшую подругу такие взгляды, что создается ощущение, будто девочка читает настроение Инги.

– Время, время, дайте мне время, – пробормотала, не обращаясь ни к кому и одновременно ко всем сразу, Инга, пролистывая без интереса взятую книгу. Запястье все так же ныло, не давая забыть о приснившемся и невольно заставляя думать о спасителе, выхватившем ее из пропасти. Новая «деталь» в кошмарах. Может быть, всего лишь результат ее психологической установки на позитив? Не удалось избавиться полностью от кошмаров, но удалось «повернуть» их так, чтобы оканчивались они ее

спасением? Может быть. Маленькая победа.

Она встала и с книгой в руках сделала круг по библиотеке, отыскивая место на стеллажах, откуда сняла этот том. А после, поддавшись непонятному порыву, вышла из библиотеки, но отправилась не в спальню, где продолжал досыпать оставшийся до подъема час Алексей, а во двор, где со вчерашнего вечера на веревке сохла выстиранная одежда. Наверное, охранники, днем и ночью оберегающие покой обитателей дома, позабавились, увидев вышедшую во двор в одной ночной сорочке гостью. Но Инге было все равно, как они отнесутся к ее выходу. Она сняла с веревки высохший сарафан и с ним вернулась в дом. Переоделась в туалетной комнате на первом этаже, бросила сорочку в корзину для грязного белья и вышла опять на улицу.

– Инга?

Ее выход не остался незамеченным. А как иначе: мимо тщательно отобранных на эту работу охранников и муха не пролетит. Из будки вышел молодой парень, имя которого, к своему стыду, Инга не запомнила, и остановился в шаге от девушки.

– Я пройдусь немного, – улыбнулась она, про себя чертыхаясь на такую «слезку». Ну и как тут жить – под вечным прицелом видеокамер и недремлющего ока секьюрити? Помнится, впервые оказавшись в доме Чернова, Инга с сарказмом поинтересовалась, не натканы ли вездесущие «глазки» камер и в туалетных комнатах... Но, с другой стороны, она понимала желание Алексея обезопасить себя и близких. Особенно после того, как чуть не похитили его дочь.

– Что мне передать Алексею Юрьевичу? – по-деловому «допросил» охранник, не спуская с девушки сверлящего взгляда. Наверняка «записывает», как видеокамера, происходящее «на пленку». Бравые ребята, никаких сантиментов. Только работа, работа, работа. Может, оно и правильно. Но Инга почувствовала себя неуютно. Будто пересекала в неприлично короткой юбке двор с сидевшими на лавочке местными бабушками-сплетницами.

– Да ничего не нужно передавать! – махнула она рукой. – Куда я денусь, пройдусь лишь немного по улице, подышу воздухом и вернусь.

– Но... – растерялся охранник, уже представляя, какой выговор получит от хозяина за то, что не сможет внятно ответить тому, куда подевалась его подруга. Но девушка уже направилась к калитке.

– Инга! – донеслось ей вслед.

– Скажите, что я ушла прогуляться на кладбище, – с приятной улыбкой, оглянувшись, ответила Инга. И усмехнулась про себя, представив,

какую реакцию, тщательно скрываемую невозмутимостью, вызвало такое ее заявление. Наверняка, по мнению охранника, на кладбище в половине шестого утра прогуливаются лишь ведьмы. «Может, добавить что-то вроде того, что отправилась я туда за приворотной травой?» Но, решив, что это уже будет перебор, Инга промолчала.

Про кладбище вырвалось случайно, она не собиралась туда идти. Хотела лишь пройтись по улицам, не уходя далеко от дома Чернова. А теперь, после оброненного вроде бы в шутку замечания, ее ноги сами свернули на дорогу, ведущую к городскому кладбищу.

Брат в отличие от нее периодически приезжал в этот приморский городок, следил за могилками родителей и бабушки. Она же по необъяснимым для нее самой причинам предпочитала не возвращаться. Видимо, боялась, что родной город поманит ее, суля материнские ласки. Приехала после долгого перерыва лишь прошлым летом – будто и правда в поисках утешения. Город принял ее, но коварно подстроил ловушку, перетасовав все планы и выложив собственную комбинацию: привязал к себе неожиданно вспыхнувшей любовью к мужчине и девочке, живущим здесь.

Инга миновала улицу с большими, «богатыми», как их тут звали, домами и вышла на дорогу. Прошла по пыльной обочине, свернула на первом повороте, вышла на ухоженную набережную, еще пустую в этот ранний час (курортники, как правило, в шесть утра крепко спят, отдыхая от ночных развлечений). Поплутала в паутине других улочек, сплетающихся вместе в узор, где частенько теряются неместные, миновала рынок, который в этом городе просыпается первым. Увидела, что торговцы фруктами и овощами уже выкладывают на каменные прилавки свой товар в ожидании первых покупателей, и едва справилась с искушением зайти и купить что-нибудь вкусное, дразнящее распространяющимся в свежем воздухе запахом. Потом, на обратном пути.

Еще пятнадцать минут ходьбы, и она вышла на дорогу, ведущую к городскому кладбищу. Оно было огорожено низкой бетонной стеной, не столько защищающей от вандалов, сколько просто обозначающей его территорию. Впрочем, насколько Инга знала, случаи вандализма в этом городке были очень редки.

Она вошла в обычную калитку (никаких тебе высоких ворот, какие бы могло нарисовать воображение), оказавшуюся не запертой, и направилась по узкой асфальтированной аллее, укрытой от солнца склоненными в скорбном почтении кронами плакучих ив, к могилам родных. Но хотя Инга могла найти дорогу с закрытыми глазами, невольно замедлила шаг, будто в

растерянности. Находясь в этом городе сейчас, она все оттягивала и оттягивала обязательный визит сюда. И не потому, что это место навевало грустные мысли и тревожило воспоминания. В этот раз прийти к родным было тяжело, потому что ей казалось, будто бабушка «спросит» с нее за нарушенный наказ, за совершенное. Преступила. Других погубила и чуть сама не погибла.

С бабушкой связь через сны, кажется, потеряна насовсем. Не приходит она больше к внучке... Инга обрадовалась бы любому сну с ней, даже если бы та ругала ее. Но нет, не снится.

С тяжестью на душе девушка дошла до нужного места. С прошлого лета многое изменилось: старую скамеечку заменили на новую, покосившиеся памятники поправили, почистили, оградку выкрасили в свежий цвет молодой зелени. Спасибо Алексею – взял на себя труд следить за могилами.

Инга присела на скамеечку и, сложив ладони меж колен, смиренно склонила голову. Хотя со стороны и казалось, что сидела она в скорбном молчании, ее мысленный монолог с упокоившимися родителями и бабушкой был горяч.

Раньше, когда Инга навещала могилы, она всегда ощущала присутствие близких. Сегодня же впервые чувствовала пустоту. Будто и впрямь «разговаривала» лишь с бездушными памятниками. Дело в утраченной силе или в том, что она преступила, обратила свои способности во зло? Скорее, в последнем. Год назад она вот так же сидела тут, обессиленная, но чувствовала присутствие родных так, будто они стояли рядом. А бабушка «давала» ей советы, «упрекала», что пренебрегает внучка защитой, говорила, что и засушенная роза может возродиться от воды, если та вода – любовь.

– Бабушка, прости! – вырвалось у Инги вслух. И отчаянный крик в мертвой тишине разнесся, кажется, на все кладбище. Сколько таких просьб о прощении выслушали эти молчаливые ивы, склоняющие ветви-плети в плаче, роняющие слезы за всех потерявших, – не счесть.

И то ли из-за ответного молчания, то ли потому, что заразилась от ив-плакальщиц их скорбью, она расплакалась. Но слезы не принесли ожидаемого облегчения, а бездушные памятники – утешения.

* * *

Иногда в узкое оконце, находящееся почти под самым деревянным

потолком, заглядывал заблудившийся солнечный луч, но, быстро скользнув по земляному полу, поспешно сбегал, будто пугался мрачности, которая поселилась здесь навеки. И зимой и летом тут было одинаково серо, пасмурно, словно солнце избегало проклятого места.

Она как-то услышала, что солнечный свет – это не что иное, как вестник того, что одна из душ-преступниц получила долгожданное освобождение и с лучом уходит в другой мир. И неожиданно для себя поверила в это. Больше ни во что не оставалось верить, только в короткие солнечные визиты. И теперь, каждый раз увидев на полу или стене светлое пятно, по старой привычке начинала молиться за отходящую душу, про себя завидуя полученной ею долгожданной свободе. Но мало было тех, кто уходил вот так, с солнечным лучом. Чаще умирали в особо пасмурный день, как и надлежит виновным в тяжких преступлениях, долгою смертью, в мучениях, длившихся не одни сутки, с криками, которые вырывались наружу из этих подземных помещений и разносились по всей территории.

Когда-нибудь и она вот так же... Когда-нибудь и ее наполненный нечеловеческими муками голос вырвется из-под земли, вознесется к небу и, отверженный им, полетит обратно на землю тяжелым камнем, раздавит ее. Из искаленной груди вырвется другой крик. И так, с криками, разорванная ими, будет уходить из нее душа – по частям, очень долго и невыносимо больно. Не будет легкого избавления, зря она надеется на это, зря обманывает себя придуманной сказкой, что прощенные умирают с солнечным светом. Им, согрешившим, не будет прощения. Ожидание мучительной смерти – еще одна часть наказания, которое они обречены нести. Как и воспоминания о других мученицах...

...Ей до конца жизни-нежизни запомнилась та молодая девушка, имени которой она не знала и про себя звала новенькой. Никто точно не знал, как новенькая появилась среди них. Пришла ли, ведомая зовом – как приходили и другие, – или же кто-то привез? По слухам, нашли ее на ступенях бывшего храма без чувств. Но, судя по тому, что девушка проникла на защищенную территорию, на которую ни зверю, ни простому смертному не попасть, пришла сама.

Она так и не узнала, кто первым обнаружил новенькую. Увидела лишь, что вокруг ступеней бывшего храма вдруг стали собираться другие: молчаливые, мрачные, облаченные в рваные грязные одежды, нечесанные, неумытые, изможденные. Останавливались неподалеку, не решаясь подойти ближе, словно лестницу от толпы отделяло огненное кольцо.

Повинуясь вдруг неведомому порыву, она, такая же проклятая, как и все, вдруг решительно раздвинула руками стоявших перед ней и стала пробираться вперед. На нее сердито оглядывались, думая, что она собирается продвинуться в первый ряд, чтобы лучше разглядеть. Но потом, угадав намерения, толпа стала расступаться, но не в уважении, а в страхе и брезгливости, будто пропуская прокаженную. Если в чьих-то глазах и мелькало сострадание к несчастной девушке, лежавшей на ступенях, оно тут же гасло: сочувствовать таким же, как они, значило забывать о тяжести совершенного греха.

Ей и самой не понять, почему она поступила так, почему не оставила новенькую там, на ступенях. Ведь здесь не протягивали руку помощи себе подобным. Никто даже словом, даже мысленным сочувствием не должен пытаться облегчить страдание. Но, не обращая внимания на жгущие спину осуждающие взгляды, она поднялась по ступеням, наклонилась к девушке и, подхватив ее легкое тело, понесла. Перед ними так же расступались, пропуская. Только теперь в некоторых взглядах мелкнуло не только осуждение, но и одобрение, тщательно скрываемое под опущенными ресницами.

Она принесла новенькую к себе и те три дня, что бедная девушка металась в горячке, выкрикивая то мольбы, то проклятия, не отходила от нее, будто родная мать. А в последнюю ночь, почувствовав, что мучения девушки стали невыносимыми, вынесла ее из своей камеры наружу, желая, чтобы ее душа ушла с ветром.

Она и сама не понимала, чем ей так приглянулась эта девушка, еще совсем девчонка. Было в ней что-то такое, что заставило душу грешницы, опустошенную совершенным грехом, растрескавшуюся, как иссушенная земля, выпустить слабый зеленый росток. У той девчонки, имя которой так и осталось неизвестным, были такие глаза, воспоминание о которых будет сопровождать ее все оставшиеся дни-века ее жизни-нежизни. В них, глазах-колодцах, тонули звезды, и казалось, будто звезды отражаются не в них, широко распахнутых навстречу отвернувшемуся от ее молитв небу, а наоборот – в небе.

Та девочка, уже болью, которая разлилась океаном в ее глазах цвета пепла, могла искупить грехи не только свои, но и всех их. И быть прощенной. Но мучилась так тяжело, как самая последняя грешница. Мучилась, будто нечто терзало ее изнутри, разрывало в поисках выхода внутренности. И лишь на исходе третьего дня это нечто вырвалось наружу. «Оставьте меня!» – были последние слова той девушки с глазами цвета пепла. Выкрикнув их, она будто избавилась от мучившего ее демона.

И наконец-то испустила дух.

...Сейчас, увидев на полу светлое пятно, грешница подумала, что с этим солнечным лучом к ней заглянула та девочка, чтобы передать немую благодарность. Чтобы дать надежду, что своими страданиями они вымаливают прощение тех, против которых преступили. Тех, которых погубили.

IV

Собираясь на работу, Алиса не могла отделаться от липкого, как растаявшая карамель, ощущения, будто за ней кто-то наблюдает. И не в щелку, украдкой, а так, словно она находится на виду, как участница телешоу, заключенная в помещение со стеклянными стенами и понатыканными везде камерами. Каждый жест, каждое движение «проглядывается» со всех сторон – не скрыться. Откуда взялось это ощущение, она не понимала, и это тревожило. Может, с ней самой что-то не так? Слуховые галлюцинации вкупе с ощущением, будто попала под слежку... Кому расскажи – отправят к психиатру.

Засыпая во вскипевшее молоко овсянку, Алиса старалась вспомнить, не было ли у нее в роду случаев шизофрении, но ничего подобного припомнить не могла. Правда, тетка по папиной линии отличалась экстравагантностью, но то была «чудинка» стареющей женщины, пытающейся всеми силами догнать уходящий поезд молодости и все никак не желающей принять то, что в жизни наступила осень. Тетка даже отрицала золотую пору бабьего лета своего возраста и упорно наносила на лицо «молодящий» макияж в розовых тонах, одевалась как тинейджер, заплетала выбеленные волосы в две тонкие косицы. Но можно ли отнести теткин случай к заболеванию? Алиса покачала головой, не соглашаясь, хоть и звала ее про себя сумасшедшей. И тут девушка спохватилась: выискивая в роду случаи шизофрении, она тем самым как бы принимала то, что подозревает начало заболевания у себя. «Нет!» – воскликнула Алиса про себя и тряхнула головой. Она здорова, а то, что произошло... Ну и что, что этому нет объяснения. Будто мало на свете всяких необъяснимых явлений!

И все же девушка решила для собственного успокоения войти на работе в Интернет и почитать про различные психические заболевания. Не нравится ей то, что случилось дважды. Не нравится и то, что все утро она чувствует себя лабораторной мышкой, за которой следят десяток пар глаз ученых-экспериментаторов.

Впрочем, готовя завтрак, раскладывая по тарелкам овсяную кашу, она ловила на себе и настороженные взгляды мужа. Сережа не умел наблюдать скрыто, хоть и думал, наверное, что его взгляды останутся не замеченными женой. Не умел ни врать, ни скрывать что-либо, был открыт, как ладонь. И это было, с одной стороны, хорошо, но с другой... Именно сейчас это его топорное неумение делать что-то скрытно Алису очень раздражало,

нервировало и злило. Под взглядами мужа она была будто под софитами. Вся на виду – мимика и жесты, выдающие волнение. И хоть Алиса понимала, что это связано со вчерашним происшествием, не получалось отвязаться от мысли: муж поглядывает подозрительно потому, что ему стало известно о ее тайной переписке.

– Ну что ты так на меня смотришь?! – не выдержала она в тот момент, когда Сережа уж совсем стал откровенно провожать взглядом каждую ложку с кашей, которую Алиса отправляла себе в рот.

Муж встрепенулся и заморгал, будто его поймали с поличным.

– Так... Ничего. Беспokoюсь за тебя. Ты вчера меня здорово напугала.

– Я в порядке, – буркнула Алиса, опуская взгляд в тарелку. – И не сумасшедшая, – добавила после того, как Сережино ответное молчание на ее реплику показалось слишком уж красноречивым.

– Я этого не говорю!

– Ну и хорошо. Давай оставим эту тему. Ешь кашу. Нам выходить через пятнадцать минут.

Завтрак прошел в тишине: они не обсуждали, как обычно, новости, не строили планов на будущий вечер. Доели, молча, каждый свою порцию, так же молча составили тарелки в раковину, выпили чай. «Будто мы в ссоре», – подумала Алиса, и ей захотелось сделать что-то такое, чтобы убедить себя в том, что это не так. Порывисто броситься мужу на шею, крепко-крепко прижаться к нему всем телом, потереться носом о пахнущую пеной для бритья щеку – как она делала обычно, еще совсем недавно. Но почему-то Алиса сдержала этот порыв.

В машине она включила радио и под бодрые призывы ведущего начать новый день и его несмешные шутки опять задумалась о вчерашнем происшествии.

...Сереже удалось открыть запертую комнату. Замок был простым, держался на паре винтов. Муж просто вывинтил его и потом, когда они уже осмотрели комнату, вставил обратно. Хозяйка, сдавшая им жилье, вряд ли заметит, что квартиранты заглядывали в закрытое помещение.

В комнате не оказалось ничего интересного. Вернее, интересного было много чего, но все, что находилось там, не могло дать объяснения шумам, которые так напугали Алису. Девушка и сама не знала, что ожидала увидеть. Может быть, другую дверь, ведущую в соседнюю квартиру, через которую кто-то мог бы проникнуть в их. Или клетку с каким-нибудь животным, способным долгое время прожить без пищи и ухода. Да что угодно! Но комната была заставлена старыми вещами: пустыми

чемоданами (Алиса не поленилась заглянуть в каждый), стульями с протертой на выпуклых подушках-сиденьях обивкой, тюками с тряпьем, связками старых газет и журналов. Возле стены стояла кровать без матраса с металлической сеткой, а рядом – ящик с инструментами. Около противоположной притулился, будто утомившийся старик, пустой буфет. Под встревоженным взглядом мужа Алиса обошла комнату дважды, рассматривая вещи вначале испуганно, осторожно, потом – более внимательно. Сережа же все это время стоял возле двери, с вывернутым замком в одной руке и отверткой – в другой. И женщина, чувствуя на себе взгляд, злилась. И на него – за то, что он вскрыл эту комнату не потому, что поверил рассказу, а чтобы прекратить ее истерику. И на эту ситуацию, в которую она попала.

Происшествие так обессилило и расстроило ее, что Алиса отказалась от ужина и легла в постель. Сережа заботливо приготовил чай, в который добавил коньяку с медом. И даже посидел рядом, пока жена не уснула, словно мать с заболевшим ребенком. Но хоть и спала глубоко, во сне продолжала переживать случившееся. Ей снилось, что сидит она за компьютером и пишет письмо кумиру, в котором подробно рассказывает обо всем случившемся. И после того, как оно было отправлено, Алиса проснулась. Муж уже спал рядом, на табло электронных часов высвечивалось время – три часа. Однако, хоть до подъема еще оставалось много времени, она чувствовала себя выспавшейся. Еще немного поворочавшись в раздумьях, переживая в воспоминаниях не вечерний кошмар, а недавнее сновидение, оставившее молочно-сладкое, как ириска, послевкусие, девушка решительно встала. Сон подсказал решение: нужно поделиться происходящим с писателем Лучкиным и спросить у него совета! Чьи еще слова могут успокоить лучше чая с коньяком? Алиса тихонько вылезла из постели и включила ноутбук...

Сейчас, разглядывая в окно поток почти не двигающихся машин, она думала, что поступила очень глупо, написав такое письмо с шизофреническим душком человеку, уважение и внимание которого желала завоевать. Поддалась желанию получить сочувствие и совет... Но ведь его сочувствие не нужно! Не потенциальной клиенткой хотелось быть для него, а Богиней. И неважно, что на «богиню» она не тянет, ведь так приятно потешить себя фантазиями, как в один из дней она встречает писателя в реальности и пленяет его своей привлекательностью, загадочностью и умом!

Сейчас, уныло рассматривая плетущийся рядом с их машиной по

другой полосе серый «Опель», Алиса думала о том, что ее мечты – всего лишь пепел, растертый между пальцами. Красотой она не блистала. Загадочной тоже не была – достаточно вспомнить, как она письмо за письмом обнажала перед писателем душу, рассказывая в подробностях даже свои сны. Ум... О каком уме можно говорить после того, как она так глупо попала на удочку подростковых фантазий и увлеклась «звездой», мечтая, что однажды «небожитель» сойдет с небосклона ради нее? Божество не преклоняет колен перед блеклой глупой молью. И уж тем более о каком уме можно говорить после того, как она вчера рассказала о том, что с ней происходит.... Об этих «галлюцинациях»...

– Алиса, что с тобой? – ворвался в ее мысли встревоженный голос мужа. Алиса от неожиданности вздрогнула и резко повернулась к нему.

– Ты так скривилась. У тебя что-то болит?

Болит. Совесть и самолюбие.

– Нет, – мотнула она головой и вновь уткнулась в окно. Машины в соседнем ряду получили возможность двигаться быстрее, чем в ряду, где простаивал их «Фольксваген», и серый «Опель» вырвался вперед на три машины. Его место заняла другая, не опознанная Алисой иномарка синего цвета, с заднего сиденья которой мальчик лет пяти показывал Алисе в окно язык. Девушка не сдержалась и состроила мальчику рожу. Тот засмеялся и высунул свой розовый широкий язык так сильно, как мог. «Фу», – подумала Алиса и отвернулась. Вытащив из сумочки мобильный, она вошла в Интернет, чтобы проверить почту. И, не увидев ответа от писателя, еле сдержала набежавшие от огорчения слезы.

* * *

Когда Инга свернула на улицу, ведущую к дому, то заметила вышедшего из ворот брата. Вадим, одетый в джинсы и светлую футболку, шел навстречу торопливым шагом.

– Ты куда собрался? – удивленно спросила Инга, подходя к приостановившемуся при виде ее брата.

– Почти то же самое собирался спросить и у тебя, с той лишь разницей, что меня интересует, откуда ты идешь.

– С кладбища, – не стала отпираться Инга.

– Понятно, – многозначительно усмехнулся Вадим. Но ни расспрашивать, ни комментировать больше не стал. Сунул руки в карманы и, кивнув за спину сестры, спросил: – Пройдешься со мной?

– Далеко? Боюсь, Алексей уже проснулся и хватился меня.

– Хватился, – кивнул брат. – Но я сказал, что ты пошла на рынок. Ты тут превратилась в раннюю пташку.

Вадим был прав: обычно Инга ложилась спать очень поздно и вставать рано не любила. А здесь, в городке детства, будто вернулись ее утраченные привычки. Часто Инга вставала рано и уходила на рынок, чтобы принести Нине Павловне свежих, еще с капельками росы на боках, овощей, не успевших истомиться под утренним солнцем в корзинах в ожидании своего покупателя. Домработница говорила, что, если хочешь получить лучшую часть мяса и застать богатый выбор рыбы, отправляться за покупками нужно спозаранку. Ни рыба, ни вырезка дожидаться, пока ты выспишься, не станут. И Инга соблюдала это правило.

– Я проходила мимо рынка, но не зашла на него. Задумалась.

– Понятно. Ну так что, пройдешься со мной? Не беспокойся, Алексей уже заперся в кабинете с работой.

– Тогда пошли, – согласилась Инга.

Когда они в молчании дошли до развилки двух дорог, одна из которых вела к рынку, а другая – к набережной, Вадим вдруг подхватил сестру под локоть и повел ее по той дороге, которая шла к морю.

– Эй, я думала, мы на рынок идем...

– Успеем. Пойдем поздороваемся с морем.

Они неторопливо шли по пустой, позолоченной утренним солнцем набережной. Инга помнила ее еще узкой, отгороженной от пляжа обычной оградой из металлических прутьев. Сейчас же, отреставрированная, расширенная едва ли не втрое, вымощенная новой плиткой, украшенная белоснежной стеной с колоннами, с фонарями «под старину», набережная приобрела помпезный вид. Но, несмотря на то, что эта, новая, украсила город, та, старая, нравилась Инге куда больше. Просто потому, что по ее разбитым плитам она бегала девочкой, через тот некрасивый забор перемахивала легкой птицей, в каждой трещине, как в пещере – сокровища, скрывались ее детские воспоминания. Эта же, белоснежная красавица, казалась чужой. Сейчас, прогуливаясь по ней рядом с братом, Инга думала о том, что в родном городе она чувствует себя курортницей. Но, может, все дело в том, что почти половина ее жизни прошла в столице, и Москва с ее суетой, загазованностью, шумом стала куда ближе провинциального города. Инга уже давно жила на бегу, следуя столичным правилам.

– Знаешь, Вадим, я все же думаю о переезде, – она первой нарушила молчание. Похоже, брат решил ни о чем ее не расспрашивать и ожидал, когда сестра сама начнет разговор.

Он не выказал удивления, едва заметно кивнул, давая этим понять, чтобы Инга продолжала.

– Ты знаешь, что значат для меня Алексей и Лиза, – сказала она, от волнения теребя серебряные браслеты на запястье. – В нашей ситуации надо что-то решать. Вернее, кому-то решиться. Его, как видишь, к этому месту привязывает куда больше вещей, чем меня – к Москве.

– Не знаю, как ты проживешь без столицы, ведь ты уже давно стала ее частью. Или она – частью тебя, – ответил Вадим, хмурясь. И вытащил из кармана джинсов смятую пачку сигарет.

– Ты же сам говорил, что был бы только рад тому, если бы я связала свою жизнь с Алексеем.

– И говорю, – кивнул он, приостанавливаясь, чтобы прикурить. Дым попал ему в глаза, и он, поморщившись, помахал ладонью, разгоняя его. – Если бы ты вышла замуж за Чернова, я был бы за тебя спокоен.

– А сейчас не спокоен? – засмеялась она, протягивая руку, чтобы попросить сигарету.

Вадим не ответил на ее вопрос, лишь, глядя на требовательно раскрытую ладонь, нахмурился:

– Ты же ведь почти бросила?

– Почти не считается.

Он протянул ей сигарету и чиркнул зажигалкой. Инга прикурила и замолчала. Она ожидала от брата вопросов, уговоров или советов, но тот продолжал идти молча. Лишь часто подносил к губам сигарету и выдыхал дым так резко, будто сплевывал.

Какое-то время они так и брели в тишине, нарушаемой иногда криками чаек, – долго, до тех пор, пока не оборвался белоснежный забор и нарядная плиточная набережная не осталась за их спинами. Они прошли по асфальтированной дороге, сузившейся в простую тропу, и, увидев спуск к морю, направились к нему. Вступив на прохладную гальку, Инга скинула шлепанцы и пошла по гладким камешкам босиком. Вадим задержался, чтобы развязать шнурки на кедах.

– Ты изменилась, – сказал он вдруг, нагоняя сестру возле кромки моря.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она, не оборачиваясь и неторопливо продолжая путь по той пограничной линии на берегу, до которой добежали волны. Так она любила ходить в детстве: следовать по линии, разделяющей сухие камни от влажных.

Ее тон – нарочито расслабленный, даже с налетом безразличия – мог бы обмануть кого угодно, но только не Вадима, знавшего сестру как себя.

– То и имею в виду, что ты стала другой. Я видел много изменений с

тобой, видел тебя и несчастной, и счастливой, напуганной и встревоженной, влюбленной, страдающей, почти поверженной... Какой я еще тебя видел? Всякой. Но сейчас изменилась ты сама, а не твое душевное состояние. Не знаю, как объяснить... Если бы я мог чувствовать как животное, неуловимые для нас запахи, я бы сказал, что изменился твой запах. Ну какое еще сравнение дать... Будто изменился цвет твоей кожи.

– Еще скажи, что я изменила пол, – засмеялась Инга, но смех прозвучал невесело.

– Только попробуй! – шутливо пригрозил Вадим и вновь сменил тон на серьезный: – Я пристаю не из праздного любопытства, сестра. Ты меня беспокоишь. Что-то случилось, что-то тебя тревожит, но ты не желаешь мне рассказывать, чтобы не волновать. Так ведь? Я тебя знаю. К тому же почти привык, что ты то и дело попадаешь в приключения, – притворно вздохнул он. Последнее замечание вызвало у Инги легкую улыбку, которая тут же исчезла, как выглянувшее из-за облаков лишь на мгновение солнце.

– Хорошо, – сказала Инга, резко поворачиваясь к брату и откидывая упавшие на лицо растрепанные ветром черные волосы. – Ты прав, я стала другой. Я утратила силу, и, похоже, на этот раз безвозвратно.

Она вновь развернулась и пошла уже быстрее, будто жалея, что с ее языка сорвалось то, что девушки тщательно скрывала. И теперь, дабы избежать дальнейших расспросов, желала убежать от брата.

Он опять нагнал ее и остановил, положив руку на плечо.

– Что еще, Вадим? Я все сказала. На самом деле я не другая, а самая обычная. Что неплохо, согласись. Закончились мои приключения, теперь я обыкновенная женщина, у которой все хорошо, которая желает выйти замуж за любимого человека и зажить наконец-то спокойной жизнью. Вот и все.

– Далеко не все, – пробормотал Вадим и вдруг резким движением стянул с себя футболку. – Ну что, давай, как раньше, наперегонки во-он до тех буйков. Победишь ты – оставишь своей секрет при себе. А если я – расскажешь мне все как на духу.

Он бросил футболку на гальку. Инга же, несмотря на то, что в детстве с азартом принимала пари брата, осталась стоять на месте. Лишь молча наблюдала, как Вадим потягивается, делает пару круговых движений руками, разминаясь перед заплывом. Природа наградила его хорошим сложением, но Инга знала, что раз-два в неделю брат перед работой заезжал в спортивный клуб – привык держать себя в форме. Не изменил этой привычке и после того, как у него прибавилось забот, связанных и с появлением в семье Ванечки, и с повышением по службе до

начальственной должности. Два раза в неделю – в клуб перед работой, это святое... Но внимание Инги привлекла не фигура брата, а длинный, еще не успевший побелеть шрам. И ее швырнуло, будто сильной волной – о камни, в кошмарные воспоминания из недавнего прошлого.

– Ну? – поторопил ее брат. – Только не говори, что ты уже слишком большая девочка для того, чтобы участвовать в таких соревнованиях. Мы здесь, в нашем городе, не взрослые дяди и тети, которыми стали, а дети, которыми жили тут. Или боишься, что я тебя обгоню? Обгоню ведь, если ты так и дальше будешь стоять на месте. Ну, давай, считаю до трех. Раз...

– Вадим, – перебила она его. И как на духу выпалила: – В твоей аварии виновата я. В ваших разногласиях с Ларисой – тоже. Как и в том, что Алексей чуть не женился на другой женщине. Но это еще не все. Из-за меня убили Лёку, одна из моих клиенток умерла тоже по моей вине. А самое ужасное то, что я лишилась силы потому, что убила. Своим проклятием. И я должна была погибнуть, но спаслась. Впрочем, еще не уверена в том, что спаслась. Вот и все. Можешь одеваться. Не стоит лезть в холодную воду только ради того, чтобы «выиграть» у меня в пари откровенность.

– Постой-постой, – нахмурился Вадим. Подняв футболку, он оделся и присел на гальку. – Ничего не понял. Давай сначала и с подробностями.

Инга, вздохнув, рассказала, как брат и просил, обо всем, что случилось весной.

– Что-то подобное я и предполагал, – сказал он, обнимая ее за плечи и привлекая к себе. Инга прильнула, будто расстроенный ребенок – к матери, и, прикрыв глаза, выдохнула. После того как выговорилась, она почувствовала себя намного легче, будто могильная плита, которая давила ей на грудь, пошла трещинами и стала рассыпаться крошкой. Инга больше не ощущала прежней тяжести, лишь дискомфорт, будто под одежду и правда насыпали мелких остроугольных камешков.

– Я же тебя знаю, – ласково сказал Вадим, глядя ее по волосам. – Понял – что-то случилось, но все ждал, пока ты сама отважишься рассказать. Как жаль, что не поделилась со мной раньше...

– Вадим, ты всегда посмеивался над такими вещами, – напомнила ему Инга. – Вспомни наш разговор в квартире дяди. Как я пыталась донести до тебя, что что-то идет не так... А ты не воспринимал мои слова всерьез. И что? Я оказалась права!

– Хорошо, хорошо, – поспешно перебил ее брат. – Да, да, ты права. Прости. Ты не раз демонстрировала свою правоту. И я знаю, что ты у меня

особенная. Не думай, что я не прислушиваюсь к твоим словам, не верю тебе. Мне просто по должности не положено демонстрировать веру в подобные вещи! Ну как же, еще скажут в банке, что я строю свою карьеру благодаря сестрице-ведьме, которая всех конкурентов превращает в жаб.

Его заявление вызвало улыбку. К тому, что он в шутку называл ее ведьмой, она привыкла. Как же хорошо, что девушка рассказала все брату! И правда стало легче. Может быть, теперь ночные кошмары оставят ее? Что, если тот человек из последнего сна, вытянувший ее из пропасти, символизировал Вадима? Возможно. Она привыкла жить, анализируя сны. Что удивительного, что и в этом по привычке «увидела» знак? Как раньше.

– Зря ты изводишь и винишь себя. Сейчас ведь все хорошо, – продолжил он. – Ты не виновница, а жертва.

– Вадим, это не умаляет моей вины. Я не должна была преступать, поддаваться на провокации! Знала ведь, догадалась, чего от меня добиваются, и все равно попала в ловушку!

– Сложно было не поддаться, – серьезно ответил Вадим, чуть отстраняясь от сестры, чтобы вытащить из кармана сигареты. – И что бы ты ни говорила, мне совершенно не жаль того отморозка. Из того, что ты рассказала, я так и не понял, почему ты считаешь себя его убийцей!

– Вадим, я же объяснила. Я убила его проклятием, обратив в него всю свою силу. Я бы и сама умерла. Тогда же, вместе с ним, если бы не вмешалась Лиза. Она отвела от меня беду. Но чем это закончится, какие будут последствия – я не знаю. Поэтому боюсь, что зря втянула девочку в свои неприятности.

– Но если бы не она, то тебя, как ты сама сказала, уже не было бы, – возразил Вадим. – Ты должна быть благодарна этой девочке, а не мучиться непонятным комплексом вины.

– Я ей благодарна, конечно! О чем речь! Но... – не договорив, Инга покачала головой. Она не могла объяснить брату свои ощущения, как и себе самой. Да, на первый взгляд все казалось так просто: девочка ее спасла, все закончилось благополучно. Но не могла избавиться от гложущего ее чувства, что не должна была Лиза отводить беду, что такое вмешательство не пройдет для дочки Алексея бесследно.

Она так и сказала брату.

– Это лишь твои предположения, – опять возразил Вадим, но, как показалось Инге, неуверенно.

– И все же лучше бы я ее не вмешивала – случайно ли, специально... Девочке от рождения дана сила, ты знаешь. Такая, что мне и не снилась. Она – редкий самородок. Но ей не хватает учителя.

– Так почему ты не займешься ее обучением? Я ничего в этом не понимаю, но предполагаю, что в вашем мире существует какая-то теория, правила, без которых никуда нельзя. Если ты сама уже не можешь заниматься практикой, почему бы тебе не переключиться на обучение Лизы? И блестящие спортсмены уходят из спорта из-за травм, но многие продолжают карьеру в качестве тренеров. У тебя хватит и опыта, и знаний.

– Вадим, дело не в опыте и знаниях...

Инга так разволновалась, что вскочила на ноги и по привычке, когда ее что-то нервировало, принялась расхаживать по гальке перед братом. Как донести до брата, что нежелание обучать кроется в сильной любви к девочке? Что она бы многое отдала за то, чтобы жизнь Лизы сложилась счастливо. Куда счастливее ее собственной.

– Понимаешь, я не хочу, чтобы она пошла по моему пути! Нам, наделенным этим даром, приходится за него расплачиваться. Мы помогаем другим обретать благополучие, но сами при этом жертвуем собственным счастьем, отдавая себя с каждым ритуалом ради того, чтобы выручить кого-то. Как доктор жертвует собственным здоровьем, проводя ночи и дни с тяжелым больным, чтобы поднять его на ноги. Мы – сапожники, которые обувают всех соседей, но сами при этом остаются босыми. Понимаешь? Хочу, чтобы Лиза выбрала другой путь.

– Но ты не можешь решать за нее!

– Я могу повлиять на ее выбор!

– Ой ли? – усомнился Вадим. – Скорей всего – направить. Инга, ты проводишь параллель между Лизой и собой, но у вас – разные судьбы, хоть во многом и схожие. Лиза наделена этой силой, о которой ты говорила, с рождения. Это уже с ней! Думай не о том, как подавить способности, а о том, как можно дар развить, чтобы Лиза правильно его применяла. Представь себе, что она – это мальчишка, у которого большие способности к боксу. И ты – тренер, который отказывается его обучать. Как поступит мальчишка, где применит свой «талант», в чем найдет выход своей энергии? В уличных драках? Как он окончит в таком случае? Какую бы судьбу ты выбрала для Лизы – боксера-профессионала или уличного хулигана?

– Неправильная аналогия, Вадим.

– В чем? – брат вскинул брови. – У Лизы уже есть эта сила, ее не отнимешь. Что она может сотворить, каких бед наворотить, если не будет знать, как правильно использовать свой талант? А если ее, как уже было, захочет прибрать к рукам какой-нибудь негодяй, чтобы использовать в своих гнусных целях? Ты ей нужна как наставница.

– Наставником может стать кто-то другой. Я могу найти ей хорошего учителя.

– Она выбрала тебя.

– Ты говоришь, как ее отец, – вздохнула Инга. В словах брата она видела смысл, но внутренне продолжала протестовать. Было бы замечательно, если бы девочка была обыкновенным ребенком! Как же не хочется для нее тех испытаний, которые выпали на Ингину долю!

– Вадим, я приняла решение отойти от своего занятия окончательно, – присев перед братом так, чтобы смотреть ему в глаза, произнесла она. – Моя сила в этот раз не восстановится лишь потому, что меня наполняет любовь. Сейчас – другой случай.

– Возможно, есть какие-то выходы...

– Возможно. Но я не буду их искать, так спокойней. Ты всегда говорил, что я – твой «ангел-хранитель». А этот «хранитель» так напортачил, что чуть не убил тебя, как убил других. Я приняла решение больше не заниматься ворожкой. И ты меня не переубедишь.

– Ты приняла это решение из страха. Хотя мне он понятен. Знаешь, я дважды попадал в крупные аварии. И после последней садиться вновь за руль было особенно страшно. Даже, признаться, в какой-то момент решил, что не буду покупать новую машину. И Ларисе об этом сказал. Думал, поддержит меня в решении остаться «безлошадным», ее здорово напугало то, что со мной произошло. Но знаешь, что жена мне ответила? Напомнила о случае, когда я принудил ее вести машину вскоре после того, как Лара сама побывала в аварии. Она бы ни за что не села за руль, если бы не сложившиеся обстоятельства: мы оказались далеко от столицы, нужно было срочно возвращаться, а я, как назло, повредил ногу и не мог вести машину. Помню, с каким ужасом Лариса впивалась в руль, тащила со скоростью едва ли не двадцать километров в час по шоссе, но все же ехала. Не знаю, победила ли до конца свой страх, но с тех пор иногда водит. Так вот о том случае жена мне и напомнила.

– Хочешь сказать, что для того, чтобы избавиться от страха, я должна попасть в экстремальные условия, как Лара? – усмехнулась Инга.

– Не совсем. Можно постараться самому избавиться от него, не дожидаясь экстрима. Что я и сделал. Машина мне необходима: и на работу ездить, и Ваньку возить то к Ларисиным родителям, то к педиатру. Я мог бы пользоваться и общественным транспортом или такси, но при этом не избавился бы от этой занозы-страха.

– Все это так, Вадим... – сказала Инга рассеянно, будто думая о чем-то другом. – Но, знаешь, я приняла решение не из страха, а потому, что хочу

начать жизнь обычной счастливой женщины. Выйти замуж за любимого человека, родить ему ребенка, воспитывать его дочь, как собственную. У меня есть профессия психолога и капитал, чтобы открыть новую практику в этом городке. Вот такую жизнь я и собираюсь начать. Можешь за меня порадоваться.

– Я за тебя рад, Инга. Признаюсь, мне так даже спокойней будет. Наконец-то настанет конец твоим «приключениям». Единственное, что мне не нравится, – это то, что ты вопреки своим словам оглядываешься на прошлое. Я хочу, чтобы ты была моей прежней сестрой – пусть и без чудесных способностей, но прежней по настроению и характеру! Сильной, не сдающейся, не унывающей, ищущей и находящей выходы их сложных ситуаций Ты всегда была и останешься нашим ангелом-хранителем, несмотря ни на что. Если решила начать новую жизнь – браво! Только, пожалуйста, начинай ее с другим настроением, не оглядываясь на промахи. О'кей?

– О'кей, – улыбнулась Инга, вставая на ноги. – Пойдем домой?

– По дороге зайдем на рынок и купим что-нибудь.

– Для отвода глаз, – засмеялась она. Но тут же серьезным тоном добавила: – Спасибо тебе.

День полз вяло, как столетняя черепаха, с угнетающей медлительностью переваливаясь из часа в час, пока наконец не достиг первого привала – обеденного перерыва. Воспользовавшись уходом начальницы на ланч в кафе, Алиса вышла с курящей Майкой на крыльцо подышать свежим воздухом. Хотя воздух, отравленный выхлопными газами и сигаретным дымом, свежим назвать можно было только при наличии большой фантазии, Алисе необходимо было вырваться из стен кабинета. День выдался серым и тусклым, будто вылинявшим. Затягивающие небо набухшие от влаги тучи предвещали скорый дождь. Настроение девушки было таким же унылым, безрадостным. Она вполуха слушала, о чем щебетала Майка, энергично размахивающая перед ее носом сигаретой. Иногда Алиса морщилась от щекотавшего ноздри дыма, но даже не находила слов попросить подругу курить в другую сторону. Ей не хотелось ни говорить, ни двигаться, единственным желанием было свернуться калачиком дома на диване и с душой отдаться рефлексии. Причиной настроения было проклятое извещение «У вас нет новых писем», которое со злорадным упрямством поджидало Алису каждый раз, когда она, улучив момент, заглядывала в «секретный» ящик. Не ответил.

– Ты чего такая? – спросила Майка, от которой не укрылись рассеянность подруги и ее пасмурное настроение.

– Какая? – машинально отозвалась девушка, рассматривая небольшую очередь, выстроившуюся к торговой палатке за пончиками.

Запах жареного теста стал для нее символом лета и сладкой, как сахарная пудра, радости.

Палатку установили в июне, и это событие совпало с другим – с началом переписки с писателем. В обеденный перерыв подруги частенько бегали к этой палатке. И потом, во время чаепития, Алиса доставала из промасленного бумажного пакета не только самый большой и самый сахарный пончик, но и другой «десерт» – рассказ для Майки о полученном ответе от знаменитости. Сладко было во рту, сладко было и на душе. В Алисином понимании эти «пончиковые» чаепития крепко связались с рассказами о Викторе и его коротких письмах. А сейчас, глядя на очередь, девушка думала, что пончики без новостей о Лучкине совсем невкусные. Куски жареного масляного теста, противные своей жирностью.

– Ты сегодня мрачней самой черной тучи, – продолжала допытываться

Майка. – Что стряслось?

– Да так... Работа надоела, вот что стряслось. В отпуск надо.

– Через две недели поедешь, – напомнила Майка, стараясь подбодрить подругу. Та уныло кивнула.

– Понятно, твой красавец не ответил.

Алиса собиралась возразить, даже придумала на ходу причину, объясняющую плохое настроение, – «женские дни». Но отвлеклась на женщину, занявшую в этот момент очередь за пончиками. На нее сложно было не обратить внимания: рыжие волосы незнакомки, казалось, полыхали огнем, а ядрено-салатный цвет платья особенно бросался в глаза на фоне такого серого дня. Глянув на эту модницу, Алиса ощутила неприятный укол, как если бы случайно, проезжая по шоссе, увидела рекламный плакат торгового центра, в котором ей нахамила продавщица, потому что такой кричащий вид женщины вызвал смутные воспоминания.

– Зачем надевать каблуки, если не умеешь на них ходить? – фыркнула рядом Майка, которая, видимо, проследила за взглядом подруги и тоже заметила эту яркую женщину, неуклюже приковылявшую к палатке.

– Я ее уже видела, – вырвалось у Алисы, душа которой наполнилась необъяснимой тревогой. Причину беспокойства девушка и сама объяснить не могла: подумаешь, увидела дважды эту женщину. Может, она работает где-то неподалеку и вышла в обеденный перерыв за пончиками. И все же стало как-то не по себе.

– Ну, такую раз увидишь, на всю жизнь запомнишь, – хмыкнула Майка.

– Тебе она не кажется... странной?

– Странной? Не больше, чем стареющая в одиночестве тетка, которая всеми силами старается привлечь к себе внимание яркими волосами, кислотного цвета платьем и туфлями стриптизерши. Пошлость какая! – вынесла вердикт подруга, вытягивая шею, чтобы лучше разглядеть незнакомку.

– Я с ней встретила недавно. Она вертелась у соседней квартиры, где никто не живет. Я предположила, что она – агент, занимающийся сдачей жилья. Тем более что одета была в деловой костюм. Правда, тоже кричащей расцветки.

– Насколько я знаю, поблизости нет ни одного агентства недвижимости, – протянула Майка. – Может, просто новая соседка?

– Но что она тут делает? Не говори мне, что приехала специально за пончиками, потому что во всей Москве не сыскать места, где их готовят лучше.

– Ну, вряд ли следит за тобой, – фыркнула Майка и вытащила из пачки вторую сигарету. Ей не хотелось возвращаться в душный офис, и новая сигарета казалась весомым поводом, чтобы оправдать свое нахождение не на рабочем месте. Впрочем, шеф тоже отсутствовал в офисе, а трубку радиотелефона девушка взяла с собой на случай, если будут звонить.

Алиса не ответила на реплику подруги.

– Пойдем тоже спустимся за пончиками, – предложила Майка. Но подруга лишь мотнула головой, продолжая с крыльца рассматривать женщину, за которой еще никто не успел занять очередь. Тонкий нос Алисы ходил ходуном, как у хищного зверька, почуявшего добычу, только у нее самой – от беспокойства.

– Э-эй, ты чего так нервничаешь? – обеспокоилась Майка. – Ну, подумаешь, встретила дважды эту тетку. Простое совпадение! Может, она тут работает. Или ты всерьез думаешь, что за тобой слежка? Брось! Если бы она за кем-нибудь следила, то не одевалась бы так кричаще. Да и с чего за тобой следить!

Алиса опять промолчала, лишь пожала плечами. Подруга права, подозревать эту неуклюжую женщину в том, что она приехала в этот район специально ради нее, смешно. Такое предположение – отголосок ощущения слежки, посетившего ее утром. Плохие новости... Может, и правда развивается... Как это сказать? Мания преследования?

– На тебе лица совсем нет, – покачала головой Майка. – На, покури, успокойся.

Алиса машинально взяла протянутую сигарету и вставила ее в рот. Курить она не курила, так, иногда баловалась на корпоративах, таская из пачки подруги сигареты. Но это было такой редкостью, что девушка твердо считала себя некурящей.

– Плохи дела, – печально констатировала Майка, не получив возражений против «угощения».

– Что ты имеешь в виду?

– Не тетку, конечно же, а твою панику. С чего ты так разнервничалась? Смотри, ей и вовсе до тебя нет дела.

Женщина с огненными волосами получила свой пакет с пончиками и, сунув его в дамскую сумочку (увидев это, Майка вновь фыркнула), заковыляла прочь. На здание, где на крыльце стояли девушки, незнакомка даже не оглянулась. И это немного успокоило Алису. Однако сигарету она не выбросила, а прикурила от зажигалки подруги.

– Черт знает что творится, Майка, – поморщившись от попавшего в глаза дыма, сказала она. – То ли с ума схожу, то ли в моей квартире

творится непонятно что. Неудивительно, что я, увидев эту женщину, испугалась. Хотя не понимаю почему.

– Расскажи! – загорелись жадным блеском глаза подруги. Майка была охоча до всяких историй «с чертовщиной», верила в гадания, посещала раньше какой-то салон магии и хвасталась, что у нее есть знакомая – «настоящая ворожейка»! Даже агитировала Алису сходить погадать. Но та отказалась, сказав, что в ее жизни и так все ясно, без гаданий. Правда, это было до того, как она встретила на просторах Сети писателя Лучкина. Но и сейчас девушка не отважилась бы пойти к Майкиной знакомой из страха перед всякими гадалками, ворожейками и ведьмами, корни которого уходили в детство.

...Она росла девочкой бояливой: ее могла напугать и бродячая собака, мирно пробегающая по своим собачьим делам, и грохочущий по дороге грузовик, и темнота. Но больше всего Алиса боялась ведьм.

Говорили, что одинокая старуха, живущая в соседнем подъезде, – самая настоящая колдунья. Слухи раздувала дворничиха Зинаида, которая работала не столько метлой, сколько языком. Обычно ее голос раздавался на все пять дворов, и сплетни, которыми она делилась с какой-нибудь сидящей на лавке старушкой или мамочкой, гуляющей с ребенком, слышали все желающие (и нежелающие). Но о «ведьме» Зинка говорила только шепотом, пугливо озираясь, будто чувствовала спиной взгляд старухи. Дворничиха сплетничала, что та «попортила» Толика с пятого этажа за то, что тот что-то не так сказал «колдунье». И правда, несчастный Толик – мужик лет сорока, сухого сложения, с острыми коленями, выпирающими даже через растянутые треники, напоминающий кузнечика, – ковылял по двору на костылях, высоко поджимая загипсованную ногу. Когда у Потаповых затопило квартиру, Зинаида свистящим шепотом поведала всему дому, что эта оказия тоже дело рук старухи, взъевшейся на соседку за то, что та прошла мимо не поздоровавшись. Все несчастья и неприятности, которые выпадали на долю жителей той подмосковной пятиэтажки, приписывали «колдунье» – отчасти благодаря языкастой Зинке, отчасти уже просто привыкнув обвинять во всем «ведьму».

Алиса до оцепенения боялась старухи. Доходило до того, что, когда девочке нужно было пройти мимо соседнего подъезда, но либо виднелся в окне крючковатый профиль, либо та сидела на лавке, Алиса разворачивалась в противоположную сторону и делала большой крюк, обходя дом. Старуха была живой иллюстрацией к сказкам про Бабу-ягу.

Сложно было определить ее возраст, девочка думала, что лет триста, не меньше. Ходила «ведьма» согнувшись, опираясь на кривую и узловатую, как и ее пальцы, палку. Одета всегда была во все черное – от платка до домашних тапок, которыми шаркала по двору. Из-под платка клоками выбивались седые до белизны «ватные» волосы. Лицо старухи глубокими морщинами-бороздами и землистым цветом напоминало кору дерева, и маленькие черные глаза, злобно зыркающие на пробегающих мимо ребяташек, казались двумя жучками-древоточцами, выползшими наружу. Густые брови, мохнатые, как две гусеницы, срослись на переносице и разделялись лишь крупной родинкой с торчавшими из нее волосами, выросшей прямо над длинным носом, опускающимся на нижнюю губу, которая постоянно двигалась. Может, то была просто старческая привычка, но Алисе казалось, что бабка шепчет проклятия. Такая вот «ведьма» жила по соседству, и страхи девочки только множились от слухов, которые разносили жители, и прочитанных сказок. Подруга детства Лялька, живущая в том же, что и «ведьма», подъезде, как-то рассказала, что ее, Лялькина, мама нашла под ковриком, лежащим у двери, какие-то перья, похожие на вороньи, и воткнутые в косяк иголки. Это уже пахло настоящим колдовством, и Алиса, помнится, в ту ночь так и не смогла заснуть, воображая в ужасах, что на следующий день бедная Лялька превратится в ворону.

Но случилось совсем другое. И если бы Алиса заранее могла представить, какое испытание ее ожидает, минувшей ночью просто умерла бы от ужаса. Картины с Лялькой в вороньем оперении и выросшим вместо рта желтым крепким клювом не шли ни в какое сравнение с тем, что случилось наяву. Утром мама отправила дочь за помидорами в овощной. Выйдя из дома, та бросила тревожный взгляд на окна «ведьмы» и, не увидев соседку, со всех ног бросилась мимо страшного подъезда.

– Девочка! – вдруг окликнули ее. Алиса машинально оглянулась и увидела, что на крыльце стоит старуха.

– Подойди сюда, – поманила ее сухой рукой «колдунья». И девочка, хоть и была едва жива от накатившего на нее ужаса, подошла, будто повинясь магии.

– Поддай мне ее, – ткнула пальцем-сучком куда-то вниз старуха. Алиса опустила глаза и увидела, что возле ног, обутых в растоптанные, со смятыми задниками тапки, лежит палка-трость. И онемела от ужаса. Бедное сердечко металось в груди загнанным в клетку диким зверьком: среди детворы ходили разговоры о том, что палка старухи – волшебная. Кто коснется ее, тотчас превратится в жабу. Приговоренная к ужасной участи и

почти смирившаяся с нею Алиса зажмурилась и наклонилась за палкой.

Но ничего не произошло. Ничего из того страшного, о чем болтали ребяташки. Все еще не веря в такое чудо, Алиса протянула палку старухе. Та не поблагодарила ее, а, наставив на девочку палец, вдруг спросила:

– Тебя Алисой зовут?

Она кивнула. И «ведьма», удовлетворенно растянув рот в ухмылке, произнесла загадочную фразу:

– И ты меченая, значит.

Так и не пояснив, что имелось в виду, старуха развернулась и ушла в глубь подъезда. Словно и вышла лишь для того, чтобы сказать Алисе эти слова.

Девочка еще с месяц ожидала, что с ней или ее родными приключится что-то ужасное. Но ничего не происходило. И она постепенно стала успокаиваться. А вскоре старуха умерла. Говорили, что мучилась страшно: крики и стоны разносились по всему подъезду, просачивались сквозь окно, собирая под ним толпу любопытных ребяташек, которых, смешно вращая глазами, пыталась отогнать метлой Зинаида. «Ведьма умирает!» – громким шепотом извещала дворничиха и заносила метлу над любопытными пацанами, пытавшимися на цыпочках дотянуться до подоконника, чтобы заглянуть в окно. Умирающая ведьма – такое разве что в кино покажут, на которое родители не пускают. «Хочешь, чтобы к тебе прилипли проклятия?» – взревела Зинаида, хорошенько огрев особо любопытного мальчишку метлой. «Мучается, потому что никому не передала своих поганых дел», – со знанием дела вынесла вердикт Потапиха и погрозила кулаком в окно.

Кто-то из сердобольных жителей вызвал «Скорую». Бригада врачей забрала несчастную старуху в больницу, где та и умерла.

А вскоре и Алиса с семьей переехали в другую квартиру, больше девочка не слышала о той «ведьме». Но воспоминания остались такими яркими, будто наколдованные на то, чтобы оставаться такими всю жизнь девочки.

– Ох, ничего себе! – с непонятым восхищением воскликнула Майка, едва подруга закончила свой рассказ о происходившем в квартире. – Слушай, это же надо! А ты смелая! Я бы со страху на месте умерла!

– Так я и была еле живая от ужаса, – усмехнулась Алиса. – Считаешь, что это все и правда случилось? Или я схожу с ума?

– Ой, – замотала головой Майка. – В нашем мире столько необъяснимых вещей происходит, что списывать все странности на

сумасшествие невежественно. Думаю, надо позвонить Инге – той самой, которая ворожкой занимается. Она поможет! Я тебе не рассказывала, как с ней познакомилась? Помнишь, я говорила, что моя подруга вышла замуж за красавчика-банкира? Так вот Инга – его родная сестра. Так что, позвонить ей?

Ответить девушка не успела, потому что в этот момент во двор вошла возвращающаяся с обеда главный бухгалтер.

– Девочки, почему не на рабочем месте? – начала Лидия Семеновна еще издалека. И, увидев подчиненную с сигаретой, изумленно замерла. – Алисочка, ты куришь?!

– Пришлепала, старая жаба, – недобро проворчала Майка так, чтобы не услышала подходящая к крыльцу бухгалтер. И нарочито вытащила из пачки новую сигарету, тогда как ее подруга торопливо затушила недокуренную свою. – Как ты ее выносишь?

– Майка, я пошла, – покорно махнула рукой Алиса, не дожидаясь, когда тучная, страдающая одышкой главбух преодолеет все ступени крыльца и зайдет в офис.

До прихода в комнату шефини она успела проверить личную почту. И радость от полученного сообщения разом раскрасила серый день во все цвета радуги.

«Алиса, я думаю, нам надо встретиться».

* * *

За обедом, на время которого они, по обыкновению, собрались вместе за большим столом на террасе, Алексей был неразговорчив. Он, казалось, не разбирал вкуса приготовленных Ниной Павловной блюд, которые, как всегда, были изумительны. Домработница подала окрошку, заправленную домашним квасом, и запах свежих овощей и зелени, подхватываемый ветром, разносился по всему двору. Чернов ел с таким отрешенным видом, что встревоженная Нина Павловна трижды спросила хозяина, нравится ли ему блюдо. Тот трижды кивнул, но второе – мясо с картофелем – съел опять в такой же задумчивости.

«Никак неприятности на работе», – поняла Инга и решила, что сейчас при всех расспрашивать его не будет, а поговорит потом. За обедом она несколько раз поймала на себе взгляд Лизы, которая посматривала на нее так хитро, будто задумала то ли розыгрыш, то ли сюрприз. Но стоило Инге встретиться с девочкой взглядом, как та тут же отвела глаза и принялась с

нарочито сосредоточенным видом черпать ложкой. При этом на ее губах играла улыбка. Брат тоже поглядывал на сестру и один раз даже подмигнул ей, будто стараясь подбодрить.

После обеда, когда Инга взялась помогать Нине Павловне убирать со стола, Алексей вдруг ухватил девушку за локоть:

– Оставь, Нине Павловне Лиза поможет. Пойдем пройдемся. Мы мало времени проводим вместе, и раз сегодня я взял выходной, грех этим не воспользоваться.

Инга с радостью согласилась. А Алексей, окинув критическим взглядом ее сарафан и босоножки, попросил переодеться в удобную для долгой прогулки одежду и обувь.

Гадая, что он задумал, девушка переделалась в комнате в летние брюки и шелковую блузу, вместо босоножек на каблуках обула удобные сандалии и взяла шляпу с широкими полями, отбрасывающими тень не только на лицо, но и на плечи. В это послеобеденное время находиться под открытым солнцем было опасно, но говорить об этом она не стала. Свободное время у Леша появлялось так редко, что не воспользоваться его предложением было бы просто преступлением против себя самой.

В летнюю сумку-«плетенку» она бросила тюбик с защитным кремом и бутылку с водой. Алексей ждал Ингу во дворе возле выведенной из гаража машины. Он тоже переделся в джинсы и футболку с «мультишной» аппликацией, которая диссонировала с его суровым обликом, как-то смягчая его, и усиливала демократичность его одежды.

– Леш, а может, пешком? – предложила Инга, когда мужчина открыл перед ней дверь.

– Пешком тоже пойдем. Потом.

Машину Чернов вел молча, напряженно сжимая обеими руками руль. Девушка даже не решалась с ним заговорить, лишь спросила один раз, все ли в порядке, на что тот утвердительно кивнул. «Ладно, потом сам расскажет». Она решила, что Леша хочет попасть в какое-нибудь уединенное место, где они могли бы спокойно поговорить.

Машина тем временем выехала из городка на шоссе. Инга предположила, что Алексей везет ее в соседний поселок, где, как она знала, был красивый «дикий» пляж с живописными бухтами. Но Чернов проехал нужный поворот и свернул на проселочную дорогу.

– Куда мы едем? – не выдержала девушка, приоткрывая окно и выглядывая. Но тут же торопливо подняла стекло, потому что жаркий воздух хлестнул по лицу будто ладонью.

– В старый монастырь, – не стал скрывать Алексей. – Вадим сказал,

что ты там не была. Это очень... вдохновляющее место. Вид красивый.

– Так надо было Лизу с собой взять! – воскликнула Инга.

– Она сказала, что после обеда хочет отдохнуть: почитать в тишине и прохладе книгу. Да и нам нужно побыть вдвоем. Слава богу, Лиза это понимает.

Они проехали через небольшой поселок с одноэтажными домиками и свернули на ведущую в гору серпантинную дорогу. Алексей был прав и в том, что Инга тут не была, и в том, что виды отсюда открывались изумительные. Пейзаж вырисовывался перед ними постепенно, с каждым витком, с каждым поворотом так, будто медленно раскрывались пальцы, потихоньку демонстрируя лежащую на ладони картинку. Сочетание насыщенного зеленого с песочным, синего с золотым. Яркие акварельные цвета. Инга смотрела в окно с молчаливым восхищением.

Наконец Алексей остановил машину на площадке, где стоял лишь старый фургончик. Девушка вышла наружу и вдохнула полной грудью.

– Раньше сюда возили экскурсии, но сейчас перестали. Не знаю почему, но это даже к лучшему: рай перестает быть раем, если в него массово привозят туристов. Мне кажется, в наших краях не осталось более уединенного места, чем это. Монастырское, иначе не назовешь. Правда, от самого монастыря уже давно остались лишь стены, и в планы администрации, похоже, не входит реставрировать его. А жаль. Если все дело в деньгах, то я думаю помочь. Не дело такой реликвии пропадать.

Они вошли в широкую расщелину между двумя скалами, выросшими, будто два айсберга, на пути, и оказались перед высокой серой стеной.

– Территория закрыта, мы не станем тут задерживаться и пойдем к водопаду. Говорят, эта тропа – секретная. Это сейчас она такая широкая и удобная, потому что ее специально расширили и выложили камнями, чтобы туристам удобней было передвигаться. Но раньше дорожка пряталась в зарослях, и найти ее мог лишь тот, кто о ней знал. Даже говорили, что открывалась она далеко не всем, потому что вела к святому источнику. Только монахиням.

– Значит, монастырь был женский? – уточнила Инга.

– Да. Но, к сожалению, о самом монастыре мало что могу рассказать, потому что не знаю. Я приезжал в это место в поисках утешения после смерти Кристины. Меня тогда не столько интересовала история монастыря, сколько привлекала уединенность этого места. Оно... благостное такое. Понимаешь?

Он развернулся к Инге и наморщил лоб так, словно втолковывал что-то собеседнику. Ему хотелось донести до любимой все чувства и

ощущения, которые овладевали им в этом месте, но красиво и проникновенно описывать не умел. И теперь страдал от беспокойства, что она не прочувствует это место так, как ему бы хотелось.

Девушка молча кивнула, про себя решив, что потом поищет информацию об этом месте. То, что было так важно для Алексея, для нее было еще в разы важнее. Она знала, что под «толстой кожей» «великого и ужасного» Чернова скрывается довольно ранимая душа. Он не любил показывать свои слабости, проще было палец дать отрезать, чем позволить кому-то заглянуть в душу. Даже с Ингой, которая хорошо знала его больные места, он порой чувствовал себя неловко, если приходилось рассказывать о каких-то слишком личных переживаниях.

– Мне сюда посоветовала приехать Тайка, Кристинина подруга. Вначале я ее чуть не отправил куда подальше за совет «пойти в монастырь», но потом послушал. Вот. Что тебе еще сказать?

– Ничего не говори, – взяла его за руку Инга. – Давай просто... послушаем, что нам шепчет это место. Отведешь меня к тому святому источнику?

– Пойдем.

Они долго шли узкой тропой по зеленому, созданному кронами деревьев природному туннелю, пока не вышли к причудливой скале, в подножии которой была широкая расщелина. Алексей присел над ней и махнул Инге рукой, приглашая последовать его примеру.

– Смотри, вот он.

Инга заглянула в расщелину, в которую можно было спокойно провалиться, и увидела даже не ручей, а целое озеро.

– Там, говорят, подземное озеро, – подтвердил ее догадку Алексей. – Под скалой скрывается.

Инга опустила руку в воду и зачерпнула немного.

– Попробуй, какая вкусная! Поистине, этот источник святой! Уже от одного глотка как будто на душе легче становится.

Она зачерпнула сделанной ковшиком ладонью еще воды и поднесла к губам.

– Инга, выходи за меня замуж.

Его слова прозвучали так неожиданно, что она поперхнулась и закашлялась. Алексей поспешно присел рядом с девушкой и захлопал ручищей по ее спине. То ли от испуга, то ли от волнения он не рассчитал силу.

– Тише ты, – засмеялась Инга, покачнувшись и едва удержавшись на ногах. – Столкнешь же в воду. Она хоть и святая, но жуть какая холодная!

– Извини, – смутился Леша так, что его щеки покрылись румянцем. Забавно было видеть могущественного Чернова таким. Как-то он сказал Инге, что в растерянность его способны ввести лишь два человека, любимые женщины – дочь и она. Сомнительное, однако, достижение.

– Да чего уж там, – махнула Инга рукой, выпрямляясь.

– Так... что скажешь? – прерывающимся голосом спросил он.

– Повтори, я не расслышала.

– Издеваешься, да?

– Мшчу за то, что ты меня чуть не утопил. И за то, что так неожиданно...

– Совсем... неожиданно? – закручинился Алексей, поняв для себя фразу так, что она вовсе не помышляла выходить за него замуж.

– Подловил в тот момент, когда я меньше всего ожидала услышать твое предложение. Ну и... так вот прямо.

– А как еще? – удивился он. – По-моему, надо все предельно ясно решать. Либо да, либо нет. Чего вокруг-то ходить... Знаешь же, что не умею красиво говорить. Я не поэт, если что, в стихах выражаться.

– погоди, не обижайся, – засмеялась Инга, беря в ладони его покрасневшее лицо, на котором крыжовниками зеленели глаза с пушистыми, как у ребенка, ресницами. – Я все знаю – какой ты у меня не-поэт и не-романтик. Хотя в том, что не романтик, я уже сомневаюсь: такую прогулку мне устроил. По-моему, красивей места, чтобы просить руки, и не придумать.

– Это мне твой брат подсказал, – признался Чернов, потупив взгляд. – Я вчера с ним говорил... Хотел тебе дать просто это кольцо и спросить... Черт, а кольцо я в машине оставил! В «бардачке»!

Чернов в панике захлопал себя по карманам, и Инга, которую не к месту, видимо на нервной почве, разобрал смех, хихикнула.

– Это же надо, блин, – выругался Алексей, заливаясь свекольным цветом уже до ворота светлой футболки. – О, вот оно! Ты погоди смеяться... погоди. Смотри, все по правилам: кольцо и все такое... Черт, Инга, ну я совсем не романтик! Не умею делать предложение. Скажи уж, да или нет? Чего меня мучаешь?

– Да, Чернов, – рассмеялась она. – Что я тебе еще скажу?

– Ты... рада?

– Рада? Нет, я не рада. Я счастлива. Счастлива так, как никогда еще в жизни не была!

Наказание наступает тогда, когда ты его уже не ждешь, а начинаешь жить. Вот еще ты сразу после совершенного ошупываешь себя недоверчиво, недоумевая, как умудрилась выжить. И следующие дни не живешь, а пролистываешь в смиренном ожидании кары. Но время идет, и ничего не происходит. Ты расправляешь плечи, поднимаешь голову и перешагиваешь изо дня в день с крепнувшей уверенностью. Даже начинаешь строить планы.

И вот тогда, когда за спиной вырастают крылья, а ты, подхваченная ветром, уносишься ввысь, тогда и обнаруживаешь, что крылья даны, чтобы вознести тебя как можно выше ради того, чтобы падение оказалось сокрушительней. Кто-то летит вниз камнем, кто-то опускается медленно, кружа в потоках воздуха, как сорванный с дерева лист. Но конец все равно один.

Вначале теряешь чувство радости. Планы кажутся нелепыми и провальными, завтрашний день видится размытым, а прошлое, напротив, все ясней проявляется в памяти. Совесть отравляет сны, и вновь возвращается чувство тревоги, ожидание худшего. Недоумевашь: ведь причин для тревоги нет. Но ощущение счастья уходит из тебя, как песок из часов. В попытке спастись цепляешься за привязанности, за старые связи, но они рвутся, как подгнившие стебли водорослей, и бурный поток уносит тебя все дальше.

И кто-то, вовремя поняв безысходность положения, отпускает привязанности, а кто-то до последнего цепляется за них и утаскивает в ад любимых.

А потом... Потом оказываешься среди таких же преступниц, перестаешь видеть солнце – не потому, что здесь теневая сторона, а потому что свет покинул тебя еще раньше, с преступлением, а жизнь вылиняла до существования. В душе постоянно идет дождь, твои уши слышат не птичье пение, а завывание стихии, кожа перестает чувствовать тепло, ощущает лишь холод. И умереть не можешь. Потому что для этого нужно жить.

VI

Вернулись Инга с Алексеем домой уже к вечеру, только после того, как обошли все доступные тропы, не столько любуясь пейзажами, сколько отдыхая от жары то в естественных гротах, то в тени, отбрасываемой нависающими над дорожками скалистыми выступами, то сросшимися в природный туннель кронами деревьев. Разговаривали о будущем бракосочетании. Ни он, ни она не хотели большой свадьбы, сошлись на скромном семейном торжестве. Поэтому обсуждение касалось не столько дел, связанных с церемонией – где, когда, как, – сколько того, как им потом жить. В Москве, в этом городке? И если раньше спорили, кому стоит переехать к другому, и оба не желали уступать, то теперь все было наоборот: и Инга, и Алексей собирались пойти на уступки и переехать к любимому человеку. В какой-то момент девушка, опомнившись, что их разговор в такой счастливый день принимает деловой характер, оборвала Лешу напоминанием, что все вопросы решать будут потом, в другой раз, а сейчас лучше насладиться прогулкой.

На обратном пути они заехали в дикую бухту искупаться. Вернулись к темноте, и то чтобы переодеться и уйти ужинать в какое-нибудь прибрежное кафе. Алексей высадил Ингу, как она попросила, возле калитки и отправился ставить машину в гараж.

По дороге к дому Инга услышала голос, доносившийся из освещенной беседки. Это была невестка:

– ...Майка, я тебе говорю, что сейчас ее лучше не тревожить. Она на отдыхе. И вообще...

Тут Лариса запнулась, потому что увидела Ингу, и торопливо свернула разговор:

– Давай позже поговорим, ладно? Я позвоню завтра.

– Что-то случилось? – спросила Инга, входя в беседку. Лариса, одетая в джинсовые шорты и футболку, сидела на широкой лавке, поджав под себя босые ноги. Рядом лежала раскрытая на середине книга.

– Нет, – мотнула головой невестка, пряча телефон в карман. – Звонила моя подруга Майка, помнишь ее?

– Ну а как же! – улыбнулась Инга. – Как у нее дела?

– В порядке! Она звонила мне затем, чтобы попросить твоей помощи. В квартире ее подруги происходит какая-то чертовщина, и Майка подумала, что ты можешь помочь.

Увидев, что тонкие брови Инги сошлись на переносице в хмурую галочку, Лариса поспешно добавила:

– Но я сказала, что ты на отдыхе и что тебя сейчас лучше не тревожить.

– Да, это так, – кивнула Инга и сменила тему: – Что читаешь?

– Так, один популярный роман. Мне нравится. Майка посоветовала и дала почитать.

– Можно?

– Конечно!

– Виктор Лучкин, – произнесла вслух Инга имя автора. – Одного моего сокурсника так звали.

– Неужели?! – обрадовалась Лариса. – Этот писатель, кажется, психолог! Так, может, и правда он?..

– Хе... Правда, – усмехнулась Инга, рассматривая фотографию. – Изменился, конечно. Стал такой... лощеный. Но Лучкин это, как пить дать.

– Ой... А можно я Майке об этом скажу? Она поклонница, и если узнает, что он – твой бывший сокурсник... – оживилась Лариса, но осеклась: – Нет, пожалуй, не стоит. Если Майка об этом узнает, житься тебе совсем не даст. Ее же интересуют все подробности жизни писателя!

– Боюсь, я ее разочарую, – сказала Инга, пролистывая книгу. – Виктор проучился с нами курса три, потом перевелся в какой-то другой университет. Общительным не был, скорее замкнутым. Мы его считали между собой странным. Но не в том плане, что был человеком с чужинкой. Странность заключалась в том, что был таким... непонятым гением. Вот, к примеру, задавал нам преподаватель изучить теорию по учебнику. Логично: нужно вначале освоить базу, а затем – искать, как применялись эти знания, какие эксперименты проводились, и так далее. Мы учили заданное, а Лучкин сразу «прыгал» на другую ступень. Когда его спрашивали о теории, он рассказывал о чем угодно, интересно, надо сказать, но не о том, о чем просили. И нельзя было сказать, что не по теме, увлекательно, порой шокирующе, но... сыпался на самом простом. Знал о сложном, а азы хромали. Представь, что тебе задали изучить таблицу умножения, а ты вышла бы к доске и, не зная, сколько будет шесть на семь и так далее, пыталась рассказать про интегралы. Просто потому, что таблица показалась скучной, а интегралы заинтересовали. Но можно ли преуспеть в высшей математике, не зная простых правил умножения? Вот так бывало и с Лучкиным.

– Странный, замкнутый, не знающий теории... Ты точно об этом писателе? – с подозрением спросила Лариса. – Сейчас он, насколько я

знаю, блистает и, по словам той же Майки, ведет довольно активную переписку с поклонницами. Правда, публичных мероприятий избегает.

– Я говорю не о писателе Лучкине, а о моем сокурснике Вите. Я-то не знаю, какой он сейчас. Даже не слышала, что книги пишет. Просто вспомнилось, что Виктор – мой сокурсник – был не похож на других студентов. Вроде бы старался быть незаметным, но вот как-то так и получалось, что своей загадочностью привлекал внимание. Впрочем, если кто-то редкий входил в круг его общения, узнавал совершенно другого человека... – Инга сделала паузу, будто ушла в свои воспоминания. Но, спохватившись, с улыбкой попросила: – Дай потом почитать роман.

– Обязательно! Тебе стоит. Не знаю, как это у Лучкина выходит, но романы очень... настоящие. Читаешь и веришь, будто это происходило на самом деле. Даже если бы он писал фантастику, все равно бы верила. А герои у него такие живые, что даже не сомневаешься, что они существуют на самом деле, более того, ты с ними так или иначе пересекался.

– Ну что ж, почитаю, – сказала Инга и, меняя тему разговора, заметила: – У тебя плечи сгорели. Пересидели на пляже?

– Не только плечи, но и спина тоже. Строила с Иваном замок из камней, увлеклась, забыла кремом намазаться. Вадим заметил, спохватился, но было поздно. Мне ведь много не надо – час на солнце, и все, красная как рак. Сижу теперь в беседке, охлаждаюсь, потому что кожу жжет. Вадим сам Ванечку спать укладывает.

– Принесу гель от ожогов. Он тебе поможет.

– Спасибо!

Когда Инга вышла из беседки, Лариса вдруг ее окликнула:

– Инга! Мне Вадим сказал про тебя... Это правда?

– Ну, смотря что он сказал, – усмехнулась девушка, оглянувшись.

– Что ты потеряла силу, – тихо вымолвила Лариса. Во взгляде страх смешивался с сочувствием, словно глядела она на тяжелобольную.

– Правда. Но я решила не делать из этого трагедии, – бодро ответила Инга, дабы успокоить невестку и показать ей, что случившееся не так уж серьезно. – Особенно сейчас, когда у меня меняется жизнь, когда... В общем, я выхожу замуж!

– За кого? За Чернова?! – ахнула Лариса.

– Нет, за американского президента. Ну, за кого же еще, Лара! – рассмеялась Инга.

– Ой! – завизжала от радости невестка и, забыв о причиняющих боль солнечных ожогах, бросилась Инге на шею.

– Что у нас тут за танцы-обжиманцы? – раздался голос Вадима.

– Они с Алексеем решили пожениться! – ликующе провозгласила Лариса, отлипая от Инги и бросаясь теперь на шею мужу.

– А-а, – с деланным безразличием протянул тот, сжимая в объятиях фигурку жены. – Я думал, что-то важное случилось.

– Важное?! А это не важно?! – задохнулась от возмущения Лариса.

– Конечно, важно, – поспешно проговорил Вадим. – Тебе же надо решить, какое платье надеть на свадьбу.

И было непонятно, шутит он или говорит всерьез. Это было в духе брата – с серьезным видом говорить несерьезные вещи. И наоборот.

– Свадьбы не будет. Устроим лишь маленькое семейное торжество, и все.

– Слава богу, – с облегчением вздохнул Вадим. – Ларка, выборы платья отменяются. Джинсы, майки и кеды.

– Да ну тебя, – махнула рукой Лариса. – Скажи, ты знал о том, что Чернов собирается делать Инге предложение?

– Конечно, знал. С кем бы он еще советовался? Если дело касается моей сестры, то Лешка сразу бежит ко мне. С Ингой же надо обращаться осторожно, ведьма как-никак.

– Превращу в жабу, братец! – пригрозила Инга.

– Кто же тебя тогда под венец поведет?

– Вижу, у вас тут весело. Инга сообщила новость? – в беседке появился и Алексей.

– Как все прошло? – развернулся к нему, посмеиваясь, Вадим. – Моя сестра сильно сопротивлялась? Бежать пыталась?

– Может быть, и попыталась, но там не особо разбежаться было. А вот уплыть – чуть не уплыла.

– Все, не желаю слушать этот бред. Пошла переодеваться к ужину. Лара, Вадим, пойдете с нами?

– Нет, идите вдвоем, – отказалась, улыбаясь, Лариса. – Вам есть о чем поговорить и без нас.

– Тем более что Ваньку я только-только уложил, – поддержал жену Вадим. – Впрочем, нам с Ларисой тоже не мешает побыть вдвоем. Без ребенка-а.

Он состроил такую смешную гримасу, что все рассмеялись. Поистине, это был один из самых счастливых в жизни Инги вечеров.

– Мы договорились, что возьмем Лизу с собой. Бедная девочка уже извелась, наверное, в ожиданиях новостей: Лешка сказал, что она тоже была «в заговоре». Пойду скажу, чтобы собиралась.

Инга покинула беседку, оставив Чернова с ее родными. Прошла через

двор, на ходу поприветствовав выглянувшего из сторожки охранника, и поднялась на второй этаж, где находилась детская.

Лиза и правда ждала ее, хоть и старалась увлечь себя чтением. Едва Инга открыла дверь, как девочка соскочила с кровати, на которой сидела, и с волнением бросилась навстречу.

– Скажи мне, да? Да? – закричала она, прижимая руки к груди, с мольбой глядя на Ингу.

– Да, Лиза, да! – рассмеялась девушка, обнимая прыгнувшую с радостным визгом к ней на шею девочку.

– А колечко тебе понравилось? – продолжала волноваться Лиза. – Я сама выбрала! Мы с папой вместе ездили в магазин.

– Ну как оно могло мне не понравиться?..

– Покажи!

Инга выполнила просьбу и сказала, чтобы Лиза собиралась на ужин. Девочка, абсолютно счастливая, бросилась к шкафу, а Инга ушла приводить себя в порядок.

Когда она сушила влажные после душа волосы феном, ей на мобильный позвонила Люба – московская подруга. Хотя разница в возрасте у них была почти двадцать лет, общего было много. К Любе Инга относилась как к старшей любимой сестре, мудрой и опытной. Если она нуждалась в совете, не раздумывая, ехала к ней, зная, что там примут как родную. Инга, не привыкшая к откровениям, могла рассказать подруге все, что было на душе, что накипело-наболело на сердце, без опасения быть неправильно понятой. Именно Люба помогла девушке разгадать комбинацию, выстроенную врагом. И только она до недавнего дня знала, что случилось с Ингой.

– Как ты? – спросила сразу после короткого приветствия подруга.

– Замуж выхожу! – счастливо прокричала Инга. – Начинаю новую жизнь!

– Ну что ж, рада, – неожиданно сухо ответила Люба.

– Не слышу этого в голосе. Впрочем, ты не сторонница брачных отношений.

– Не в этом дело. Я за тебя правда рада...

– Ой ли? – усомнилась Инга, почувствовав фальшь. – Что случилось, Люба? Ты ведь звонишь не ради того, чтобы просто поболтать?

В трубке раздался тяжелый вздох, и после долгой паузы подруга призналась:

– Да, это так. Мне хотелось предупредить тебя, но, вижу, я сейчас не вовремя со своими вестями. Перезвоню завтра.

– Нет уж, давай сейчас, – сказала Инга. За старательно ровным тоном она пыталась скрыть накотившую тревогу. Прижимая к уху мобильный так крепко, будто пытаюсь впечатать его в ушную раковину навеки, Инга подошла к окну и, бросив короткий взгляд на улицу, увидела, что от беседки к дому идет Алексей. Успеет ли Люба рассказать все, что хочет? Потом возможности поговорить не выдаться. А ей нужно узнать все сегодня.

– Давай сразу, без вступлений, у меня всего пара минут.

К счастью, подруга поняла и не стала тратить драгоценное время на отговорки и обещания перезвонить в более подходящий момент. И гораздо быстрее, чем обычно, заговорила:

– Меня посетило видение, в котором ты мне показалась поверженной. Я забеспокоилась и решила узнать больше...

– Что ты увидела? – поторопила Инга, потому что Люба невольно сделала паузу.

– Твой конец.

И хотя Инга и не ожидала услышать приятные новости, пальцы невольно сжали мобильный еще крепче.

– Честно говоря, я уже знала, что ты получила предложение руки и сердца, – продолжила Люба. – Тоже увидела. Как и то, что этот выбор ведет к скорому концу.

– Под выбором имеешь в виду мое желание выйти замуж и родить ребенка? То есть начать другую жизнь?

– Именно.

– Ясно, – ответила Инга и с облегчением перевела дух. – Ты увидела мой конец как ворожейки. Я и правда профессионально «умерла»: у меня нет силы, не ищу способов ее восстановить и не буду искать, потому что решила закрыть ту дверь и больше никогда не открывать.

– Инга, не знаю, как тебе сказать...

Договорить Люба не успела, потому что в дверь постучали, и Инга торопливо прошептала подруге, чтобы та не вешала трубку. Все так же с мобильным возле уха она открыла дверь и увидела Алексея.

– Леша, дай мне еще пару минуточек...

– Я хотел сказать, что пойду в душ. У тебя есть не пара, а десять точно, – сказал он.

– Спасибо!

Чернов вдруг притянул Ингу через порог к себе и звонко поцеловал в лоб, а затем, отняв ее руку с телефоном от уха, поднес трубку к своим губам и прокричал:

– Эй, не знаю, кто вы, но прошу не занимать долго разговором мою любимую! У нас сегодня счастливый день! Инга выходит за меня замуж! Слышите? Она сказала «да»! Я вас приглашаю на нашу свадьбу!

– Вот медведь! – засмеялась Инга, отпихивая от себя в шутку сопротивляющегося и тоже смеющегося Алексея и выпроваживая его за порог. Во время «борьбы» полотенце, закрепленное на груди девушки, распахнулось и едва не упало. Она ойкнула, но успела подхватить «одежду». И все же на какое-то мгновение предстала перед возлюбленным обнаженной.

– Ой, я отсюда не уйду! – сделал мужчина шутливую попытку вновь проникнуть в комнату и протянул ручищу к Инге, чтобы сдернуть полотенце.

– Тише ты! – со смехом прикрикнула она и наконец-то вытолкала Чернова за порог. Когда за ним закрылась дверь, девушка прошептала в трубку: – Люба?

Ей было неловко, что подруга стала «слушательницей» того, как они дурачились.

– Прости, мне не нужно было звонить сейчас. Уже поздно. И у вас особенный вечер, – Любви тоже стало неловко. – Я перезвоню завтра.

– Нет. Давай уж сейчас. Говори все как есть. Знаешь, я предпочитаю ясность загадкам и недосказанности.

– Инга, когда я говорила об увиденном конце, я имела в виду не только твой финал как ворожейки, но и вообще. Смерть. Близкую и мучительную. Прости. Прости, что говорю это в твой счастливый день. Но не могу не предупредить. Такая судьба.

– Такое наказание, – глухо поправила Инга. – Ты это имеешь в виду?

Долгое молчание в трубке подтвердило ее слова.

– Ну что ж, – нарочито бодро начала Инга, однако задрожавший голос выдавал нервозность. – Я знала, что это было не чудесным спасением, а лишь отсрочкой.

– Ты зря отказывалась от моей помощи, – напомнила Люба о разговорах, которые вела с подругой раньше. – Я говорила, что нужно искать возможности восстановить силу. Это бы тебя спасло!

– Не спасло, а отсрочило бы лишь конец.

– Но попытаться-то стоит!

– Люба, я уже достаточно сражалась раньше, долго искала свое счастье. Помогала другим находить его, но сама оставалась одинокой. И вот сейчас, когда я его обрела... Не хочу опять тратить то малое время, что осталось, на поиски и головолмки. Я хочу разделить его с любимым

человеком. Считай, что сдаюсь, но сражаться больше не буду.

– Инга, мне не нравится то, что ты говоришь! Ты никогда не сдавалась, а искала решения и находила. Как бы сложно ни казалось отыскать выход, всегда открывала нужную дверь!

– Ты говоришь почти как мой брат.

– Потому что мы тебя любим и не желаем плохого.

– Люба, я тоже имею право на выбор.

И опять подруга многозначительно промолчала.

– Ну, что еще? – нервно спросила Инга.

– Твое же проклятие вернулось. И хотя с помощью девочки ты отправила его виновному во всем, от него избавиться не смогла. Отогнала временно облако, но оно вернулось, понимаешь? Где находишься ты, там и оно. И когда прольется дождь, он не только тебя намочит.

– Ясно.

– Мне очень...

– Люба, ты не знаешь, что случилось с тем человеком, хакером, как мы его называли? – перебила подругу Инга. Что толку выслушивать сожаления?

– Ничего о нем не слышала. Хоть и искала упоминания. Спрашивала других сестер в надежде, что он обратился к кому-то за помощью. Глухо. Может, больше и нет его. Скорее всего, так. «Облако» больше не привязано к нему.

В дверь опять постучали, и Инга торопливо проговорила:

– Люба, мне надо уходить. Я тебя поняла. Спасибо. Завтра позвоню. Мне нужен только этот вечер – один счастливый. Только один, пожалуйста... Ничего ведь не изменится, если я проведу его с любимыми людьми?

– У тебя есть еще не один день, моя девочка. Но думай быстро. Мне очень жаль, правда... Возможно, мы с тобой найдем решение. Хоть ты и отказывалась от помощи и говорила, что не собираешься восстанавливать силу, я искала возможности.

– Нашла?

– Нет.

– ...

– Не расстраивайся раньше времени! Приезжай ко мне.

– Я же приду не одна, а вместе с «облаком», – горько усмехнулась Инга.

– Велика беда! Ну и пусть. Мне терять почти нечего.

Инга хотела спросить, почему Люба так сказала, но дверь в этот

момент тихонько приоткрылась. Инга торопливо попрощалась и отключила телефон.

– Готова? – спросил Чернов.

– Я...

– Если не хочешь идти, можем остаться, – переступив порог, шепнул он Инге на ухо, заведя за него прядь ее черных волос. – Объясним потом Лизе, что...

– Нет, нет, мы идем! Дай мне еще минуту, и я буду готова!

Когда Алексей вышел из комнаты, она, не глядя, сдернула с вешалки первый попавшийся сарафан, торопливо натянула на себя, обула босоножки на шпильке и, добавив на запястья по капле духов, отправилась в коридор.

– Богиня! – прошептал он, кладя руку ей на талию. – Даже не верится, что нам наконец-то скоро не надо будет разлучаться.

От его слов в сердце будто воткнули нож.

Отречься от любви, оставить любимых, чтобы отвести от них «ядовитое облако». Чернов, Лиза, Вадим, Лариса, Ванечка... Она и так достаточно бед принесла.

* * *

Алиса долго не могла уснуть и лежала рядом с мужем затаившимся мышонком, чтобы не разбудить его. Она думала о полученном сообщении, смаковала в памяти каждое написанное слово и... мучилась сомнениями. С одной стороны, ее приводило в восторг предложение Лучкина встретиться. Не об этом ли она мечтала? Не с фантазиями ли об их встрече засыпала каждый раз вот уже почти два месяца? Правда, в воображении Алисы обстоятельства встречи происходили в куда более реальных условиях, например, издательство организует-таки встречу писателя с читателями. И она придет, выстоит длинную очередь за автографом, а когда звездный писатель будет расписываться на странице книги, отважится признаться, что она – та самая девушка, которая почти ежедневно пишет ему длинные письма. Но Алиса даже вообразить не могла, что Лучкин сам попросит ее о встрече! Какой необычный день: от падения до взлета.

Но Алиса терзалась сомнениями по поводу того, как ей поступить: согласиться ли на встречу, или нет. Это в фантазиях она была смелой, а в жизни... Вспоминала, что она – блеклая моль. И еще о том, что замужем. Консервативное родительское воспитание грозило ей пальцем, говоря, что тайная от мужа встреча с другим мужчиной – это почти свидание. Хватит

того, что у нее и так завелся от Сережи секрет. Да и боялась Алиса, что в жизни Лучкин окажется еще привлекательней, чем на фотографиях, и она увлечется им уже всерьез. Катастрофа для нее, как для женщины, скованной клятвами другому мужчине – законному мужу, для ее совести, и так нечистой. Катастрофа для «блеклой моли». Катастрофа жизни.

Анна Каренина в современности.

Алиса не ответила писателю именно из-за этих сомнений. Но вечером, перед тем как уйти с работы, вызвала Майку и попросила ту «срочно-срочно» записать ее к мастеру, способному сотворить чудо с ее тонкими волосами. И вот на следующий день она уже была записана в салон. Подруга, конечно, попыталась выведать причины такого решения, но у Алисы хватило ума на этот раз промолчать. Впрочем, Майка, конечно же, что-то заподозрила. Плевать! Главное, что завтра будет новая прическа.

«К дьяволу сомнения!» То ли предвкушение изменений добавило решительности, то ли Алисе захотелось разом покончить с метаниями, то ли несвойственная ей жажда приключений толкнула в бок, то ли напоминание о том, что упущенная возможность куда хуже совершенной ошибки, но она тихонько встала с кровати и включила в гостиной ноутбук.

Новых писем не было, видимо, Виктор ждал ответа. Алиса зашла на его страницу, увидела, что он не появлялся там со вчерашнего дня, и обрадовалась тому, что он не развлекал разговорами других поклонниц. Перечитав еще раз для храбрости его фразу, написала ответ: «Я согласна».

Ответное сообщение прилетело так быстро, будто писатель сидел у компьютера в ожидании письма.

«В пятницу в семь?»

Это было послезавтра, вернее, если учесть, что время уже перевалило за полночь, завтра. Планов у нее не было. Обычно по пятницам Сережа уезжал играть в боулинг, Алиса же этот вид спорта не любила, играть не умела, к тому же с его коллегами ей было скучно. Они хоть и приезжали развлекаться, то и дело заговаривали о работе. Съездив с мужем пару раз на такие мероприятия, Алиса поступила, как жены и подруги его коллег: предпочла давать отдыхать супругу в мужской компании, а свободное время посвящала себе. Обычно она с Майкой отправлялась в кафе есть пирожные и болтать. Или же, если Майка торопилась к себе, а другие подруги оказывались занятыми, ехала домой. А в одиночестве уже либо читала, либо занималась уборкой, чтобы освободить субботу от хозяйственных дел.

Алиса написала Лучкину, что пятничный вечер ее устраивает, и получила ответ с названием и адресом кафе, в котором ее будут ждать.

«Тебе удобно это место?» – заботливо добавил писатель в конце. «Конечно!» – отстучала девушка. Ответа больше не последовало, и она решила, что разговор окончен.

Выключала ноутбук Алиса в таком волнении, какого не испытывала со времен сдачи государственных экзаменов в университете.

Все, она это сделала, отступать поздно. Словно вошел в аудиторию, где проходит экзамен, и под взглядом экзаменаторов приблизился к столу с разложенными на нем билетами. Уже не сбежать.

Алиса выпила на кухне чаю и вернулась в спальню. Но когда обняла руками спящего мужа и прильнула лицом к его спине, ощутила такой укол совести, что только силой удержала себя на месте, чтобы не вернуться к ноутбуку и не написать Лучкину отказ. «Завтра, завтра это сделаю. Или расскажу Сереже, что переписываюсь со знаменитым писателем и отправляюсь на встречу с ним! Да, так и сделаю! Почему я об этом раньше не подумала? Ведь надо все ему рассказать, и тогда меня перестанет мучить совесть». Решение показалось верным, она успокоилась и наконец-то уснула.

Проснулась Алиса так внезапно, будто кто-то выдернул ее из сна, как из воды, резким движением. В первое мгновение она испуганно схватила с прикроватной тумбочки мобильник, боясь, что проспала на работу. Но время было ровно три часа. Списав пробуждение на волнение, которое даже во сне не оставляло ее, девушка прикрыла глаза. И в это мгновение раздался тихий звук, будто кто-то деликатно стучал костяшками пальцев в дверь, прося разрешения войти.

– Сережа? – повернулась Алиса к мужу, ожидая, что тот во сне случайно стукнул рукой по тумбочке. Но в лунном свете, слабо освещающем комнату и падающем в окно с открытыми шторами, она увидела, что Сережа сладко спит, повернувшись к тумбочке спиной и сложив обе ладони под щекой. Наполняясь страхом, она придвинулась к нему вплотную и прижалась всем телом. Он, не просыпаясь, проворчал что-то неразборчивое, но Алисе уже было все равно, разбудит она его или нет.

Когда девушка прикрыла глаза, вновь раздался тихий деликатный стук в закрытую дверь спальни. Он был не на уровне груди человека среднего роста, а ближе к низу, так, если бы там стоял маленький ребенок.

– Се... Сережа, – выдавила из себя Алиса, обнимая его уже не только руками, но и ногами. Но тот спал так крепко, что не проснулся.

Стук раздался и в третий раз, будто некто, находящийся за дверью,

настоячиво желал войти в спальню.

– Господи, помоги! – тихо взмолилась Алиса, что есть силы зажмуривая глаза и пряча лицо на плече Сережи.

За дверью всхлипнули, затем раздались тихие шаги, словно некто удалялся в глубь коридора. Трясаясь от страха и продолжая судорожно цепляться за мужа, Алиса тихо проскулила, и Сережа наконец-то проснулся.

– Ты чего? – сонно пробормотал он, пытаясь разжать руки жены, не дающие ему пошевелиться.

– Там... Ты ничего не слышал?

– А что я должен был услышать?

– Стук! В дверь нашей спальни!

Она ослабила мертвую хватку, и Сергей наконец-то смог сесть. Дотянувшись до выключателя, он зажег свет и повернулся к жене. Растрепанные волосы, прищуренные глаза, след на щеке от костяшек пальцев – такое все трогательное, родное, близкое.

– Что случилось? – а тон голоса, наоборот, холодный, даже сердитый.

– Ничего, – буркнула она и отвернулась.

– Нет, погоди, – тронул муж ее за плечо. – Тебе приснился кошмар?

– Да, – ответила Алиса и после некоторой заминки, вновь развернувшись к мужу, жалобно попросила: – Ты не мог бы посмотреть, что там за дверью?

– Алиса, – начал Сережа, но, поймав затравленный взгляд жены, оборвал себя на полуслове, встал с кровати и распахнул дверь.

– Ну? – продемонстрировал он Алисе коридор. – Ничего тут нет. Ладно, раз уж я встал, схожу выпью воды.

– Не уходи!

– Алиса, да что с тобой? Я сейчас вернусь! Вот сию минуту и вернусь.

Сергей сделал шаг в коридор и вдруг, нелепо взмахнув руками, покачнулся. И упал бы, если бы не схватился вовремя за косяк.

– Откуда тут вода?!

Он торопливо зажег свет в коридоре, и Алиса, вытянув шею, увидела, что на полу налита небольшая лужица, на которой муж и поскользнулся.

– Кто-то стучал в дверь спальни, – глухо сказала девушка, натягивая до подбородка покрывало.

Сергей ничего не ответил, видимо, просто не знал, как реагировать на слова жены. Только молча сходил за шваброй и убрал лужу.

– Я сейчас вернусь, – вновь повторил он боявшейся пошевелиться Алисе. – Только на кухню схожу.

- Пожалуйста, не выключай в коридоре свет!
- Не беспокойся, оставлю.
- Нет, когда ляжем спать, тоже не выключай! Мне страшно...
- О господи, – вздохнул муж и вышел в коридор.

Возможно, отсутствовал он недолго, но Алисе показалось, что прошел час. Сидя на кровати все в той же позе, она вытаращенными от пережитого ужаса глазами смотрела в светлый проем, то ли боясь заметить в нем кого-то, напугавшего ее, то ли, напротив, желая поскорее увидеть возвращающегося в спальню мужа. А Сережа все не шел и не шел. И когда беспокойство Алисы превысило страх, она поднялась с кровати с намерением выйти на кухню и посмотреть, почему так задерживается муж. Одна тапка «спряталась» под кроватью, и когда девушка, достав ее, выпрямилась, то увидела, что на освещенную стену коридора легла тень в виде расплывчатого пятна. Она дрожала, как поверхность пруда от легкого ветерка. И вдруг принялась «разворачиваться», увеличиваясь в размерах. На какое-то мгновение Алисе показалось, что тень отбрасывает ребенок, но у него появился горб, и стало понятно, что это скорее скрюченный карлик-горбун. А может, детали дорисовало лишь подпитываемое страхом воображение – Алиса не знала, потому что в следующую секунду тень горбуна сжалась до размера кошки и приняла форму выгнувшего спину зверька. Еще мгновение – и «кошка» исчезла со стены в длинном прыжке.

У Алисы от страха пропал голос. Не помня себя, она вылетела в коридор, пересекла его в два прыжка, выскочила в темную гостиную и зажгла свет. Крадучись пересекла комнату и вошла на неосвещенную кухню.

– Сережа? – тихо позвала она, нажимая на клавишу выключателя. Свет, брызнувший желтым из подвешенной над маленьким столиком лампы, озарил пустое помещение.

– Сережа, ты где? – в растерянности оглянулась Алиса. Повисшая в воздухе тишина показалась такой плотной, что тяжестью легла на плечи. Девушка выскользнула обратно в гостиную, подергала ручку комнаты, замок в которую они накануне вскрыли. Закрыто. Конечно, муж же вставил замок на место.

– Сережка, не пугай меня так! – выкрикнула Алиса, наполняясь ледяным осознанием того, что находится в квартире одна. Или не одна?

А может, муж зашел в туалет? Конечно! Она бросилась в коридор и увидела, что и ванная и туалетная комнаты пусты. В спальне Сережи тоже не оказалось.

- Мамочки... – прошептала Алиса, вжимаясь спиной в стену, потому

что от страха подкосились ноги. В этой страшной квартире она одна – наедине с тенью, наедине с тем, кто шлепает босыми ногами, стучит в дверь спальни, гремит чем-то в запертой комнате. Наедине с темнотой – живой, вступившей в заговор с тем, что обитает в этой квартире.

И, видимо, чтобы окончательно уморить ее, мобильный, оставленный на тумбочке, мигнул огнями, беззвучно сообщая о принятом сообщении. Алиса взяла телефон так, словно опасалась, что он обожжет ей руки. И машинально подумала, что не переводила его в беззвучный режим оповещения.

Сообщение оказалось пустым – ни слова, ни цифры, ни буквы. Технический сбой?

Алиса нажала на кнопку, надеясь посмотреть номер, с которого было отправлено это сообщение, и увидела, что мобильный его не зафиксировал. Пока она в недоумении рассматривала телефон, он вновь завибрировал и мигнул огнями. Новое сообщение, на этот раз с текстом. «Здесь очень холодно!» И опять же – ни номера, ни даты отправки. Алиса поежилась уже не только от суеверного страха, а будто от мобильного на самом деле повеяло пробирающим до костей холодом.

– Алиса? – раздалось вдруг за ее спиной. От испуга девушка вздрогнула, нажала не на ту клавишу и удалила все сообщения из телефона.

– Сережа?! – вскричала она не то со страхом, не то с радостью, увидев мужа, стоявшего как ни в чем не бывало за ее спиной. – Ты где был?!

– На кухне, – ответил он.

– Я заходила, но тебя там не было!

– Я выпил воды и вдруг почувствовал духоту и головокружение, поэтому минут на пять вышел на балкон. А что?

– А что?.. – передразнила его Алиса и громко вздохнула. Объяснять мужу, в какой панике она металась по квартире в его поисках, бесполезно. Рассказывать про тень и сообщения тем более нелепо, потому что у нее нет никаких подтверждений произошедшему.

– Давай спать, – махнула она рукой в сторону кровати.

Сережа обнял ее. Алисе почему-то показалось, будто на плечо опустилась не рука мужа, а тяжелая плита. И хотя ей было очень неудобно, снимать руку Сережи она не стала.

VII

Она шла по обочине дороги, ведущей из Города, бросив вещи в доме, где остались ее надежды. Руки были свободны, плечи не оттягивал объемный рюкзак, но тяжесть несла в сердце. Там, в том Доме, где она нашла любовь, теперь остывала ее жизнь. Все, что осталось с ней, – придорожная пыль на кроссовках, заблудившийся в волосах ветер и соль от высохших слез на щеках.

Она ушла на рассвете и теперь брела, следуя вывернутой наизнанку цели – не прийти, а уйти, без усталости, без перерыва до пролившейся на ее путь чернилами ночи. И только когда звезды и месяц осветили холодным тусклым светом дорогу, она позволила себе сойти с обочины в придорожный лес и отдышаться, сидя прислонившись взмокшей спиной к стволу березы. Пять минут отдыха – и дальше в путь. Не останавливаться, идти, чем дальше, тем лучше. Так безопасней для ее близких и спокойнее ей.

Она пересекла населенный пункт – очередной на пути – и оказалась под широким железнодорожным мостом в то время, когда по нему проносился состав. Вспомнилось одно поверье из детства: если в то время, когда проходишь под мостом, проезжает поезд, нужно загадать желание, и оно обязательно исполнится. Но из всех желаний осталось лишь одно. И она прошептала его – уйти как можно дальше. Состав с грохотом пронесся по мосту, унося с последними вагонами ее пожелание, и она вновь двинулась в путь.

Иногда, гораздо реже, чем днем, мимо пролетали машины, и ни одна не посигналила, предлагая подвезти. Водители словно чувствовали, что по дороге бредет прокаженная. И когда дорогу в очередной раз осветили фары, она даже не сделала попытки сойти в лес, чтобы спрятаться. Лишь оглянулась назад, будто почувствовала, что эта машина – не просто проезжающая мимо.

И действительно, на этот раз посигналили. Машина, поравнявшись с ней, сбросила скорость. Стекло поехало вниз, и секунду спустя знакомый голос окликнул ее:

– Инга! Остановись!

Она не могла не повиноваться этому не приказу, а сочащейся отчаянием просьбе. Тем более что эта встреча с братом будет последней. Ее не удивило, что он бросился на поиски. Но вызвала недоумение машина,

воскресшая из недавнего прошлого. Девушка не столько разглядела ее в темноте, сколько узнала интуитивно. Чтобы убедиться, что автомобиль – не призрак, она коснулась его ладонью, провела пальцами по всей передней двери и убедилась, что бок гладкий, без вмятин. Но Инга же видела своими глазами, во что превратилась машина после недавней аварии!

– Вадим, откуда она у тебя? – спросила Инга то, что меньше всего ожидал услышать брат.

– Эта машина у меня уже почти три года, – ответил он и распахнул перед сестрой дверь со стороны пассажирского сиденья. – Садись, подвезу!

– Нет. Туда, куда я иду, не приедешь. Только пешком.

Она ожидала услышать возражения, но Вадим вдруг кивнул, словно понял, о чем она. И прежде чем уехать, сказал:

– Не задерживайся. Мы тебя ждем.

Машина, подняв облако придорожной пыли, сорвалась с места. И только когда мелькнули красные огоньки задних фар, Инга поняла, что брат приехал из прошлого, отделенного чертой от настоящего ее преступлением. Из того, когда она еще была другой. И что вот именно сейчас отыграется часть «сценария» с аварией, на ее глазах – в наказание.

Инга поняла, что имел в виду брат, говоря «мы тебя ждем». Уехал он туда, куда недавно ушла подруга Лёка. Куда ушли когда-то ее родители, бабушка. Она осознала, что, отказавшись от его предложения, выбрала для себя другой путь. Какой бы теперь дорогой она ни шла, никогда не придет туда, где ее будут ждать родные. Это ее наказание.

– Вадим! – закричала она в темноту. И бросилась бегом. – Подожди!

Девушка вспомнила, что через сотню метров дорога делает крутой поворот, не обозначенный дорожным знаком. Машина, набирая скорость, летела стрелой именно к тому опасному месту. Она не знала, бросилась ли догонять брата, чтобы уберечь от преждевременной гибели или потому, что запоздало приняла решение быть с ним до конца.

В следующее мгновение Инга увидела ситуацию с двух сторон: вон она, еще крича, бежит следом за уносящейся машиной. А вот уже смотрит на приближающийся к повороту автомобиль спереди. Задуматься над тем, как ей удалось обогнать машину, нет времени. Но не успевает она крикнуть или махнуть рукой, предупреждая брата об опасности, как на дороге появляется будто из воздуха незнакомый мужчина. Его поза – раскинутые руки и склоненная на грудь голова – вызывает ассоциации с распятым Христом. Во внешности мужчины тоже есть что-то от святого: обнаженный торс, полотняные, трепещущие на ветру штаны, длинные светлые волосы, сдерживаемые повязанным вокруг головы шнурком. Инга невольно

залюбовалась его мускулистой фигурой, сильными руками. Но, опомнившись, закричала, чтобы мужчина сошел с дороги. Но то ли он ее не слышал, то ли сделал вид, что не слышит, но остался стоять на месте. И в следующее мгновение машина брата налетела на него. Вопреки всем законам мужчина так и остается стоять на месте, раскинув руки. А машина, въехав в него, смялась, словно была сделана из фольги, и остановилась. Последнее, что успела заметить Инга: ее брат жив и, похоже, даже не ранен. И проснулась.

Тот сон, который она увидела ночью, хоть и закончился счастливо, но оставил тяжелое впечатление на добрых полдня. Инга не была уверена, что правильно его разгадала. И как бы там ни было, бездействовать не могла. После звонка Любы прошло два дня, которые девушка провела так, будто они были для нее последними: смеялась, веселилась, без конца обнимала близких, играла с Лизой и Ванечкой. Ни словом, ни мимикой даже на секунду не выдала того, что происходило с ней. Ее веселью находилось вполне логичное объяснение: счастливая женщина, которой накануне любимый человек сделал предложение. И вряд ли кто-то заподозрил, что на самом деле творится у нее в душе. Наверное, так чувствует себя больной, которому сообщили о скором исходе и который скрывает новость от родных. Только пару раз Инга поймала на себе встревоженные взгляды Лизы. Но сделала вид, что не заметила их.

Оставаться дальше нельзя: опасно для ее любимых, и с каждым прожитым днем рядом с ними ей будет тяжелее покинуть их. Любе она пообещала, что не будет задерживаться. Так пора наконец-то решиться...

Инга оглядела спальню, в которой они с Алексеем провели счастливые ночи. Она унесет воспоминания о них как средство от отчаяния, чтобы, окунаясь в воспоминания в особо сложные моменты, искать временное облегчение.

Присев на краешек застеленной кремового цвета покрывалом кровати, девушка склонила голову и помолилась о своих близких, вверяя их судьбы уже настоящим ангелам-хранителям. Что с ней станет, она не знала. Сойдет ли с ума и это будет ее наказанием? Или, напротив, сохранит ясность ума, но откажет тело, и будет умирать медленно, не в силах ни пошевелиться, ни облегчить свои страдания стоном? А может, ее медленно, в муках, будет убивать совесть, мучая кошмарами-снами? Или погибнет какой-нибудь нелепой смертью и, как проклятая, унесет с собой жизни и других несчастных, оказавшихся поблизости? Если можно было бы выбирать наказание, она бы выбрала мгновенную смерть. Одна. Но... какой ей

вынесет приговор тот, кто сейчас пролистывает ее «дело»?

Инга решительно встала и распахнула шкаф: может, воспользоваться тем, что Алексей отлучился по рабочим делам, несмотря на субботу, и собрать вещи? Но если он увидит пустой шкаф и полную сумку, вопросов не избежать. Да и нелепо тащить за собой тяжесть вещей, которые, возможно, уже не пригодятся. Надо уйти налегке, так, как во сне. Инга закрыла дверцы. Она, как старая кошка, предчувствующая свой конец, уходит из дома, чтобы избавить хозяев от созерцания своей смерти. «Неужели я и правда... так думаю?» Для себя она так и не поняла: уходит ли потому, что смирилась с близким концом, или потому, что решила не сдаваться и побороться ради возможности когда-нибудь вновь обнять брата и невестку, потискать племянника, обсудить с Лизой книжные сюжеты, поцеловать утром в сонные губ Чернова...

– Инга, ты здесь? – после деликатного стука дверь приоткрылась, и в проеме показалось лицо невестки. Инга поспешно нацепила на лицо улыбку и подошла к Ларисе.

– Не хотела тебе мешать, но мне звонит Майка и настойчиво просит дать поговорить с тобой, – невестка протянула через порог мобильный. – Говорит, что пыталась дозвониться несколько раз, но у тебя отключен телефон.

– Ой, разрядился, наверное, – «спохватилась» Инга. Свой мобильник она отключила после последнего разговора с Любой. И несмотря на то что совсем не хотелось с кем-либо беседовать, она пригласила Ларису войти и приняла из ее рук трубку.

– Привет, Майя! – как можно теплее поприветствовала она приятельницу.

Майка, едва услышав ее, «с порога» возбужденно затараторила что-то про какую-то подругу, которой требуется помощь.

– Майя, я сейчас не гадаю и вообще не провожу никаких ритуалов, – мягко перебила Инга девушку. – Сейчас такой... период.

К счастью, подробно объяснять, почему она не гадает, не нужно было, Майя знала, что не в любой день ворожейки готовы принять.

– Да-да, я знаю! Лара мне тоже что-то такое говорила! – взволнованно прокричала девушка так, что Инга, поморщившись, слегка отстранила трубку от уха. – Но нам требуется другого типа помощь... Понимаешь, она пропала! Вначале у нее в квартире происходило черт знает что! Шаги всякие, тени какие-то. А потом еще та странная женщина. Представляешь, такая нелепая: ходить на каблуках не умеет, а вырядилась в зеленое платье!

– Майка! – прикрикнула на подругу невестки Инга. Надо же как-то

приостановить этот поток слов, смысл которых уловить невозможно. Похоже, собеседница так волновалась, что совсем не слышала, что говорила. Какие каблукы? Какое зеленое платье? Тени, женщина... – Майя, что твоей подруге нужно?

Кое-как из сбивчивой речи девушки удалось понять, что подругу зовут Алиса, что пропала она вчера, в пятницу, вечером, когда после работы должна была пойти на свидание.

– Ну, это не совсем свидание должно было быть, – поправилась Майка. – Встреча с известным писателем, Виктором Лучкиным, слышала о таком?

«Еще бы!» – воскликнула про себя Инга.

– Представляешь, он назначил Алиске встречу! Как тут было не пойти? Так вот, она ушла, а я все ждала-ждала звонка, ну потому что интересно же! Попросила ее подписать для меня книгу. Даже специально съездила в магазин еще за одной, потому что свою отдала читать Ларисе. Так вот, ждала-ждала, а Алиска все не звонила и не звонила. Я даже сама набрала ее номер, но телефон оказался вне доступа. А потом, уже ночью, мне позвонил ее муж и спросил, не знаю ли я, где она. Я не сказала. Хотя это была и просто встреча, не интимная, понимаешь? Но... подруга ведь не сказала мужу, куда идет. Придумала, что собралась после работы проехаться по магазинам, а потом сходить посмотреть фильм, который ее заинтересовал. Я так и сказала Сергею и добавила, что не могла сопроводить ее по семейным обстоятельствам. Он меня поблагодарил, а потом еще раз позвонил, ближе к утру. Сказал, что Алиса так и не вернулась. Хотел узнать, в какой кинотеатр она собиралась пойти. Утром тоже не пришла домой. И... И...

Тут Майка вдруг зарыдала и забубнила в трубку что-то совсем уж неразборчивое. Так и продолжалось, пока Инга не оборвала ее резким окликом:

– А от меня-то что хотите?

Мягких просьб успокоиться Майка просто не услышала.

– Ты можешь посмотреть, куда Алиска пропала и что с ней?

От неожиданности Инга даже не сразу нашлась что ответить. А Майка тем временем уже заголосила:

– Ой, боюсь, случилось что-то плохое. У меня предчувствие! И зачем я ей ту проклятую книгу Лучкина сунула? Это я виновата в том, что Алиса пропала!

– Майка, не чуди. Ты не виновата. Разве что в том, что солгала мужу подруги.

– Так я ему сегодня уже рассказала, куда она пошла. Инга, ты сможешь?

– Нет.

– Почему? – растерялась Майя.

– Это не в моей компетенции. Поисками пропавших людей занимается полиция. Это раз. Во-вторых, я никогда не практиковала поиск по фотографиям. И в-третьих, при всем моем огромном желании помочь я не в силах это сделать. Почему – не спрашивай.

– Ой...

– Мне очень жаль, Майя. Знаешь, я редко отказываю в помощи, но сейчас такой случай. У меня есть для этого веские причины.

– Прости, – обескураженно пробормотала Майя. – Если бы знала, не потревожила бы тебя.

– Ты меня не потревожила. Но за такие дела я не берусь. У тебя же муж следователь! Конечно, предполагаю, что не он лично занимается поисками исчезнувших людей, но может же как-то помочь, посодействовать? Странно слышать, что в первую очередь вы бросаетесь за помощью к гадалкам...

– Инга, он уже помогает, – как-то устало сказала Майя. – Но для надежности я решила позвонить и тебе. Алиска мне ведь не чужой человек!

– Мне очень жаль, – искренне сочувствуя девушке, произнесла Инга. – Надеюсь, что с твоей подругой не случилось ничего страшного и она скоро отыщется.

– Я тоже на это надеюсь, – сказала Майя так обреченно, что стало понятно, что сама в это плохо верит.

– Не отчаивайтесь!

Попрощавшись с девушкой, Инга вернула телефон стоявшей рядом Ларисе. И подумала, что пора уходить. Откладывать уход еще на день, еще на один – все равно что отрезать больной орган по кусочкам. Не нужно продлевать пытку, обманывая себя желанием прожить еще один счастливый день вместе с родными. Разве могут быть эти дни счастливыми, когда постоянно думаешь, что вскоре расстанешься с близкими людьми, возможно навсегда. Пора уходить. И ради любимых, и ради себя.

Сегодня же.

* * *

Когда-то у нее было счастье. Обычное женское счастье, медово-

сладкое и сытное, как хлеб. Муж и двое ребятишек – сокровище, делающее ее богатой. Все было ладно. Дом – добротный. Муж – рукастый и хозяйственный – следил, чтобы и печь дымила исправно, и потолок не тек. Внутри – чистота, тепло и уют. Корова – круглобока, молоко давала такое жирное, что хоть употребляй вместо сметаны. Куры сыты, здоровы, яйца несли самые крупные в деревне, с темно-желтым желтком. Детишки – два пацана-погодка – послушны, румяны, здоровы. Не жизнь, а масло.

Конечно, она ворожила маленько, не без этого, хотя завистники и шептали боязливо, что без черного колдовства не обошлось. Но она-то знала, что на самом деле все волшебство заключалось в любви – к мужу и детям, к дому и хозяйству. К людям. К жизни. С душевной широтой, с благодарностями, а не с роптаниями принимала она все, что давала жизнь, – и радости, и горести, если какие случались.

От рождения ей была дана сила. Не ахти какая, так, зачатки. Но она сумела взрастить эту силу в себе любовью, светлыми мыслями. Холила, приумножала, обращая на добрые дела. Да, были те, которые ее не любили – из-за страха, из-за зависти к благополучной жизни. Но она ежедневно молилась и об этих несчастных. В деревне ее считали ведьмой. Кто-то боялся, кто-то, напротив, шел за помощью. Для больных всегда находились целебные настои или сушеные травы, заговорами лечила занедуживший скот. Помогала и молодым девкам обрести мужей. Но никогда не бралась за черные дела.

Было счастье... Была жизнь. И имя было – Марфа, которое она тоже утратила. Но девушка потеряла так много, что потерю имени даже не заметила, это было самой малой бедой, которая случилась...

Вначале от неизвестного мора пали куры. И никакие заговоры и молитвы не помогли спасти несушек. Потом исхудала корова. Умирала в муках, ее полный страдания рев разносился по всей деревне. И опять Марфа, спасшая от болезней не одну корову, оказалась бессильной. Она редела в голос и думала, что умирает вместе со своей буренкой. Но самое страшное ожидало впереди. Страшный пожар уничтожил ее семью. Ничего у нее не осталось. Только сила, которую она, тщательно собрав, всю до последней капли, обратила в проклятие против того, кто всего ее лишил...

Квартира встретила ее приветливо, как соскучившийся пес. Вещи лежали так, как их оставили перед отъездом: тапочка, за которую она запнулась, выходя, лежала возле самого порога, перевернутая подошвой вверх, дверца шкафа оставлена приоткрытой, на краю ванны висит полотенце, которое она в спешке забыла отнести в корзину для грязного белья. Помнится, в день отъезда Инга проспала и собиралась за пятнадцать минут, остававшиеся до приезда брата. И сейчас вещи, ожидавшие ее так, как их и оставили, вызвали счастливые воспоминания. Но девушка тут же жестко напомнила себе о настоящем: о том, что из отпуска ее вырвали так внезапно, будто сообщили о кончине близкого, что Алексей остался в том городе, который она покинула несколько часов назад, проснется утром один и не сразу поймет, что невеста его бросила. Будет спрашивать у Вадима, которого встретит курящим на крыльце, куда на этот раз ушла Инга. А брат снова предположит, что на рынок. И только когда она не появится к завтраку, беспокоятся. Потом найдут записку, мало что объясняющую, в которой лишь указано, что с ней все в порядке, что она просит не беспокоиться и не искать ее. Чернов будет недоуменно таращить глазакрыжовники и хлопать пушистыми, как у девчонки, ресницами, а Вадим в растерянности выругается и обзовет сестру сбежавшей невестой. Такое объяснение поступка первым придет им в голову.

Инга подняла соскользнувшее на пол полотенце и отнесла на кухню в стиральную машину. Затем, пройдя в спальню, открыла вторую дверь шкафа и внимательно осмотрела его содержимое. Что взять? Сколько вещей понадобится? Какие? Или уехать налегке? Она думала, что самое тяжелое – оставить близких и незаметно уйти. Но на поверку куда сложнее оказалось решить, что делать дальше.

И хотя час еще был предрассветный, она взяла мобильный и включила его. Люба ждет звонка хоть ночью, хоть ранним утром.

Едва Инга включила мобильный, как тот просигналил о трех полученных эсмэсках. Похоже, ее исчезновение уже обнаружили. И теперь тот, кто отправлял сообщения, получит уведомление о том, что мобильный оказался в зоне доступа. И, возможно, сейчас будет названивать либо брат, либо Алексей. Инга вздохнула и нажала на кнопку, чтобы открыть сообщения. Но оказались они присланными с незнакомого номера.

«Инга, я муж исчезнувшей Алисы. Пожалуйста, перезвоните мне, это очень важно!», «Инга, прошу вас... Позвоните в любое время!», «Инга, я умоляю вас о помощи!». Такие кричащие отчаянием сообщения от незнакомого человека. Но не успела Инга решить, что с ними делать, как мобильный в руке ожил и завибрировал. И номер, высветившийся на

экране, совпал с тем, с которого были присланы эсэмэски.

– Слушаю вас, – сказала она, решив, что лучше поговорить с этим человеком.

– Инга, я Сергей. Простите за столь ранний звонок, я получил уведомление о том, что вы приняли мои сообщения, и осмелился предположить, что тоже не спите. Я в отчаянии...

– Откуда у вас мой номер? – поинтересовалась Инга, уже подозревая, что не обошлось тут без Майки.

– Мне его дала ваша знакомая.

– Но я уже сказала ей, что вряд ли смогу помочь.

– Да, да, я знаю. Это я настоял на том, чтобы Майя дала мне ваш номер. Понимаете, Инга, в ситуации, когда исчезает кто-то из любимых людей, цепляешься за любую возможность отыскать его. Даже если просьба о помощи ясновидящей... Простите, вырвалось. Не хотелось бы вас обидеть... Но поймите, я человек, мало верующий в экстрасенсов и магов, но сейчас готов поверить во что угодно, если это поможет отыскать мою жену.

– Сергей, я не экстрасенс, – мягко возразила Инга, хотя внутренне начала закипать от раздражения. Не потому, что ей не понравились слова незнакомого человека, путающегося от волнения и переживаний. А потому, что его ситуацию девушка перенесла на своих родных, которые вот так же будут метаться и цепляться за любую возможность отыскать ее... Но объяснять им, почему она это сделала, – хуже. Не поймут. Приедут всем табором и будут следовать повсюду, отменяя возражения и предупреждения об опасности, обещая поддержку и любовь. Нет, она намеренно избавляется от такого «груза».

– Простите, – снова извинился Сергей. – Я не хотел вас обидеть...

– Вы меня не обидели. Но я действительно ничем не могу вам помочь. Если хотите, считайте, что я больше не ясновидящая, потому что утратила дар. Понимаете?

– Да, – растерянно произнес мужчина.

Этот разговор оставил тяжелый осадок. Стараясь не думать, что ее родные тоже вот так же будут сбиваться с ног в поисках, она вытащила из шкафа дорожную сумку и сложила в нее по паре джинсов, свитеров, водолазок, футболок, добавила пакет со сменным бельем и кроссовки. Принесла из ванной косметичку, в которую положила лишь то, без чего никак не могла обойтись. После включила на кухне чайник и в ожидании, пока закипит вода, набрала номер Любы.

– Разбудила?

– Нет. Знаешь ведь, что я – ранняя пташка. Ты где?
– В Москве.
– Молодец. Как соберешься, приезжай ко мне.
– Уже собралась. Не хочу задерживаться дома. Квартира как-то... лишает меня решительности. Да и родные скоро хватятся и начнут названивать.

– Ты ничего им не объяснила, – не спросила, а констатировала подруга.

– Нет. Зачем? Ты же знаешь, они никуда бы одну меня не отпустили, как бы я ни отговаривалась. Пришлось вот... сбежать.

– Ясно, – ровно ответила Люба, и нельзя было понять, осуждает она или одобряет поступок подруги. – Приезжай, я тебя жду.

Инга отключила телефон и с сумкой в руках направилась к выходу. Но, коснувшись дверной ручки, замерла и оглянулась, прощаясь с жильем. Почему-то ей подумалось, что уезжает она навсегда. Может, так и есть. И вдруг волной нахлынула такая грусть, что она едва сдержала слезы. Ну почему у нее все не так, как у людей? Не так, как у *обычных*. Ей всего-то сейчас и хотелось, что нормальной, обыкновенной жизни рядом с любимым человеком. Неужели она не заслужила этого? Неужели все те добрые дела, которые она совершала, перечеркнул один серьезный проступок?

Впрочем, о чем это она... Убийство проступком не назовешь. Как бы там ни было, она убила. Пусть и негодяя. Пусть ее и спровоцировали на этот шаг, и вся вина в том, что попала в ту ловушку, сыграла по чужим правилам, хотя и догадалась, что ее «вели» к этому.

Инга рывком распахнула дверь и вышла в коридор. Оглянулась на квартиру соседки, дружбу с которой водила, пожелала мысленно старушке всего доброго и вызвала лифт.

Во дворе опять остановилась в сомнениях, думая, как поступить: отправиться к Любе на общественном транспорте или взять машину. Метро уже открыли, ехать на Бауманскую – вполне удобно. Сумка не такая уж тяжелая. Автомобиль не хотелось брать по причине, что он мог выдать ее нахождение. И еще это был подарок брата и Алексея ей на тридцатилетие, нужно ли сейчас такое напоминание о любимых? Но, с другой стороны, как знать, какие передвижения еще предстоят. Последний довод перевесил все сомнения, и Инга направилась на стоянку, где дожидалась хозяйку серая «Тойота».

Люба встретила ее, несмотря на такой ранний час, при полном параде:

с уложенными в прическу волосами, легким макияжем на лице, маскирующим возраст, одетой в элегантное платье и в туфлях на каблуках, которые носила даже дома. Инга подозревала, что ее, так тщательно следящую за собой, нельзя застать врасплох даже ночью: возможно, она и перед сном делала макияж и укладывала волосы. Конечно, это было лишь шутовское предположение. Но как бы там ни было, подруга всегда выглядела так, словно ожидала в гости мужчину своей мечты.

– Проходи, – коротко сказала хозяйка, окинув Ингу мимолетным взглядом. По тому, что тщательно выщипанные брови на мгновение сошлись в хмурую галочку, Инга поняла, что что-то в ее облике не устроило Любу. Однако делать замечание та не стала.

Женщина проводила Ингу на кухню и усадила за стол.

– Сначала – завтрак, потом – разговоры, – безапелляционно заявила она, ставя перед гостьей тарелки с овсяной кашей и гренками и большую кружку с теплым молоком. И хотя Инга предпочла бы сейчас в качестве завтрака чашку крепкого кофе и сигарету, за еду она принялась с удовольствием. Все то время, что она ела, Люба неторопливо отпивала из небольшой чашки травяной чай и бросала на гостью короткие, но цепкие взгляды, так, словно считывала с ее лица какую-то информацию. Но удивительно, Инга не чувствовала себя неловко, напротив, ей становилось уютно, будто ей на колени улеглась кошка и сняла напряжение довольным мурлыканьем.

– Мне уже столько лет никто не готовил на завтрак овсянку, – призналась она, отставляя пустую тарелку. – Бабушка делала...

– Если останешься у меня, буду готовить тебе разные каши каждый день.

– Не думаю, что останусь, – покачала головой Инга. – Я еще окончательно не решила, где остановлюсь, возможно, сниму номер в какой-нибудь гостинице. Не хочу ни злоупотреблять твоим гостеприимством, ни накликать на тебя беду.

– Не думай об этом, – отозвалась Люба, убирая грязные тарелки в посудомоечную машину.

Инга возражать не стала, но не потому, что согласилась с подругой, а лишь из нежелания затевать сейчас споры. В животе обосновалась приятная сытость, и вместе с нею пришло желание спать. Сказалась бессонная ночь: в самолете подремать так и не удалось.

– Люба, что тебе удалось узнать? – спросила она, торопясь выяснить все важное до того, как начнет откровенно клевать носом.

– Мало что, – с плохо скрываемым огорчением ответила подруга. –

Случаи временной утраты силы встречались и среди моих знакомых тоже. Но это совсем другие ситуации.

– В прошлом году, ты знаешь, я уже теряла силу, – напомнила Инга. – Восстановилась, полюбив.

– Тот случай совсем из другой оперы, – хмуро заметила Любовь. – Ты потратила силу на благое дело, пожертвовала собой ради спасения других.

– Да, ты права, – вздохнула Инга.

– Но то, что ни с кем из наших знакомых не случилось ничего подобного, не значит, что нет никакого выхода. Будем искать.

Инга рассеянно кивнула, а затем, вскинув на Любу глаза, грустно усмехнулась:

– Значит, можно не спрашивать, знаешь ли ты, что будет происходить со мной? Или тебе все же что-то известно?

– Нет.

– Это может быть что угодно – от смерти до помешательства, – рассеянно вертя пустую чашку на столе, предположила Инга.

– Что сейчас гадать, – оборвала ее Люба. – Ложись спать, а потом будем искать ответы на все вопросы.

– Я не хочу терять время.

– Если отдохнешь пару часов, не потеряешь, а выиграешь. Как говорится в наших сказках, утро вечера мудренее. Уже утро, но это сути не меняет. Думать будем, когда выпишься. Дорогая моя, ты в зеркало смотрелась? У тебя лицо осунулось, а под глазами – тени. Конечно, выглядишь намного лучше, чем когда уезжала на отдых, загар тебя освежил, но заметно, что ты провела бессонную ночь. Так что отправляйся в кровать!

Спорить Инга не стала. Погрузившись в приготовленную для нее постель, она закуталась в пахнущее цветочным ополаскивателем покрывало и уснула, едва успев прикрыть глаза. Люба тем временем не стала терять времени и включила в кабинете компьютер. Современные ворожейки тоже ведут блоги, общаются на форумах и зачастую спрашивают совета не у старых, пропахших пылью фолиантов, а у товарок через Интернет.

Инга ей была... ну, может, не как дочь, о которой она когда-то мечтала, но так и не родила, а как младшая сестра точно. И случившееся Люба переживала как собственную беду.

Общение с товарками не принесло успеха. В том песке слов, которые высыпались на Любу, не оказалось золотых песчинок. Но когда она, устав от бесполезного просеивания, собралась покинуть закрытый форум,

получила от Черной Кошки сообщение, которое заставило сердце забиться. Любовь с трудом удержалась от того, чтобы не броситься в комнату, где отдыхала Инга, и не разбудить ее. Нет. Пусть отоспится. Неизвестно, что ее ожидает впереди. А новость пару часов подождет.

VIII

– Не понимаю! – в какой уже раз проговорил Алексей севшим от криков и возмущений голосом. Он больше не бушевал, не мерил комнату нервными шагами, гул которых, казалось, разносился по всему дому, а сидел, обхватив круглую лопухую голову широченными ладонями, и раскачивался из стороны в сторону.

Оглянувшись на скрип приоткрывшейся двери, Вадим увидел встревоженное лицо жены и кивком пригласил ее. Лара вошла тихо, на цыпочках, будто в палату с тяжелобольным, и молча протянула мужу стакан, наполовину наполненный янтарным виски.

– Вот, – еле слышно сказала она и, кивнув на Алексея, одними губами спросила: – Как он?

Вадим пожал плечами, высказывая неопределенность. Он и сам был обескуражен и встревожен исчезновением сестры. Разве что не так раздавлен, как Чернов, который побег Инги со своей «жениховской» колокольни воспринял как разрыв и теперь копался в себе, выискивая и надумывая собственные промахи.

– Лещ, – ровным голосом окликнул мужчину Вадим. – Выпей!

Тот машинально взял протянутый стакан с налитым в него виски и в два глотка опустошил его. Даже не поморщился. На душе было куда горше. Вадим забрал стакан и передал жене. Хотя Лариса была встревожена исчезновением невестки не меньше, чем муж и Алексей, она правильно рассудила, что мужчинам лучше остаться вдвоем.

– Дурацкая записка, – как-то по-детски, будто обиженный мальчишка, пробормотал Чернов. Вытащив из кармана скомканную бумажку, он расправил ее на колене. – Ничего не объясняет! Вадим, хоть ты понимаешь, что взбрело в голову Инге? Ты же ее знаешь почти как себя. Почему она вот так со мной?

– Она вот так не с тобой. И вообще не с нами, – проговорил Вадим. – Думаешь, сбежала, потому что передумала выходить за тебя замуж? А мне вот думается, что все куда круче замешено. Не в свадьбе дело. Увы. Что-то случилось. Что-то, что заставило ее внезапно сорваться. То ли кому-то на помощь, что вряд ли, потому что все самые любимые и близкие для нее находятся тут. А если бы она побежала спасать кого-то чужого, то вряд ли бы стала вот так исчезать, не давая объяснений и оставляя через записку просьбу простить ее и не искать. Скорей всего, Инга и правда бросилась

спасать. Нас. Уводя за собой, как за приманкой, беду.

– О чем ты? – не понял Алексей, поднимая на Вадима глаза.

– О том, что хорошо знаю Ингу. И раз она вот так ушла, значит, случилось что-то серьезное.

– Почему ты так думаешь?

– Знаю ее. Это раз. Если бы ты был чуть наблюдательней, то еще раньше заметил бы, что с ней что-то происходит. Это два.

– Хочешь сказать, что я такой чувствительный, как бревно? – обиделся Чернов. – Да, я толстокожий, и она мне об этом не раз говорила. Но это не значит, что я ее не понимаю, не замечаю, и что ты там еще хотел сказать!

– погоди ты. Я совершенно не об этом, – оговорился Вадим, поняв, что допустил промах. – Ты сам говорил, что Инге в последнее время чуть ли не каждую ночь снились кошмары.

– Она говорила, что после пробуждения не помнила, что снилось!

– Все она помнила. Рассказывать не хотела. Берегла наши нервы, – грустно усмехнулся Вадим.

– Хорошо же она их теперь бережет! – зло процедил Алексей и закурил уже неизвестно какую по счету сигарету. – Ну а тебе-то ее удалось разговорить? – спросил он после того, как выпустил вместе с дымом часть напряжения.

Вадим, не вдаваясь в подробности, кивнул и кратко рассказал ему, о чем они говорили с Ингой на пляже.

– И как я сразу об этом не подумал! – хлопнул себя по лбу Чернов после того, как Вадим замолчал. Вскочил с кровати так поспешно, что чуть не толкнул стоявшего перед ним парня. – Лиза! Лиза! – заорал он на весь дом, распахнув дверь. – Ребенок, где ты? Нам нужна твоя помощь!

– Что ты задумал? – насторожился Вадим.

– Лиза нам поможет, вот что! – объявил Алексей с торжествующим блеском в глазах. – Инга рассказала, что моя дочь способна устанавливать «мосты» с другими людьми. То есть входить в их мысли, видеть прошлое, настоящее и даже немного будущее. Она ведь, если ты не знаешь, оказалась на твоей волне сразу после аварии. Рассказывала такие вещи – не мне, Инге, – о которых могли знать лишь вы с сестрой. Это у нее вышло случайно, но потом Лиза вроде по собственному желанию, вернее, по просьбе любимой, установила «мост» с одним негодяем. Так что мы сейчас позовем ее и попросим проделать то же самое! И моя дочь расскажет, куда исчезла Инга и почему.

– Ну, не зна-а-ю, – неуверенно протянул Вадим. – Думаю, Инга была бы против.

– Против! – взревел Чернов. – Ее сейчас никто не спрашивает. Она уже натворила дел!

– погоди, не горячись, – ласково произнес Вадим, видя, что Алексей «закипает». – Мне кажется, что впутывать Лизу в эти дела нехорошо. Неправильно. Может быть, опасно. Инга была бы против именно по этой причине.

– Опасно? – засомневался Алексей, вспомнив, чем заканчивались для Лизы видения – криками, обмороками. – Но Инга уже один раз так использовала мою дочь!

– Во-первых, потому что тогда сама находилась в опасности, во-вторых, это Лиза ее «нашла». В-третьих, и это главное, твоя дочь в том случае применяла свои способности под надзором сестры. А мы с тобой, Чернов, ничего не мыслим в этих их ведьминских делах. Это раз. Лиза, хоть и обладает способностями, не обладает знаниями. Я не знаю, чем может закончиться для твоей дочери наш «эксперимент». Это тебе не обученной собачке дать понюхать вещи, чтобы она бросилась на поиски. Представляю, что это куда сложнее и опаснее. Для твоей девочки. Это два.

– Я понял, что ты хочешь сказать, – Алексей хлопнул ладонями по коленям и резко встал. Сделал круг по кабинету, сцепив пальцы на затылке и запрокинув лицо к потолку, будто на нем пытался вычитать ответ. Вадим все это время молча следил за Лешей. Что-то подсказывало, что Чернов принимает тяжелое решение, взвешивает все, прикидывает риски. Будто обдумывает очень важную сделку. Но на этот раз дело обстояло куда серьезней финансовых потерь и выгод. Речь шла о его двух любимых девочках.

– Вадим, я думаю, мы должны спросить у самой Лизы, готова ли она нам помочь.

– Лиза разве откажется? – хмыкнул тот. Если дело касается Инги и возможности применить способности, Лиза не откажется, как ни отговаривай и ни запугивай. – Ты хорошо подумал?

Вместо ответа мужчина развел руками, словно дело решено и обжалованию не подлежит.

– Она – твоя дочь. Маленькая девочка, которой недавно исполнилось десять лет. Ребенок. А мы, двое взрослых мужиков, втягиваем ее в то, в чем ни черта не разбираемся, – предпринял еще одну попытку уговорить Вадим. – Инга сказала, что очень бы желала Лизе не иметь этих способностей, которые у нее есть. И добавила, что жалеет, что втянула ее в случившуюся с ней историю, потому что еще не знает, каким боком это может девочке выйти.

– Речь идет также о твоей сестре, моей будущей жене и женщине, которую моя дочь любит как родную мать. Возможно, она в опасности, – веско сказал Чернов. И, подойдя к двери, распахнул ее: – Лиза!

* * *

Инга проспала всего два часа, но проснулась отдохнувшей и полной сил. Видимо, не обошлось без Любиных заговоров. А может, травяной чай одновременно обладал и успокаивающим эффектом, и наполнял энергией. Но, как бы там ни было, Инга встала бодрая, тяжелые мысли развеялись как дым, не осталось даже легкой горечи послевкусия. Будто во сне некто исповедовал ее душу и отпустил грехи. И все же это ощущение легкости наверняка временное, как эффект обезболивающего средства. Видимо, подруга, пока она спала, и правда поработала ее душевным «анестезиологом».

Не успела девушка спустить ноги с кровати, как в дверь раздался деликатный стук. То ли Люба почувствовала, что Инга проснулась, то ли решила, что пора будить.

– Входи, я не сплю! – крикнула гостья и потянулась.

– Как спалось? – спросила хозяйка, проходя к окну и раздергивая шторы. Солнечный свет брызнул в комнату так нахально и весело, что Инга невольно улыбнулась.

– Отлично! Поколдовала, что ли? – спросила она. Подруга не улыбнулась, напротив, кивнула с самым серьезным видом.

– А иначе бы ты не уснула, – добавила женщина. Пододвинув к кровати стул, Люба села напротив Инги и сложила руки на коленях. – Ну что, готова к активным действиям?

– Готова! Прямо сейчас!

– Если сейчас, то это хорошо. Потому что действовать нужно незамедлительно. Увы, дорогая моя, чувствую, времени у нас мало.

Хотя и говорила Люба серьезно и малоприятные вещи, которые возвращали Ингу не только в настоящее, но и в прошлое и почти перечеркивали будущее, заметно было, что ей не терпится сообщить гостье что-то важное. И, судя по блеску в глазах, хорошее.

– Давай говори уж, что хочешь сказать, – проворчала Инга, потому что подруга сделала театральную паузу. Такие паузы для нагнетания эффекта Инга терпеть не могла.

– Может, вначале чаю выпьем? Я заварила с мятой...

– Потом, – нетерпеливо отмахнулась Инга. – Сама же сказала, что времени у нас мало.

– Тогда пойдем в комнату, где компьютер. Покажу кое-что. А потом за чаем обсудим.

Инга торопливо натянула джинсы, лежавшие рядом с кроватью на другом стуле, обулась и отправилась за подругой в комнату, которую Люба называла кабинетом. Там на столе, одной гранью касающемся подоконника, стоял далеко не новый компьютер. Девушка мельком взглянула на обстановку, которая не выдавала истинного занятия хозяйки, скорее кабинет напоминал комнату школьника: светлые обои, диван у стены, торшер, полка с книгами, какие-то тетради на столе, стул и компьютерное кресло.

– Вот, читай! – сделала Люба жест рукой в сторону монитора, на котором был открыт то ли чей-то блог, то ли сайт.

– Что это?

– Потом скажу, вначале прочитай.

Инга пододвинула стул и принялась читать.

«...Наказание наступает тогда, когда ты его уже не ждешь, когда начинаешь жить. Вот еще ты, сразу после совершенного, ощупываешь себя недоверчиво, недоумеваешь, как умудрилась спастись. И следующие дни не живешь, а пролистываешь в смиренном ожидании кары. Но время идет, и ничего не происходит. Ты расправляешь плечи, поднимаешь голову и перешагиваешь изо дня в день с крепнущей уверенностью. Даже начинаешь строить планы...»

– Что это? – развернулась Инга на вертящемся стуле к тихо стоявшей за спиной Любе.

– Отрывок из будущей книги, который выложил на своем сайте один писатель. Черновик.

– Но... какое отношение этот художественный вымысел имеет ко мне? – недоуменно вскинула брови Инга.

– А такое! Этот писатель художественно вымышляет, как ты выразилась, со знанием дела. Посмотри другие отрывки...

Инга послушно щелкнула мышкой туда, куда указала Люба. И увидела продолжение текста.

– Там несколько таких отрывков, – пояснила подруга. – Прочти их все. Инга кивнула.

Она так увлеклась чтением, в волнении теребя браслеты на запястье,

отчего раздавался тихий тонкий звон, что не заметила, как подруга вышла из комнаты и вновь вернулась, толкая перед собой сервировочный столик, на котором стояли чайник, две чашки, сахарница и вазочка с засахаренными орехами и фруктами.

– Ну что, тоже заметила, что писатель вымышляет вполне правдоподобно? – спросила Люба, когда гостя откинулась на спинку стула и закинула руки за голову.

– Странно... – пробормотала Инга, не отрывая взгляда от монитора. – То ли хорошо выдумывает, то ли что-то знает... Я за эту книгу заплатила бы любую цену, если бы она содержала ответ на мой вопрос.

Она усмехнулась и наконец-то повернулась к подруге.

– Поговорить бы с этим писателем.

– Я тоже об этом подумала, – согласилась Люба, разливая по сервизным чашкам чай. – Может, пустой билет, а может, и с выигрышем... Ничего другого у нас пока нет, только это. Одна знакомая, зная, что я ищу, прислала мне ссылку на сайт. Пока ты спала, я изучила его. Отрывки мне показались любопытными. Но я ждала твоего пробуждения. Без тебя не стала писать автору.

– А ему можно написать? – развернулась Инга опять к компьютеру.

– Еще бы. Он довольно активно общается на сайте со своими поклонницами.

– Ой!.. – воскликнула Инга, открыв главную страницу. И рассмеялась.

– Что такое? – взволновалась Люба.

– Не поверишь! Об этом писателе мне на днях говорила невестка, увлеченная его последней книгой. Но главное, что он – мой бывший сокурсник!

– Ого! Это не иначе как знак судьбы! – подняв указательный палец, философски произнесла Люба.

– Да брось, какой знак, – отмахнулась Инга, которая в них еще как верила. – Просто мир такой тесный.

– Значит, ты легко можешь с ним связаться?

– Ну... не намного легче, чем любая из его поклонниц, – уклончиво ответила она. Помнит ли ее Витя Лучкин? Его-то самого она помнила, хоть и не вспоминала. А когда-то очень давно, не в прошлой жизни, а даже в позапрошлой – задолго до события, расколовшего ее жизнь на две неравные части, он занимал ее мысли. В той жизни, в которой она еще не красила свои светло-русые волосы в черный, тело ее не было осквернено надругательствами подонков и не знала еще, что любовь зачастую идет рука об руку с предательством.

– Напиши ему! Прямо сейчас! Мы не можем терять время, – волновалась Люба.

– погоди, погоди, – Инга подняла руку, желая остановить подругу. – Лучкин мог историю просто выдумать. Тем более что по этим кусочкам угадать сюжет очень сложно. Вдруг он совершенно о другом пишет, только нам в свете нашего интереса показалось, что на нужную тему?

– Так это легко можно выяснить! – Люба по-матерински положила Инге на плечи ладони. – Напиши ему, моя девочка, ничего страшного не случится.

– Да уж, *страшней*, чем есть, не случится...

От прикосновения рук подруги от плеч к позвоночнику, а по нему – к пояснице заструилось приятное расслабляющее тепло. И напряжение, которое вновь сковало было ее, спало.

Инга открыла страницу с контактной информацией, выделила курсором электронный адрес и, войдя в свою почту, вставила его в адресную строку. «Виктор, здравствуй! Это Инга Дохновская. Помнишь меня?..» – быстро набила она. Стоящая за спиной Люба внимательно следила, что она печатает. Девушка затылком чувствовала взгляд подруги и ощущала ее молчаливое одобрение, но от этого легче не становилось. Почему-то ею овладела непонятная нервозность, и если бы не надзор Любы, сочиняла бы Инга письмо очень долго, кидаясь от фразы к фразе, то стирая их, то набирая вновь. Словно придумывала не короткое сообщение писателю Лучкину, а писала полное скрытых надежд письмо симпатичному сокурснику Вите, с которым когда-то они наблюдали за звездами с крыши одной московской высотки.

– Оставь ему мой телефон, – вдруг сказала подруга.

– Зачем?

– На всякий случай. Вдруг он предпочитает не писать, а звонить.

– Я не уверена даже в том, что он ответит на сообщение, – проворчала Инга.

– И все же.

– Как хочешь, – девушка пожала плечами и в конце письма добавила нужные цифры.

Несколько полуофициальных фраз, формальное завершение и... Инга невольно задержала дыхание, как перед прыжком в воду, а потом нажала на кнопку отправки.

– Все! – объявила она не столько Любе, сколько себе, и круто развернулась на стуле, поворачиваясь к подруге лицом. – Остается дожидаться ответа.

– Он ответит, – уверенно ответила Любовь, будто была в курсе припорошенных пылью и нафталином отношений Инги и Вити Лучкина.

Впрочем, «отношениями» то, что между ними было, и назвать-то нельзя. Разве расшитый серебром черный велюр неба и разливающийся под ногами золотыми огнями вечерний город – это отношения?

И все же она не смогла побороть искушения и открыла страницу с фотографиями бывшего сокурсника. Пролистала, не обращая внимания на продолжающую стоять за спиной Любу. И когда дошла до последнего снимка, на котором Виктор был запечатлен с чужой малышкой на руках, с облегчением закрыла страницу. Надо же, она, оказывается, боялась, что узнает на фотографиях того Витю, который с лукавой улыбкой доставал из кармана джинсовой куртки неизвестно каким образом полученные ключи от люка на крышу московской высотки, чтобы отвести Ингу на прогулку к небу. Она опасалась, что от фотографий вдруг повеет ночным ветром, который там, на высоте, казался неожиданно свежим и вкусным, будто был не городским, заблудившимся в стенах многоэтажек, отравленным автомобильными выхлопами, а морским бризом. Но с фотографий на нее смотрел чужой, хоть и с узнаваемыми чертами, человек. Наваждение, к ее облегчению, развеялось. Это не тот не понятый преподавателями, держащийся немного особняком от сокурсников студент Витя, за которым Инга однажды пошла к небу, а модный писатель Лучкин, у которого общим со старым знакомым было лишь имя.

– О чем задумалась? – вернул ее в настоящее голос подруги.

– Так... – невнятно ответила она, застигнутая врасплох. Врать Любе бесполезно. Лучше уж недоговорить, чем солгать.

– Красивый он, этот Лучкин, – совсем уж не к месту сказала Любаша. Инга рассеянно кивнула, но, спохватившись, специально съязвила:

– Вот и продает книги «лицом».

– А ты прочитала хоть одну из них?

– Нет.

– Так, может, они на самом деле так хороши, как их расхваливают?

Инга тяжело вздохнула и, резко развернувшись к подруге, ответила:

– Может, и правда хороши, не спорю. Моя невестка читает его книги с удовольствием. Но здесь дело не только в том, как они написаны. Я ничего не понимаю в издательском бизнесе, но догадываюсь, что успех Лучкина состоит не из одного «ингредиента». Это сложный «коктейль» из написанных им текстов, правильного маркетинга, психологических трюков, которыми Витя, не сомневаюсь, владеет едва ли не в совершенстве, его привлекательной внешности... Почему мы заговорили об этом? Нас ведь

интересует не то, как он добился успеха, а его рукопись.

– Проверь почту, – спокойно, желая остудить разгорячившуюся подругу, проговорила Люба.

– Вряд ли он уже ответил, – буркнула Инга, но все же открыла почтовый ящик. – Пусто. Чем торчать тут возле компьютера, давай выпьем чаю.

Когда Люба разливала по чашкам свежую заварку, пахнущую мятой, ее мобильный, оставленный на столе, заиграл вдруг что-то восточное.

– Алло? – томно ответила она, одной рукой продолжая удерживать заварочный чайник с синими журавлями, плывущими по его бокам, покрытым белой глазурью. Послушала, что ей сказали, и протянула телефон Инге: – Это тебя.

* * *

– У меня ничего не получается!

Лиза чуть не плакала, от напряжения даже вспотела. На светло-зеленом сарафане на спине проступили темные влажные пятна, выбившиеся из прически прядки волос липли ко взмокшему лбу и завивались в тугие спиральки, на кончике облезшего от солнца носа повисла капелька пота. Лиза стерла ее ладонью и жалобно посмотрела на сидевших напротив на кровати отца и Вадима. Сама девочка, будто экзаменуемая, сидела на стуле. Пальчики нервно теребили подол сарафана, то собирая его в складки, то вновь расправляя.

– Не могу! – Она помотала головой и исподлобья посмотрела на отца, на лбу которого прорезались три глубокие морщины – тоже от напряжения, будто это не его дочь пыталась установить контакт с Ингой, а он сам.

– Что у тебя не получается, Лиза? – опередил Чернова Вадим. Голос его звучал ласково, но взгляд серых глаз выдавал беспокойство.

Лиза любила Вадима, считала его дядей, хотя в родстве они и не состояли. Во-первых, он был братом Инги, а на ней папа собирался жениться. Во-вторых, к девочке Вадим тоже относился с такой любовью, будто она была его племянницей. А в-третьих, после того как Лиза, пусть и случайно, установила с ним «мост» в тяжелый момент, «побывала» в его настоящем и, через воспоминания, в прошлом, поделила физическую боль – неродной считать ее было уже неправильно.

Как же тогда у нее получилось «выйти» на Вадима? Уже потом Инга объяснила, что Лиза «там» много думала о старшей подруге, желала

находиться с ней рядом и невольно стала «улавливать» «волны» ее близких. Значит, достаточно всего лишь сильно пожелать найти Ингу? Девочке припомнился еще один случай, когда она подобным способом «вычислила» воришку в классе. О том дне вспоминать было неприятно и больно, ведь это долгое время была ее лучшая подруга. Лиза невольно поморщилась, вспомнив Иру Степанову. Ситуация разрешилась и без ее вмешательства: Иру в первый же день после весенних каникул поймали на новой краже. В школу вызывали родителей. Директриса и учительница долго беседовали за закрытыми дверями с матерью Иры. А потом девочку забрали из школы и перевели в другую. Но вот осадок остался...

– Лизавета?

Девочка не заметила, что ушла в свои воспоминания так глубоко, что оставила без ответа и вопрос Вадима, и обращение к ней отца. Лиза думала, что и в том случае с Ирой установить «мост» получилось потому, что сильно того хотела. Но почему же ничего не выходит сейчас? Неужели она желает найти Ингу не так сильно, как воришку в классе?

– Лиза?

Только когда ее позвали повторно, она услышала, встрепенулась, как воробышек, и вопросительно посмотрела на мужчин.

– Ты сейчас что-то увидела? – с надеждой спросил отец. Его глаза казались зеленее незрелого крыжовника. Когда они принимали такой насыщенный оттенок, это означало, что он либо рассержен, либо встревожен. Рассерженным сейчас папочка не был.

– Нет, – покачала она головой и потупилась. Как бы хотелось обрадовать любимых людей утвердительным ответом! Но с Ингой будто оказались оборванными все ниточки. А может, это она, Лиза, делает что-то не так? Недостаточно сильно желает «встретиться» со старшей подругой? Да нет, желает, даже очень сильно. Почему же сейчас ничего не выходит?

– Она будто закрыта от меня, – огорченно пробормотала Лиза. – Не пускает!

– Отключила телефон, «выключила» и возможность связаться с ней через Лизу, – пробормотал Алексей. – Что же все-таки случилось? И где она может быть?

– Быть она может где угодно: здесь где-то прятаться, вернуться в Москву, куда-нибудь еще улететь. Леш, у тебя есть возможность проверить списки пассажиров? – спросил Вадим.

– Как это я сразу не догадался! – хлопнул себя по лбу Чернов. – Надо было с этого начинать!

– Тебя понять можно: ты настолько был шокирован побегом Инги и

погружен в самокопание, что ни о чем другом не мог думать. Лишь о том, чем не угодил моей сестре.

– Я сейчас, сейчас, позвоню тут одному человеку, – засуетился Алексей, вытаскивая из кармана мобильный. И тут же принялся отдавать кому-то указания съездить в аэропорт и на железнодорожный вокзал.

– Лиза, ты думаешь, что Инга «закрылась» от нас сама? – шепотом спросил Вадим у девочки.

– Я не знаю, – вздохнула та совсем по-взрослому. – Может, сама. А может, я что-то делаю не так. Стараюсь, стараюсь, думаю о ней, хочу «найти», но ничего не выходит.

– Возможно, дело в том, что Инга не хочет, чтобы мы ее нашли, – грустно усмехнулся Вадим. – А не в том, что ты что-то делаешь не так. Я ничего в этом не понимаю, но вижу, как ты стараешься...

– Почему не хочет? – тоже шепотом спросила Лиза, глядя на него черными, как маслины, глазами, в которых серебрились слезы. – Я ее чем-то обидела? Или папочка?

– Нет, нет, вы не виноваты, – торопливо проговорил Вадим и погладил девочку по волосам, ласково стер с ее лба пот. – Произошло что-то другое. Может, срочно помчалась кому-то на помощь... Ты же ее знаешь! Если кому-то нужно, Инга не может отказать.

– Но тогда почему не хочет, чтобы мы с ней поговорили? Я звонила, а телефон отключен! – обиженно пробормотала девочка.

– Думаю, она тебе обязательно позвонит, но позже. Может, там, где она находится, просто нет связи?

– Вадим? – Дверь приоткрылась, и в комнату робко заглянула Лариса. В одной руке она старалась удержать вертящегося непоседу Ванечку, в другой сжимала мобильный телефон.

– Что? – встрепенулся парень. – Входи, входи. Сына взять?

– Нет. Я тут вспомнила, что вчера с Ингой очень хотела поговорить Майка. Может, она что-то знает? Может, после того разговора Инга и уехала?

– Давай звони ей, – встрепенулся Вадим. Приняв у жены сына, он посадил его себе на колени и принялся аккуратно качать. Ребенок, подсакивая, заливался смехом, и этот смех, поначалу казавшийся чужеродным в атмосфере напряжения и тревоги, окутавшей дом, немного разрядил обстановку. Отец наклонился к сыну и поцеловал того в светлый затылок. Когда он отстранился, на губах играла улыбка. Глядя, как Вадим забавляется с Иваном, Лиза тоже улыбнулась и протянула к мальчику руки. Тот с готовностью ухватился за пальцы девочки и вновь засмеялся.

Только Чернов, отдающий какие-то указания по телефону, оставался все с тем же напряженным выражением на лице.

– Майка, привет! Ты нам очень нужна. С тобой хочет поговорить Вадим! – сказала Лариса в трубку. Подруга, видимо, принялась расспрашивать о причине, потому что Лара вдруг поморщилась и отрывисто произнесла:

– Он сам все скажет. Передаю трубку!

Тот перехватил одной рукой поудобней сына, а во вторую взял протянутый женой мобильный. Ванечка с детским любопытством тут же протянул ручонки к «диковине» и требовательно заныл.

– Сынок, нельзя. Не мешай папе разговаривать! – Лариса забрала Ваню у Вадима и вышла с ним из комнаты. Из коридора какое-то время еще доносился протестующий рев малыша и ласковый, уговаривающий голос матери. И, видимо, Лариса унесла его в комнату на другом конце коридора, потому что голоса быстро смолкли.

– Майка, привет! У нас тут такое дело... – начал сразу Вадим. – Рассказывать долго, а у нас нет времени, поэтому давай без долгих вступлений. В общем, куда-то исчезла Инга, на телефоны не отвечает и...

– Инга?! Исчезла?! Ка-ак? – закричала в трубку Майка. И парень недовольно поморщился: вопросов не избежать. Придется объяснять хоть что-то, иначе подруга жены не отстанет. Но та и не собиралась расспрашивать, ей, похоже, куда важней было поделиться с кем-нибудь своим горем: – А у меня подруга исчезла! Представляешь?! До сих пор не объявлялась! Я даже Инге звонила...

– Вот об этом я и хотел тебя спросить, – вовремя ввернул Вадим. – Лара сказала о твоем звонке. Можешь повторить мне, что тебе нужно было от Инги? Пожалуйста, ничего не утаивай. Надеюсь, понимаешь, насколько важна любая информация в такой ситуации?

– А как это случилось? – не сдержала любопытства девушка.

– Куда-то ушла, и все. Оставила записку, чтобы мы ее не искали. Зная Ингу, предполагаю, что она отправилась навстречу новым «приключениям». И знаю, что они порой заканчиваются довольно плачевно. Поэтому мы торопимся ее разыскать. Майя, о чем вы говорили?

– У меня подруга исчезла! И до сих пор не вернулась. Муж ее с ног сбился...

Чем больше Вадим слушал Майю, тем больше убеждался, что просьба приятельницы не имела отношения к отсутствию сестры. Только на днях она говорила, что отошла от дел, связанных с магией. Пропажа незнакомой девушки – это не повод, чтобы Инга сорвалась вот так внезапно, бросив

близких и ничего не объяснив. Девушка могла так поступить, если бы что-то угрожало ее семье.

Значит, опять почувствовала какую-то угрозу их благополучию? Но Инга ведь сказала, что утратила свое особенное «чутье» вместе с силой.

Стоп! А не в этом ли кроется причина, по которой Лиза не может выйти на Ингу? Сестра закрылась не по своему желанию, а просто-напросто... исчезла ее «волна»? Или как это еще называется... Вадим предполагал, что в кругу Инги приняты какие-то свои термины, но знаком с ними не был. Смысл от того, что он назвал это по-своему, все равно оставался прежним. И если он думает в верном направлении, то исчезновение Инги связано с той прошлой историей, которую она ему поведала на днях.

– Вадим?.. – раздалось вдруг в ухе. – О какой истории ты говоришь?

Он вздрогнул от неожиданности и только сейчас понял, что, погружившись в свои мысли, перестал слушать Майку. Более того, стал размышлять вслух. То-то, наверное, Майя удивилась.

– Прости. Это я так, слушаю тебя и догадки строю. Значит, говоришь, Инга... – Он сделал хитрую паузу, чтобы девушка сама повторила то, что он прослушал.

– ...отказалась помочь. Сказала, что сейчас не берется за работу. Но у меня выпросил номер ее телефона муж исчезнувшей подруги.

– И? – нетерпеливо поторопил Вадим, потому что Майка замолчала.

– Инга и ему отказала.

– Когда это было?

– Когда? Сегодня.

– Сегодня с ней разговаривал муж твоей подруги?! Дай мне его телефон! Я ему позвоню и расспрошу.

Майка попросила подождать, потому что на память телефона Сергея не знала. Сказала, что перезвонит через минуту.

– Лиза, дай, пожалуйста, бумагу и ручку! – попросил Вадим настороженно прислушивающуюся к его разговору девочку. – Срочно.

Повторять дважды не пришлось: Лиза мгновенно сорвалась с места и выскочила из комнаты.

– Все, отправил я своих ребят на вокзал и в аэропорт, – сказал Чернов, увидев, что Вадим освободился. – А ты с кем разговаривал? Не с Ингой?

– Нет.

Добавить что-либо еще не успел, потому что телефон в руке зазвонил. И одновременно с этим в комнату вернулась Лиза с карандашом для рисования в одной руке и альбомом – в другой.

– Диктуй, Майя! Я готов.

Вадим записал продиктованный номер, пообещал Майе позвонить, если что-то узнает о сестре, и, едва попрощавшись с девушкой, принялся набирать уже новый номер.

Лиза подошла к отцу, обняла его рукой за шею и прижалась своей щекой к его – колючей, небритой. Чернов принял ласку дочери с немой благодарностью, обнял девочку в ответ. И так они вдвоем, объединившись в своей тревоге и одновременно надежде, смотрели на Вадима не отрываясь все время, что он беседовал по телефону.

Разговор вышел коротким и нервным: муж, обезумевший от горя, не столько рассказывал, сколько сам засыпал вопросами и просил о помощи. Неизвестно почему он связал эти два исчезновения – Инги и своей жены. И также, следуя непонятной логике, решил, что Вадим, как брат Инги, может помочь в поисках Алисы.

Кое-как из потока слов, просьб, причитаний Вадиму удалось вычленить главное: Инга повторно отказала в помощи. Но то, что она утром разговаривала по телефону, давало надежду, что с ней пока все в порядке – в физическом смысле.

– Если вы что-то узнаете об Алисе, позвоните, пожалуйста! Она на встречу к этому, как его, писателю ушла... Подруга проговорилась. Я уже и с ним связывался, ничего не знает...

– Хорошо, хорошо, если что-то узнаю, перезвоню вам, – поспешно пообещал Вадим, чтобы успеть задать интересующий его вопрос: – Скажите, Сергей, Инга не сказала вам, где она? Может, как-то в разговоре выдала свое нахождение?

– Нет, нет, не имею понятия, – после некоторых раздумий ответил собеседник. – Но я подумал, что она так же, как и я, в Москве... Это лишь мои домыслы, ни на чем не основанные.

– Спасибо вам, Сергей. Как, вы сказали, зовут того писателя, на встречу с которым ушла ваша жена?

Вадим на всякий случай записал продиктованную фамилию и попрощался.

– Что? – одновременно спросили Алексей и Лиза.

– Да ничего, – развел он руками. – Ложный путь.

IX

Люба как в воду глядела, прося отправить Лучкину номер своего мобильного. Виктор предпочел не общаться через Интернет, а позвонить лично. Ингу помнил, с его слов, очень хорошо и был рад, что она написала. Даже признался, что искал как-то ее в одной из социальных сетей, но девушка там зарегистрирована не была. Вышел на ее сайт, но так и не написал.

Все это Виктор выложил девушке в первую минуту разговора, сразу, без манерности известного человека, обласканного успехом, а с простодушием и радостью юнца, еще не научившегося маскировать эмоции. Инге было приятно и эти слова, и искренняя радость в его голосе. И она, может, даже забыла бы, зачем он ей понадобился, и поболтала с ним на отвлеченные темы, если бы Лучкин сам, спохватившись, не оборвал себя на полуслове и не поинтересовался, какая у Инги к нему просьба.

– Даже не знаю, с чего начать... – призналась она. – В общем, я попала в затруднительное положение.

– Финансовое? – по-деловому осведомился он.

– Нет-нет, – засмеялась она, стараясь сгладить неловкость. – Мне бы хотелось поговорить с тобой о той книге, над которой ты работаешь. Мне кажется, что ответ на мой вопрос скрывается в ней.

– Ого! Заинтриговала, – оживился Виктор. И предложил Инге встретиться через час в кафе.

– Как бывшие сокурсники, – неизвестно почему добавил он.

Инга вслух повторила адрес кафе и после этого попрощалась с Виктором.

– Ну что? – нетерпеливо спросила Люба, едва гостья отключила мобильный. Инга передала подруге разговор.

– Значит, через час ты с ним встречаешься, – Люба бросила взгляд на настенные часы с вышитым ею же циферблатом. – Успеешь доехать?

– Это не так уж далеко от твоего дома. Через две станции метро.

– Тогда собираться, – сказала Люба таким тоном, будто предстояли Инге сборы на бал.

– А что мне собираться? – удивилась девушка. – Я уже одета.

– А привести себя в порядок?

– Я что, так плохо выгляжу? – Инга невольно тронула лицо ладонью, будто испугавшись, что оно внезапно покрылось язвами и коростами. Или

как минимум оказалось усыпанным прыщами.

– Выглядишь прекрасно. Но как ты на свидание к мужчине поедешь без макияжа?

– Я не на свидание еду! – рассмеялась Инга, поняв, что Люба всего лишь имела в виду то, что и всегда. Жизненной философией подруги было никогда и ни за что не показываться противоположному полу неприбранной, то есть без макияжа, простоволосой и в неженственной одежде. В любых обстоятельствах ты должна быть Королевой, а не Золушкой.

– Знаю, что это не свидание, но встреча ведь с мужчиной! Хоть дружеская, хоть деловая – неважно. Ты всегда должна оставаться Женщиной.

– А я не женщина? – насмешливо спросила Инга. Люба красноречивым взглядом окинула ее с ног до головы и веско заметила:

– На твои джинсы и кеды я глаза, так уж и быть, закрою. Хотя, признаюсь, едва сдержала желание сжечь твою обувь, пока ты спала. Это же надо додуматься до такого! Женщина носит кеды! Будто футболист какой-то... Так вот, дорогая моя, если у тебя нет другой обуви, можешь идти в этом позорище, но без губной помады – нет!

– Хороша же я буду в кедах и губной помаде, – фыркнула, едва сдерживая смех, Инга. – Мне сейчас нужно думать, как выжить и не принести еще больше бед, а не о подходящем к моим кедам цвете помады. И кстати, предупреждаю, что в сумке у меня джинсы и кроссовки, нравится тебе это или нет. В «походных условиях» это куда более удобная одежда и обувь, чем шпильки и шифоновые платья.

– Но хоть одно платье ты должна была положить! – возмутилась Люба. – Я прекрасно знаю, в каком положении ты находишься. Но никогда нельзя предугадать, с кем можешь встретиться! Едешь на встречу с известным писателем, а одета как девчонка-подросток. Может, он и поболтает с тобой приятно за жизнь, но главного, что нам нужно узнать, не расскажет. А вот явись ты к нему на встречу Женщиной до кончиков ногтей, так он, может, сразу и выболтает все секреты.

– Да уж, конечно, выболтает, – рассмеялась Инга. – Дар речи потеряет и всю встречу промычит! Максимум, что выдавит, – комплимент!

– Тоже польза, – улыбнулась подруга.

– Ох, Люба, – вздохнула Инга, уже зная, что обсуждать эту тему бесполезно. У них разные философии. Реликвии и иконы подруги – косметичка, туфли и платья.

– Ладно, хватит спорить. Некогда, – хлопнула Люба по столу. – Иди

как хочешь на встречу к этому писателю, я почитаю заговоры на добрую дорогу тебе. Да, вот еще... Погоди!

Подруга вышла из кухни и вернулась с картонным конвертом с логотипом одной компании мобильной связи.

– Я тут на свое имя новую сим-карту купила. Пользуйся пока этим номером, если не хочешь, чтобы семья тебя разыскала.

– Ой, спасибо! – обрадовалась Инга. Без телефона ей никуда, но пользоваться старым номером она не желала. Быстро вставив в мобильный новую сим-карту, она внесла в память телефона номер Лучкина.

– Все же мне беспокоит за тебя, – покачала головой подруга. – Я, конечно, чем могу, помогу в твое отсутствие. Прямо сейчас и начну читать заговоры, но ты тоже будь внимательна, мало ли что!

Инга пообещала подруге быть осторожной, поцеловала ее в щеку и забежала перед уходом в ванную, чтобы причесать распущенные волосы.

– На машине поедешь или как? – крикнула ей вдогонку Люба.

– На метро. Так удобней, – махнула рукой Инга. – Пусть пока машина постоит в твоём дворе, потом отгоню ее в какое-нибудь укромное местечко.

Она сбежала по лестнице на улицу, мельком оглянулась на свою «Тойоту», скромно притулившуюся между двумя внедорожниками, – проверить, как поживает ее «девочка» в компании «крутых парней». Машина была в порядке, внимания к себе не привлекала, и Инга успокоилась. Но сердце защемило от воспоминаний: это же был подарок любимых людей. Правда, ключи ей вручили отнюдь не в торжественной обстановке... Тяжелые воспоминания навалились мраморной плитой, задавив проклюнувшиеся было слабыми ростками позитивные мысли, посеянные надеждой, что от Виктора Лучкина можно будет получить помощь. И рука сама потянулась в карман джинсов за пачкой сигарет. С такими мыслями и «приключениями», в которые она в последнее время попадает, вряд ли удастся бросить курить. Впрочем, что уж тут... Может, курение – это последняя вредная радость, которая ей осталась.

В метро Инга нырнула в совсем уж мрачном настроении, не помогла даже «табакотерапия». В вагонном стекле отразилось ее лицо с напряженным выражением лица, сдвинутые на переносице брови и поджатые губы. Если бы ее увидела Люба, непременно прочитала бы ей нотацию, что такое лицо, на котором проблемы читаются как в раскрытой книге, для женщины, едущей на встречу с мужчиной, – моветон. Куда хуже разношенных кед и отсутствия на губах помады.

Она пришла в кафе за десять минут до назначенного времени, но Виктор уже ждал ее. Он занял удобный столик в самом дальнем углу зала, в нише возле окна, и Инга мысленно обрадовалась, что Лучкин выбрал такое уединенное место. Ей не хотелось отвлекаться на доносившиеся до них с соседних столов разговоры. Будь ее воля, она бы сейчас отгородилась от мира звукоизолирующей стеной.

Виктор был погружен в чтение книги, и до того, как он поднял голову и увидел Ингу, девушка успела мельком рассмотреть его. Светлые, будто выгоревшие на солнце волосы слегка растрепаны якобы ветром, но взъерошены так художественно и привлекательно, что угадывалась продуманность этой небрежности. Как у мужской модели из глянцевого журнала. Девушка отметила, что выглядит Лучкин сейчас куда привлекательней, чем в студенческие годы. Время шло ему на пользу, открывая мужскую красоту постепенно и неторопливо, словно восходящее солнце, освещающее квадрат за квадратом набережную.

Подумав о залитой утренним солнцем набережной, девушка тихо вздохнула: как бы ей ни хотелось не думать об этом, но мысли остались там, в приморском городке, с семьей и любимым человеком. Все сейчас вызывает ассоциации и воспоминания. Может, зря она сбежала? Не лучше ли взять телефон, позвонить и объяснить, почему уехала? Поплакаться брату, помолчать в трубку Алексею... Сколько она уже сражалась? И делала это практически в одиночку. Может, сейчас именно тот момент, когда нужно признать, что выходить на поле боя одному – не самая блестящая идея, и призвать на помощь родных. Хотя бы в качестве поддержки. Рука невольно потянулась к карману, через который ей жег бедро мобильный. Не остановили даже мелькнувшие в памяти картинки недавних неприятностей и несчастий, обрушившихся на нее и ее семью, и грозно зазвучавшие в голове слова Любы, что проклятие коснется и тех, кто будет находиться рядом. И тут ее заметил, оторвавшись от книги, Лучкин.

– Инга! – закричал он громко и радостно.

После того как Виктор ушел из университета, Инга с ним не общалась, связь оборвалась, и она не пыталась ее восстановить. По дороге сюда беспокоило, а получится ли разговор, ведь прошло столько лет? Время меняет людей. К тому же она опасалась, что Лучкин после обрушившейся на него известности утратил ту простоту и легкость, с какой они общались раньше. Многие из сокурсников считали его странным и замкнутым. Он удобно спрятался под личинами «странного» и «замкнутого», не стремился развеять мифы, создаваемые вокруг его персоны. И лишь те немногие, кого Виктор допустил в свой круг общения, знали, что на самом деле он совсем

другой и за глухой стеной скрывает не собственные комплексы или эго, а нешуточную харизму, которая, если выпустить ее на волю, превратилась бы в бомбу.

Инга была одной из тех, кого Лучкин выбрал. Общаться с ним было легко, и был даже в ее жизни период, когда она готова была последовать за ним куда угодно, хоть в преисподнюю. Он, если бы хотел, мог бы и черта очаровать. Но Виктор ограничился тем, что водил Ингу на экскурсию к звездам.

Безумие. Это было безумием... И крыша многоэтажки, и тот шальной азарт, который неожиданно пришел на смену долго жившему в ней страху, и риск, с которым она болтала ногами в пустоте, сидя на краю крыши, и светящиеся точки-машины далеко-далеко внизу, и такое близкое ночное небо, которое, казалось, можно было тронуть рукой. И сам Виктор. И ветер, запутавшийся в их волосах, и звезды, отражавшиеся в глазах, и головокружение, вызванное не высотой, а внезапно накотившим желанием обнять весь мир. И объятие, которое она отдала не миру, а Вите Лучкину. И...

Но это было все так давно. Может быть, даже во сне...

И сейчас, услышав оклик Виктора, наполненный живой радостью, она почувствовала ответную. На мгновение даже показалось, будто ветер перелистнул страницы назад, и книга жизни распахнулась на той, с которой начались их путешествия к звездам. И пусть та история была короткой, на роман не тянула, так, на экспресс-эссе, зато на какое яркое и чувственное, без «воды», наполненное концентрированными эмоциями.

Привстав с места, Виктор ожидал, когда она подойдет.

– Привет-привет! – весело произнес он, беря девушку за руки и усаживая на свободный стул напротив. – Ты совсем не изменилась!

– Совсем? – засмеялась Инга, понимая, что Лучкин кривит душой. Она изменилась, и очень. С тех пор, как они не виделись, в ее жизни случилось столько событий, раздробивших сплошную линию на пунктирную, что изменения должны были накладываться одно на другое пластами, надежно хороня под собой ее ту, которую знал Виктор.

– Ну, волосы перекрасила, – улыбнулся он. – Но это не считается: кто из женщин однажды не решал изменить цвет волос?

– Цвет волос или прическу не меняют просто так, – со значением улыбнулась Инга. – Для этого должны быть предпосылки.

– Влюбленность или, наоборот, развод. Новая работа или увольнение. А может, просто жажда перемен.

– Или желание что-то вычеркнуть из воспоминаний, избавиться от

себя прежней.

– Только не говори, что брюнеткой ты стала именно по этой причине, – притворно испугался Виктор. Инга лишь развела руками.

С ним можно было разговаривать намеками и недомолвками и быть понятой. Оказывается, она забыла, что они когда-то, тогда, в студенчестве, частенько вели такие диалоги, которые стороннему показались бы незаконченными, нелогичными, но были понятны обоим.

Подошедшая официантка приняла заказ – чашку кофе для Инги и зеленого чая – для Виктора.

– «Дорогой, я стала ведьмой», – процитировала Инга классика, когда официантка отошла от их стола, и рассмеялась. – Считай, что новый цвет волос связан с моей деятельностью.

– Видел, видел твой сайт. Немного удивился, но не особо. У тебя всегда была кошачья интуиция... И что-то еще такое, что обычными словами не объяснить. Так о чем ты хотела со мной поговорить? – вернул он девушку вопросом из прошлого в настоящее. И Инга стряхнула наваждение, вызванное воспоминаниями, как воду с кистей.

– О твоей новой рукописи, вернее, о том материале, на котором основан сюжет. Я прочитала отрывки, выложенные тобой на сайте.

– В текстах что-то не так? – забеспокоился вдруг Виктор. – Говори смело! Я не знаток ваших дел, всего лишь писатель, который создает сюжеты и образы. Могу допустить неточности и ошибиться в чем-то. Это ты профессиональная...

Он пощелкал пальцами, подбирая слово, которое бы могло заменить произнесенное, но угадываемое «ведьма», но, так и не найдя другого, тряхнул головой.

– В общем, в этих делах ты разбираешься лучше меня. Если ты хочешь сказать, что увидела в текстах что-то неправильное, я буду тебе благодарен за совет.

– Витя, – перебила его Инга. – Ты опережаешь события. Я не это хотела сказать. Меня интересует, где ты взял материал, на основе которого пишешь книгу. Или ты все это сам выдумал – про преступившую ведьму, наказание?

Голос на последнем слове сорвался, и Виктор с его наблюдательностью не мог не обратить на это внимание.

– Погоди... – протянув руку, он вдруг накрыл ею пальцы Инги, нервно постукивающие по столешнице. – Что случилось? Что случилось с тобой?

Вопрос он повторил по слогам, с таким беспокойством, что девушке стало ясно – перемены в ней Виктор все же почувствовал и раньше лишь

солгал из тактичности.

– Долго рассказывать, – вздохнула она. – Не возражаешь, если я закурю?

Он коротко мотнул головой. Выражение лица демонстрировало полную готовность внимательно ее выслушать. И Инга невольно подумала, что, будь она поклонницей писателя, непременно бы повелась на такое выражение и опорожнила бы перед ним душу до дна. И все же насторожилась. Он тоже изменился. Кому она будет открывать свои секреты – сокурснику Вите, с которым когда-то у нее было полное понимание, или писателю Лучкину, жадному до необычных историй? Кого просит о помощи? Тот дар очаровывать, который Витя когда-то раньше тщательно прятал, словно сокровище, сейчас использует как голд-карту, но не транжирит бездумно, а вкладывает в новые выгодные дела и приумножает «капитал».

Все эти мысли пронеслись в ее голове стайкой птиц, вызвав сомнения, а стоит ли рассказывать Виктору все, что случилось. Тот Витя, которого она знала, чужие секреты оберегал тщательней, чем собственные. А сейчас? Не пускает ли их вместе с талантами на приумножение «капитала»?

Впрочем, что ей терять? Она стоит даже не на краю пропасти, а уже скользит подошвами ботинок по осыпающейся земле, рискуя в следующее мгновение полететь вниз.

К тому же сочувствие и готовность выслушать в голубых глазах Виктора были такими подкупающими, такими... прежними, что она вздохнула и, решившись, выпалила:

– Я и есть та преступившая ведьма, о которой ты пишешь. Не твоя героиня, но моя история очень похожа на описываемую тобой.

– Рассказывай, – тихо попросил он, когда Инга замолчала в ожидании реакции. И произнес это так просто, так буднично, но в то же время с такой отеческой теплотой в голосе, что она разом отбросила все сомнения и принялась рассказывать, разматывая часть своей жизни будто клубок. Начала с предательства любимого человека и того вечера, когда над ней надругались. Если бы девушка подняла глаза на Виктора, заметила бы, что в какой-то момент его длинные пальцы сжались в кулаки и тут же разжались. Но она смотрела не на него, а то на кончик тлеющей сигареты, то на сизую струйку дыма, поднимающуюся к потолку, будто пытаясь предсказать по нему свой приговор.

Рассказала о том, как долго оставалась одна, пока не встретила одну талантливую, но нерешительную девушку.

– Ты о ней наверняка слышал. Лёка... Под этим псевдонимом она

выступала.

– Погоди, это случайно не рок-звезда?

– Она, – подтвердила Инга.

– Я слышал, что ее убили, – неуверенно сказал Виктор. – Была какая-то история...

– Эта история имеет прямое отношение ко мне.

Воспоминания оживали так ярко, будто все случилось вчера. Инга не замечала, как по щекам катятся слезы, она улыбалась, машинально стирала со щек соленую влагу. Даже не заметила, когда официантка принесла заказ. И не замечала вкуса вначале обжигающего, затем – остывшего кофе с привкусом табака.

– Ничего себе история, – покачал головой Виктор, будто не верил, что все это могло произойти с его старой знакомой на самом деле. – На целую книгу тянет.

– Можешь взять себе сюжет, – криво усмехнулась Инга. Чувствовала она себя опустошенной и обессиленной тяжелыми воспоминаниями. Откровения не принесли ей облегчения.

– Только если бы ты еще смог додумать финал... Не такой, какой меня ожидает.

– А какой финал ожидает тебя? – простодушно спросил Виктор-писатель.

– А какой бы тебя устроил? – ответила вопросом на вопрос она.

– Счастливый.

– Значит, твои книги оканчиваются хеппи-эндами? – без улыбки поинтересовалась Инга, вновь закуривая.

– Не всегда. Но в этой истории я бы хотел счастливый финал.

– Так напиши, – пожалала она плечами. Виктор не ответил, молча взял из ее пальцев сигарету и затушил в пепельнице.

– Много куришь.

– Только давай без этих пошлых банальностей – что тебе не нравятся курящие девушки...

– Обойдемся без пошлых банальностей. Но мне не нравится, что так много куришь ты.

«Ты» он произнес весомо, вложив в это короткое слово столько личной заинтересованности, что Инга удивленно подняла глаза. Но затем, опомнившись, мысленно поаплодировала его таланту очаровывать. Сколько бы женщин, услышав такую невинную фразу, произнесенную с такими значительными интонациями, растаяли бы. Она тоже женщина, неудивительно, что фраза затронула ее.

– Витя, мне уже нечего терять, – весело сказала она. – Может, я выйду сейчас из кафе и попаду под машину. Или мне на голову свалится кирпич. Или у меня вдруг обнаружится неизлечимая стадия рака, от которого я сгорю в короткие сроки. Да мало ли что! Обратный отсчет пошел, так что меньше всего меня волнует вред от курения. Как и то, нравится тебе это или нет.

– погоди, погоди... Так не может быть, – забеспокоился Виктор. – Так, что вот ты выйдешь и...

– Почему не бывает? Разве забыл, что человек внезапно смертен? – усмехнулась Инга и демонстративно выбила из пачки сигарету. Но не закурила, а повертев ее в пальцах, положила на стол рядом с зажигалкой.

– Ты сказала, что я тебе как-то могу помочь, что в том романе, над которым я работаю, ты увидела выход... – растерянно проговорил он, как-то враз потеряв уверенность. Опустив крылья ангела-спасителя и потускнев нимбом, он превратился в того замкнутого студента Лучкина, который возле доски бодро выдавал сложные теории, но всегда терялся, если его спрашивали об азах. Он так удивительно стал похож на прежнего Витю, что на Ингу вдруг пахнуло освежающим ночным ветром, который целовал их в губы там, на крыше столичной высотки. И вдруг захотелось протянуть Виктору ладонь, чтобы он сжал ее в теплых пальцах. Чтобы ощутить смесь адреналина со спокойствием, как тогда, когда она стояла на краю высотки и глядела на расплывающиеся до смазанных пятен огни города под ногами, а за спиной ее подстраховывал Виктор. Протянет ли он руку сейчас, чтобы дать ей ту уверенность, или, напротив, толкнет в спину?

– Я задумал написать историю про ведьму, – начал он вдруг. – Сюжет пришел как-то неожиданно. Начал работу над одной книгой, но получил письмо от девушки-читательницы... Оно мне показалось интересным, я ответил, а девушка в ответ прислала целую историю. Она рассказала об одном сне, который вызвал в моем воображении очень яркие картинки. Я открыл новый файл и написал эпизод, который не имел никакого отношения к книге, над которой тогда работал. К чему был этот эпизод, что там произошло, кто была та девушка, о которой я начал писать, – все это было мне еще неизвестно. Но будто кто-то водил меня за руку и толкал в спину: пиши, пиши, пиши! Через день читательница прислала еще одно письмо, где рассказала другой сон, но он будто был продолжением первого. И я написал другой эпизод. Как-то так незаметно для себя я втянулся в новый сюжет, отложил начатую книгу. В моем воображении рождалась целая история под впечатлением от писем этой девушки... Алисы. Да, ее зовут Алиса.

– Алиса? – переспросила Инга, потому что имя вдруг вызвало какие-то неясные ассоциации. Она будто слышала его совсем недавно...

– Да. Как Селезнева, – усмехнулся Виктор. – Но эта была не Селезнева из будущего, а та, которая из страны чудес.

– Продолжай, – попросила Инга, потому что он замолчал. – Эта девушка продолжала писать?

– Почти каждый вечер. В основном рассказывала о своей жизни – бытовой. А я ожидал писем с рассказами о снах. Иногда казалось, что это и не сны были вовсе. Может, она сама придумывала эту историю, которую я записывал, облекая лишь в другие слова? Я придумал себе, что Алиса рассказывает не сны, а свою прошлую жизнь. Мой интерес к девушке рос. Интерес писателя, – уточнил он. – Мне захотелось встретиться с ней, чего я никогда не делаю. Я даже отказываюсь от встреч с читателями, которые желают организовать издательство.

– А для нее решил сделать исключение?

– Да. Она невольно стала прототипом моей героини, и я захотел увидеть воочию «персонаж». Понимаешь, для меня очень важно, чтобы герои выходили не картонные. И я, когда придумываю историю, стараюсь вжиться в нее. Не наблюдать со стороны, а быть в ней, понимаешь?

– Кажется, понимаю, – кивнула Инга. – Моя невестка сказала, что твои истории очень настоящие, а герои – живые, так, как если бы существовали на самом деле.

– Спасибо ей, – без улыбки сказал Виктор, который заметно разволновался, когда заговорил о творчестве. – У писателя, как у кошки, много жизней – это жизни его героев. Он, как актер, перевоплощается в них. Так вот, я захотел познакомиться с Алисой... Назначил ей встречу вот в этом кафе, но она не пришла. И на мое сообщение не ответила, хотя раньше не случалось такого, чтобы оставляла их без ответа. Но самое печальное, что без писем этой девушки и мой роман зашел в тупик. Не пишется. Нет вдохновения. Не вижу ни продолжения истории, ни развязки.

– Как и я, – горько усмехнулась Инга.

– Прости, я увлекся собственными переживаниями, а у тебя своих хватает, – спохватился Виктор. – Так что ты собираешься делать?

– Не знаю, – честно призналась девушка. – Думала, что получу какой-то ответ от тебя.

– Увы, – развел он руками. – Если бы эта Алиса откликнулась...

– Если вдруг откликнется, позвони мне, пожалуйста. – Инга продиктовала новый номер Виктору и махнула рукой официантке, чтобы попросить счет.

– Я оплачу, – решительно ответил мужчина. И когда Инга возразила, просительно посмотрел ей в глаза, будто оплатить ее небольшой счет казалось для него жизненно важным.

– Пожалуйста, – добавил он.

– Как хочешь, – сдалась девушка и поднялась.

– Я тебя провожу?

– Нет, Витя, спасибо. Мне еще нужно заехать в одно место. Я не домой.

Говорить о том, что она еще не знает, где собирается жить, не стала.

– Мне бы хотелось тебе помочь, – услышала Инга, когда уже развернулась к нему спиной.

– Помогать преступившей ведьме – слишком рискованное дело, – грустно усмехнулась она. – Все равно что находиться рядом со взрывным устройством. Если не убьет, так покалечит. Образно выражаясь. Или необразно. Спасибо, но не надо.

И пока он не успел еще что-либо сказать, она ушла.

Отойдя от кафе на небольшое расстояние, Инга остановилась, будто не знала, куда идти. Впрочем, так оно и было: она потеряла все ориентиры в жизни. Что делать дальше, куда податься? К Любе? Задерживаться у нее тоже не хотелось именно из-за боязни навредить. Подруга это тоже знает. И все равно будет уговаривать Ингу остаться. Но она уже приняла решение уйти и поддерживать связь на расстоянии. Остается лишь придумать, где поселиться. В отеле? Денег хватит на долгое проживание там. Только вот не принесет ли она с собой беду в общественное место? Вдруг там что-нибудь случится и пострадают невинные люди? Взорвется газ, начнется пожар... Все лишь ради уничтожения ее одной, но за собой она утянет и других. Инга не знала, какое наказание уготовано, но почему-то представлялось, что это будет страшная и внезапная смерть.

– И куда мне теперь? – Она даже не заметила, что говорит вслух. Опомнилась лишь, когда какая-то женщина, проходившая мимо, покосилась на нее с подозрением. Пospешно отвернувшись от любопытного взгляда незнакомки, она вытащила из кармана пачку сигарет. Но не успела выкурить и трети, как мобильный в сумочке требовательно запиликал. Люба будто почувствовала и то, что она освободилась, и то, что не знает, какое решение принять.

– Ты где? – сразу спросила подруга.

– У метро.

– Когда тебя ждать?

«Лучше не жди меня», – хотелось ответить. Но Инга нарочито ровным

голосом, чтобы не выдать своих чувств, сказала:

– Я уже еду. Не буду нигде задерживаться.

– Это хорошо. Мне спокойней, когда ты у меня под присмотром. Жду!

Инга убрала мобильный в сумку, затушила сигарету и спустилась в метро.

Снежной долине, казалось, не было конца и края. Куда ни глянь – слепящая белизна девственного снега, не тронутого даже птичьей цепочкой следов. Ни кустика, ни деревца, ни строения. Не за что зацепиться взгляду, никакого ориентира. Не понять, бредет ли она вперед или назад, а может, час за часом, день за днем ходит по кругу, не встречая свои следы лишь потому, что стылый ветер тут же порошит их снегом. Где она? Как оказалась в этой снежной пустыне? Где ее дом? Кто она? Даже имени своего не помнит... Только какое-то смутное ощущение осталось в опорожненной памяти, похожее на расплывающиеся по стеклу дождевые капли. Намек на то, что имя было. Как, видимо, и прошлое. Она сунула в карманы драного пальтишка заочневшие от холода руки, но это не спасло: ветер не просто гулял, он резвился в дырах ее одеяния, что было на ней это пальто, что не было. Заледеневший подол терся о голые колени, царапая их, и свежие ранки щипало от падающего на них снега, будто от соли. Босые ноги уже давно потеряли чувствительность. Она машинально выдергивала их из сугроба и совала вновь в снег, будто в валенки. Валенки из снега, пальто из дыр, в которых ютится ветер, щиплющий солью в ранах снег – абсурдное место, неправильное, вывернутое наизнанку, пустое и одновременно наполненное чем-то пока еще неясным, вызывающим размытое чувство тревоги и страха.

Где она, черт возьми? Идет куда-то с целью или бродит просто так, как проклятая? Кто отнял у нее имя, а вместе с ним – прошлое? По чьей прихоти ее лишили будущего, навеки поселив в этом снежном настоящем?

Сквозь ветер вдруг стали пробиваться посторонние звуки. Вначале – обрывочные слова, которые затем слились в неразличимый гул, на время заглушивший завывание ветра. А потом, будто некто подкрутил ручку невидимых настроек, все разделилось на отдельные частоты: завывание ветра, гул, который постепенно распался на голоса. Чьи-то бормотания, чьи-то стоны, чей-то хохот. Подгоняемая этими голосами, напуганная, а не ободренная, она побежала. А вслед ей неслась эта набирающая силу какофония из безумных голосов.

Сон оборвался резко и оставил такое сильное впечатление, что Алиса не сразу поняла, что проснулась. Лежала она на бетонном полу, от которого тянуло почти зимним холодом. Не спасала даже соломенная циновка,

которую кто-то небрежно подсунул ей под бок. Она была узкой и короткой, к тому же сбилась под Алисой, поэтому одна рука и босые ноги лежали прямо на полу. Светлый бетон в тусклом свете висевшей на шнуре лампочки показался снегом. Алиса села и, сжавшись в комочек, обняла себя руками. Приснившийся сон настолько сливался с реальностью, что девушка даже не задалась в первый момент вопросами: где она и как тут оказалась?

А может, она и не проснулась вовсе? Просто закончился один сон и начался другой? Надо лишь проснуться по-настоящему, и тогда исчезнет эта бетонная комната-коробка. Алиса что есть силы зажмурилась, а затем открыла глаза.

Ничего не изменилось. Свет остался прежним, все так же ощущалась ладонью ребристая поверхность циновки, выстуживающий до души холод тоже не исчез. Из всех предметов обстановки, не считая подстилки, в комнате было оцинкованное ведро, призванное, видимо, заменять ей туалет. Бетонные стены, бетонный потолок, бетонный пол. Босые голые ноги, задравшаяся до бедер смятая юбка и шелковая блузка, которая не согревала, а, наоборот, холодила кожу.

Что случилось? Где она? Как здесь оказалась? Алиса встала. Ее вдруг пошатнуло, но, к счастью, стена оказалась близко, и она оперлась о нее ладонью. Так, придерживаясь стены, девушка обошла по периметру небольшое помещение в поисках выхода и ответа на свои вопросы. Выхода не оказалось. Ответа на вопросы получить тоже не удалось.

Но как-то она ведь сюда попала? Не может быть, чтобы в этой странной комнате не было ни окон, ни дверей. Алиса еще раз обошла помещение, ощупывая стены руками. И, догадавшись, подняла голову. Не сразу удалось разглядеть в одном из углов темный прямоугольник. Ага, значит, она находится в каком-то подвале, а этот прямоугольник – люк. В том, что ее кто-то спустил в это помещение, Алиса не сомневалась: если бы упала сама, наверняка что-нибудь бы болело, пол – бетонный, потолок – высоко.

– Эй! – крикнула она, обращая лицо к темнеющему прямоугольнику. – Есть тут кто-нибудь?

Ответом была тишина, показавшаяся зловещей.

– Да что здесь происходит?! – закричала Алиса, срываясь на истерику. – Кто-нибудь мне объяснит?!

Она кричала, пока не сорвала голос, колотила в бетонные стены, пока не отбила ладони, топала босыми ногами, но никто не отозвался на ее призывы. Обессиленная, опустошенная, разбитая, замерзшая Алиса вновь опустилась на циновку, натянула юбку на колени и приготовилась ждать.

Развязки.

* * *

– Погоди, не отчаивайся, – сказала Люба после того, как Инга закончила свой рассказ о встрече с Лучкиным.

– Да я не отчаиваюсь, – пробормотала девушка как-то уж совсем невесело. Чтобы не курить очередную сигарету, она теребила на запястье тонкие кольца серебряных браслетов и тем самым выдавала свою нервозность. Люба перевела взгляд на руки гостьи, затем опять на лицо. И твердо припечатала:

– Вот что, девочка, как бы там ни было, в обиду я тебя не дам. Что-нибудь придумаем!

Инга молча кивнула, то ли благодаря за поддержку, то ли соглашаясь из вежливости. В серьезные передряги она уже попадала и всегда искала и находила выходы. Так почему же в этот раз боевой дух покинул ее? Разве не рисковала раньше она своей жизнью? Или все дело в том, что на этот раз успела поверить, что наконец-то ждет ее тихая гавань семейного счастья? Сложила оружие, убрала доспехи и приготовилась вить гнездо. Нормальные мечты обычной женщины... А ее опять, без щита и меча, вытолкнули на поле боя и заставляют сражаться с невидимым врагом. Или все дело в том, что она оставила любимых людей, лишилась их тепла и поддержки?

Ей вспомнились слова бабушки, что без защиты она не должна выходить на поле боя. Но защита и сыграла против нее. От черных воспоминаний дыхание перехватило так, будто некто сдавил горло, а на грудь положил каменную плиту. Инга часто задышала, хватая воздух ртом, на висках и лбу выступили капельки пота.

– Инга? Инга? – услышала она словно издалека испуганный голос подруги. – Что с тобой?

– Ничего. Ничего, – ответила она с заминкой. Сдавила пальцами виски и прикрыла глаза. Нужно сосредоточиться на чем-нибудь позитивном. Негативные воспоминания выпивают из нее остатки сил, лишают желания бороться, сталкивают в уныние.

И не такая уж она беззащитная и одинокая. Ей помогает Люба. Инга прямо кожей чувствовала тепло материнской заботы, которой ей не хватало уже двадцать лет.

– Люба, защита моя в порядке? – спросила она уже другим тоном,

деловым. Еще раньше подруга сделала ей охранку.

– М-м-м, – неопределенно протянула Люба. И, словно уходя от ответа, бодро добавила: – На всякий случай обновим!

– Что-то не так? – встревожилась Инга, которой не понравился такой ответ.

– Ну, ты же знаешь, что я в защитах не особо сильна, это был твой «конек». Я больше по гаданиям и...

– Твоя специализация – любовная магия, – с улыбкой закончила Инга. – Помню.

– Поэтому лучше еще раз ее обновить, – твердо закончила Люба и, меняя тему, сказала: – Думаешь, эта девушка, Алиса, могла бы нам помочь?

– Сомневаюсь, – скептически пожала плечами Инга. – История вполне может быть не ее снами, а плодом фантазии, чтобы удерживать внимание Виктора.

– И все же такие фантазии на чем-то должны быть основаны.

– Хорошо, пусть так. Расспросить по-любому было бы хорошо, только где ее искать? Ждать, когда напишет Виктору? После того как Алиса не пришла на встречу, он ей писал, но она не откликается... – сказала Инга и, нахмурившись, замолчала.

– Что? – поторопила ее Люба, потому что пауза затянулась.

– Мне кажется... Ну почему мне это сразу не пришло в голову?! – Она вскочила и заходила по кухне. – Ведь могла бы сопоставить и...

– Что случилось? – всполошилась Люба. Чашка с кофе в руке дрогнула, и на белоснежную льняную скатерть, которой был покрыт стол, пролилось несколько капель.

– Кажется, насчет этой девушки мне звонила одна знакомая, подруга невестки. А сегодня утром и муж Алисы. С их слов – девушка исчезла. Не знаю, почему подруга и муж решили, будто я могу найти ее, но просили меня о помощи.

– Думаешь, речь идет об одной и той же девушке? – заволновалась Люба.

– Почти уверена. Имя, во-первых, не такое уж часто встречающееся. Во-вторых, разыскиваемая Алиса исчезла, когда поехала на встречу с известным писателем. Виктор мне сказал, что так и не дождался своей Музы.

– Так в чем дело! Звони скорей мужу этой девушки, узнавай все подробности!

– погоди, погоди, – остудила пыл подруги Инга, вновь усаживаясь за стол и складывая перед собой на столешнице руки. – Надо хорошо

подумать, как все сделать. Муж, скажем так, точка соприкосновения... с моей семьей. Он вышел на меня через близких. Вполне возможно, что мои тоже связались с этим мужчиной, только уже в попытках разыскать меня.

– Ну и что? Он же не знает, где ты.

– погоди, погоди, Люба... Дай мне все хорошо обдумать. Налей-ка, пожалуйста, еще чаю, – попросила Инга, отодвигая пустую чашку.

Пила она чай рассеянно. Ей бы сконцентрироваться на вопросах, какие она задала бы мужу Алисы, но, вспоминая утренний разговор, опять думала о любимых. Об Алексее... Правильно ли она поступила, скрывшись без объяснений? Ведь можно же рассказать все и при этом постараться не выдать своего места нахождения... Сомнения, сомнения.

– Инга?

– Да? – отрешенно отозвалась она.

– Позвони ему, – сказала вдруг Люба, будто прочитала ее мысли. Но для Инги, увязшей в сетях раздумий, сожалений и сомнений, смысл сказанного дошел не сразу.

– Мужу Алисы?

– Нет. Алексею.

– С ума сошла?! – встрепенулась Инга и посмотрела на подругу таким взглядом, будто вдруг обнаружила на месте ее сказочное чудище.

– Я – нет, но вижу, что эти мысли сводят с ума тебя, – спокойно ответила Люба. – Если боишься звонить Чернову, позвони брату. Они же там наверняка умирают от беспокойства. Позвони и скажи, что все в порядке. Неужели Вадим тебя не поймет?

– Поймет и помчится меня спасать. Объяснения, что я сбежала, чтобы отвести беду от них, возымеют прямо противоположный эффект. Приедут все, включая младенца Ванечку. Оно мне надо?

– А не нужно говорить, где ты находишься. Просто скажи, почему уехала, и все. Пусть знают, что с тобой пока все в порядке. А то Чернов, может, уже снарядил все свои шхуны в море – вылавливать сетями из пучины твой труп. Или в гневе разнес полгородка.

Инга улыбнулась похужей на правду шутке Любы. И бросила на мобильный телефон еще один взгляд. Как созвучны слова подруги оказались с ее собственными мыслями! Может, если позвонит Вадиму и так все и скажет, как есть на самом деле, ей станет хоть чуточку легче? Отпустит хандра, и вновь вернется способность действовать? Ведь не столько боязнь неясной участи сковывает ее, сколько чувство вины, что она вот так поступила с любимыми людьми.

А Люба змеей-искусительницей продолжала нашептывать:

– Позвони Вадиму. Он умный мальчик, поймет. А ты – умная девочка, найдешь нужные слова, как все объяснить.

В каждой из нас живет Ева, не справившаяся с искушением. И Инга взяла в руки телефон, вставила в него старую сим-карту и включила. Мобильный, едва оказавшись включенным, проиграл одно за другим несчетное количество коротких рингтонов, извещающих о принятых сообщениях. Инга не стала читать, зная, от кого они. Вместо этого отыскивала в книжке номер брата и нажала кнопку вызова.

– Вадим, – произнесла она, едва услышав его «Алло». И замолчала, потому что горло сдавил спазм.

– Инга?! Где ты?! Что случилось?! – завопил в трубку брат. – Немедленно скажи, где ты! Что с тобой? Ты не ранена? Ты...

– Вадим, со мной все в порядке, – нашла она в себе силы перебить этот поток отчаянных вопросов. – Пожалуйста, выслушай меня. Я не могу долго говорить.

– Ты где?! – не внял он ее просьбе.

– Далеко, – уклончиво ответила она. – Послушай... Со мной все в порядке. Видишь, разговариваю. Пожалуйста, не волнуйтесь. Я уехала, потому что так надо.

– Ты уехала из-за Алексея?

– Нет.

– Я так и подумал, – сказал Вадим.

– Он... с тобой рядом?

– Нет. Я один, в беседке, курю. Чернов в комнате собирает чемодан.

Мы вылетаем в Москву.

– Не надо, Вадим.

– Что «не надо»? Лететь в Москву? Не забывай, родная сестрица, что я там живу, а также мои жена и сын, – сердито буркнул брат. – Какая пчела тебя ужалила? С чего ты умчалась, ничего не объяснив? Сложно было дожждаться утра и поговорить? Какой такой пожар приключился? Могла бы потом позвонить хотя бы? Мы ж тут с ума сходим! Леша всех в городе на уши поставил!

– Он может... Прости, – виновато пробормотала Инга. – Но я не стала бы так поступать, если бы у меня не было на то веских причин. Я уехала, чтобы не быть с вами рядом, чтобы не накликать опять беду.

– Говоришь ребусами, – хмуро произнес он. – Подробней?

– Я тебе уже все рассказала в том разговоре на пляже. Наказания не избежать. И не спрашивай, каким оно будет. Не знаю.

– Где ты сейчас? – в который уже раз спросил Вадим, но теперь другим

тоном – не нервным, отрывистым, а сочувственным, наполненным беспокойством. Тонем старшего брата, хоть он и был младше. На пятнадцать минут. Но Инга всегда любила напоминать о том, что в их двойне старшая – она. А сейчас так важно было ощутить себя младшей, знающей, что есть кто-то старший, который поддержит хотя бы сочувствием, льющимся из мобильной трубки. Кто-то родной... Отец, которого уже давно не было в живых. Дядя, который тоже ушел. Или брат. Младший, но сейчас – старший.

– В надежном месте, Вадим. Не спрашивай, пожалуйста. Не скажу все равно.

– У Любы? – угадал он.

– Нет, – соврала она. Не слишком ли заметно из-за поспешности? – Не ищите меня, Вадим, очень вас прошу. Нельзя этого делать. Не обращайтесь в полицию. Поисками вы мне можете навредить. Я... Я еще поборюсь, ты меня знаешь. И вернусь.

– Обещаешь? – тихо спросил он. Она не сразу ответила. Бодро соврать не получилось, а сказать правду – свести просьбу к нулю.

– Нет.

Он тоже ответил не сразу. Помолчал, переваривая ее слова.

– Ну что ж... Спасибо за честность. Было бы хуже, если бы соврала. Я тоже не могу пообещать, что мы тебя не станем искать. Ищем и будем, хочешь ты того или нет. Одно уже хорошо: не стали друг другу врать. Как всегда, впрочем.

– Спасибо, брат.

– Тебе спасибо... за звонок. Пойду успокою, насколько это возможно, Алексея.

– Я... отключу этот номер.

– Догадываюсь. Ну что ж... Прощаться не будем. Надеюсь, что скоро пересечемся все вместе в какой-нибудь точке. Живые и невредимые.

– Я тоже этого хочу. Но пока вынуждена от вас удалиться.

Поговорив с братом, она вновь сменила сим-карту. Так спокойней. Но Люба была права, когда сказала, что ей нужно поговорить с братом. Теперь стало легче. Ненамного, но легче.

– Ну, что он сказал?

– Предположил, что я у тебя, – с улыбкой ответила Инга. – Видишь, мне нельзя оставаться, обязательно заявится если не брат, то Алексей, а то и оба.

– Если придут, обманывать не буду, скажу, что ты у меня была, – спокойно ответила подруга. – Но нахождение твое не выдам. Хотя не

представляю, куда ты можешь пойти. И как я тебя вообще отпущу?

– Остановлюсь в каком-нибудь отеле. Средства позволяют. Сниму нужную сумму, и все. А отпустить тебе меня придется. Будем созваниваться, видеться, но жить здесь не останусь.

– Хорошо, – нехотя приняла ее позицию Люба. – Мужу Алисы можешь и позвонить, не обязательно с ним встречаться...

– Я пока не знаю, какие вопросы могу ему задать. Он ведь не был в курсе переписки своей жены с Виктором. И сны, возможно, девушка ему не рассказывала. А как искать исчезнувшего человека, тоже не знаю. Хотя... Муж Майи, подруги Алисы и моей невестки, следователь. Наверняка там уже к его помощи прибегли.

– С таким же успехом могут попросить помощи в поисках тебя.

– Надеюсь, Вадим понял, что меня лучше пока оставить в покое, – вздохнула Инга. И вздрогнула от неожиданного звонка мобильного. Новый номер знал только один человек. Виктор. Перехватив вспыхнувший надеждой взгляд Любы, Инга поднесла трубку к уху.

– Да, Витя?

– Инга! Мне нужно с тобой срочно встретиться! – затараторил он, находясь в каком-то возбуждении. – У меня кое-что есть, что может быть тебе интересно.

– Говоришь так, будто собираешься в обмен на это кое-что выманивать у меня что-то другое.

– Так и есть, – засмеялся он. – У меня к тебе и предложение, и просьба. Где бы мы могли увидеться?

Инга вопросительно посмотрела на подругу и, прикрыв трубку ладонью, сказала той:

– Просит о встрече.

– Пусть приезжает, – разрешила Люба. И, встав, принялась убирать со стола чашки.

– Записывай адрес.

* * *

Она просидела долго. Вечность или две. Но никто не пришел. Словно бросили Алису в этот подвал только затем, чтобы она умерла – от холода, голода, забытая всеми. Подумав, что она тут так и останется и ее косточки пролежат, возможно, не один век, Алиса разрыдалась. Сквозь всхлипывания девушка звала то мужа, то маму – шепотом, почти беззвучно,

потому что голос оказался сорванным.

Слезы помогли. Помогли понять, что никто не услышит и рассчитывать нужно только на себя. Пора действовать, если она не хочет умереть от холода. Может, действия ни к чему и не приведут, но помогут хотя бы согреться. Алиса встала и для начала попрыгала на циновке. А потом неуклюже с непривычки сделала зарядку. Представив себя со стороны, делающую наклоны и приседания, она даже рассмеялась. Потом, если она когда-нибудь выберется из этой переделки (а в этом девушка не сомневалась просто потому, что не могла поверить в такую нелепую гибель), будет рассказывать про это с улыбкой. И даже демонстрировать, как неловко делала приседания и наклоны. И нравоучительно говорить внукам (обязательно доживет даже не до внуков, до правнуков!), что всегда нужно бороться до последнего, даже если оказываешься запертым в выстуженном пустом бетонном погребке. И борьбу надо начинать не со слез, а с... зарядки.

Впрочем, ее энтузиазм быстро сдулся: голова внезапно закружилась так сильно, что Алиса была вынуждена вновь прилечь. Сколько она тут уже провела времени без воды и пищи? А может, ее чем-то накачали? Наверняка, раз не помнит, как тут очутилась. Она, конечно, отличной физической подготовкой похвастать не может, но все же не настолько тщедушна, чтобы свалиться после пяти приседаний...

Что же случилось? Нужно восстановить цепочку последних событий. В пятницу, да, в пятницу она вышла с работы... Наряженная, накрашенная, причесанная, такая светящаяся и красивая, впервые за долгое время очень нравившаяся себе в зеркале (спасибо Майке за макияж!), потому что собиралась ехать на встречу с писателем. Лучкин больше не присылал сообщений, и поэтому она немного волновалась: не поменялись ли планы? Как ужасно было бы приехать и обнаружить, что в кафе нет Виктора, прождать его в волнении час-полтора и уехать, увозя в душе горькое разочарование пополам с обидой. Но написать самой и уточнить, все ли осталось в силе, Алиса не решилась. Почему-то казалось, что этот человек такие вещи говорит лишь один раз, и все. Это не с Майкой списываться-созваниваться каждые полчаса...

Значит, она вышла с работы. И даже дошла до метро. Алиса вспомнила, что, когда спускалась в подземку, ее толкнул какой-то мужчина, нахально влезший впереди нее в очередь к турникетам. До турникетов, значит, она дошла... А потом ехала в набитом вагоне метро, беспокоясь, не помяли бы блузку и не смазали бы помаду. Перед выходом из вагона она успела глянуть в стекла дверей и убедиться, что прическа не

растрепалась...

Что было дальше? Кажется, она поднялась наверх по эскалатору, но не на улицу, а сделала переход. И вошла в другой вагон метро. На этой станции выходило много народу, поэтому оказались пустые сиденья. Одно из них она и заняла. А что было потом? Кажется, прикрыла глаза. Нет-нет, что-то перед этим случилось. Что-то, что заставило ее прикрыть глаза. Она увидела что-то неприятное, на что не захотела смотреть? Или, прикрыв глаза, постаралась спрятаться от чужого нахального взгляда?

На душе вдруг сделалось неуютно и тревожно от смутного, еще не обретшего четкую форму воспоминания. Если она вспомнит, что там, в метро, произошло, возможно, получит ответ, как и почему оказалась в этом подвале.

От волнения Алиса вскочила на ноги и заходила по помещению. Погруженная в свои мысли, она не замечала холода бетонного пола, наоборот, от напряжения стало жарко. Кружа по подвалу, она так же, круг за кругом, гоняла в памяти тот эпизод в метро. Входит, садится на свободное место, закрывает глаза... Потому что что-то показалось ей неприятным. Закрывает глаза... Но при этом остается напряженной.

– Ой! – от неожиданности она вскрикнула и запрыгала на одной ноге – что-то острое вдруг вонзилось в босую ногу. Коснувшись ступни, Алиса убедилась, что в ноге нет торчащего осколка, и присела на корточки, чтобы разглядеть, на что она наступила. Этим предметом оказалась брошка в виде стрекозы из потемневшего металла и самоцветов. Девушка зажала тяжелую брошь в кулаке и присела на циновку. Кто-то потерял тут украшение. Может быть, она не первая пленница этого подвала?

Алиса разжала пальцы и внимательно разглядела стрекозу. Потускневшие камни в черной, будто траурной, оправе. И все же эта мертвая стрекоза оказалась «говорящей»: девушка узнала ее. Впервые она увидела брошь в метро, в тот день, когда ехала на встречу к писателю. Алиса вспомнила, что та привлекла ее внимание раньше хозяйки, к чьей пышной груди была приколотая. Слишком уж приметной показалась. Алиса вспомнила, как спохватилась, что неприлично так долго рассматривать кого-то, и отвела глаза. Но при этом мельком скользнула взглядом по хозяйке броши. И... поспешно зажмурилась. А потом все же открыла глаза, чтобы убедиться, что не ошиблась. Женщина смотрела на нее в упор, не мигая. И Алиса тогда еще подумала, что третья встреча отнюдь не случайна.

Виктор приехал через сорок минут. По его лицу, раскрасневшемуся и взволнованному, словно у идущего на первое свидание юнца, стало понятно, что припас он для Инги приятное известие, которое и его самого приводит в радостное возбуждение. Волосы были взъерошены сильнее, чем при встрече в кафе. И на этот раз не потому, что были так уложены специально, а потому, что Виктор, вероятно, по дороге нервно, не отдавая себе в этом отчета, то и дело ерошил их рукой. Одет он был по-прежнему в светлую водолазку и темно-синие джинсы. В руках держал небольшую сумку для ноутбука.

Поприветствовал дам, отпустив Любе такую обворожительную улыбку, что женщина залилась вдруг краской. Инга, заметив это, подивилась про себя: подругу уже давно ничем нельзя было смутить. Разве что застать неприбранной, что казалось невозможным. Естественный румянец и смущение будто скинули хозяйке квартиры сразу десяток лет, а то и два. Бросив на расшнуровывающего летние туфли гостя тайный взгляд, в котором проскользнул женский интерес, смешанный с сожалением, что этот привлекательный мальчик годится ей почти что в сыновья, Люба грудным голосом произнесла:

– Прошу вас на кухню! Чай? Кофе? Или, может, что покрепче? У меня есть отличный коньяк...

– Нет, спасибо, коньяк не могу, – поднял на хозяйку смеющиеся глаза Виктор. – Я за рулем. А вот, пожалуй, от чая бы не отказался.

– Черный, зеленый, жасминовый, травяной, земляничный... – начала перечислять Люба под тихий смех Инги.

– Зеленый, – прервал ее Виктор и, тоже еле сдерживая смех, переглянулся с Ингой.

– На мою подругу ты произвел сильное впечатление, – шепнула ему, когда Люба, распрямив плечи больше, чем обычно, отправилась на кухню готовить угощение.

– Я не нарочно, – повинился он, ничуть при этом не смутившись.

– Врешь! Ты очень хочешь ей понравиться, потому что тебе от меня что-то нужно.

– Связался с ясновидящей, – притворно вздохнул Виктор. – Насквозь видишь.

– Я не рентген – просвечивать тебя до костей, – усмехнулась Инга. –

Пойдем, расскажешь, в чем дело.

Виктор не сорил ненужными словами, начиная издали, с присказками, расшаркиваниями и прочей мишурой, облакающей его просьбу в красивую обертку. Он сделал глоток чаю, приготовленного для него хозяйкой, поставил чашку на стол и, подняв глаза на замерших в ожидании женщин, сказал:

– Я хочу дописать начатую книгу. И мне нужна помощь хорошего консультанта.

Инга, услышав такое заявление, не выказала никакой реакции, но Люба расплылась в любезно-радостной улыбке, выразившей, должно быть, готовность помочь Виктору в чем угодно.

– Со своей стороны я приложил бы все усилия для того, чтобы помочь Инге.

– Как? – не выдержала та. – Тебе что-то стало известно об этой исчезнувшей девушке, Алисе? Она написала?

– Нет. Но я получил сообщение от ее мужа. Он дал свой номер телефона и попросил связаться, – торжественно объявил Виктор, и сразу стало ясно, что именно этой «приманкой» он и собирался козырять.

– Не работает, Витя, – вздохнула Инга.

– Что «не работает»? – не понял писатель, глядя на нее.

– Твой козырь, – сказала Инга. – Муж Алисы звонил мне раньше. Удивляюсь, что тебе еще не позвонили из полиции с вопросами, ведь известно, что девушка ушла на встречу с тобой.

– Думаю, еще позвонят, – развел руками Виктор, нисколько не выказывая или стараясь не показать огорчения тем, что его новость не произвела фурора.

– Витя, дела тут обстоят гораздо серьезней, чем просто желание написать книгу, – сказала Люба и, поняв, что допустила бестактность, охнула и умоляюще сложила руки перед грудью. – Ой, я не так выразилась. Конечно, книга – это очень важно и...

– Люба, вы правы, книга – это не настолько серьезное дело, как исчезновение девушки, – ответил Виктор с такой теплотой и одновременно сочувствием в голосе, что хозяйка с облегчением перевела дух и вновь заулыбалась. – И не серьезней ситуации, в которую попала Инга. В первую очередь я хотел бы помочь моей давней подруге...

Взгляд со значением на Ингу, легкий поклон в сторону Любы. Да, предположение Инги, что Лучкин сейчас вовсю пользуется талантом очаровывать, оказалось верным. Он скрывал его до поры до времени, будто выжидал подходящий момент, когда «акции» подскочат в цене. И теперь

умело манипулировал ими, вкладывая лишь в выгодные дела и тем самым приумножая свои капиталы.

– Ты ведь не откажешься от моей помощи? – спросил он с такими интонациями, которые размягчили бы даже сталь.

– Не откажется! – торопливо за подругу ответила Люба и сделала незаметно для Виктора большие глаза, показывая тем самым Инге, чтобы та и не вздумала протестовать.

– Люба! – упрекнула подругу девушка. Она не любила, когда не оставляли ходов. За помощью к Виктору она сама обратилась сегодня утром. Но все же соглашаться так поспешно не собиралась. И не потому, что ей нравилось, чтобы ее упрашивали и уговаривали. Лучкин, помогая ей, сам подвергался опасности, и она ему об этом сказала раньше. Стоит ли книга такого риска? Или он подобен журналистам, за сенсационным материалом готовым лезть хоть на поле боя под снаряды, хоть в жерло вулкана, хоть вести репортаж на фоне надвигающейся волны цунами? Безумец! Во-вторых, сотрудничество с Виктором опасно было еще и тем, что на него обязательно выйдут полицейские. Муж Алисы, Майка, а там – семья, Алексей. Инге совсем не хотелось, чтобы ее обнаружили сейчас! А в-третьих... Взгляд Виктора ее неожиданно смутил, и поэтому она разозлилась.

– Интересно, как ты собираешься мне помогать? – раздраженно бросила она, отводя глаза и с нарочитым вниманием принимаясь разглядывать узор на заварочном чайнике.

– Могу быть твоими ногами, ушами, глазами, – не смущаясь, выдал Виктор. – Ты сама сказала, что тебе опасно встречаться с людьми. Плюс не хочешь, чтобы тебя сейчас обнаружили близкие. Так я могу за тебя ездить встречаться с кем угодно, с тем же мужем Алисы хотя бы. Следуя твоим инструкциям, конечно. Плюс...

Тут он сделал торжественную паузу и, глядя не на Ингу, а на Любу, будто извиняясь перед хозяйкой за то, что вмешивается в их с Ингой дружбу, сказал:

– ...могу предоставить для Инги отличное убежище, где ее никто не найдет и где она будет в тишине, покое и на природе.

– В тишине, покое и на природе – не на кладбище ли случайно? – съязвила Инга.

– Нет, – не моргнув глазом ответил Виктор. – Впрочем, если оно тебе так необходимо, то тоже находится неподалеку.

Инга захохотала и захлопала, а Люба нервно улыбнулась, явно переживая за исход разговора.

– Это моя дача, – пояснил Виктор уже серьезно. – Дом со всеми удобствами в отличном живописном месте, в пятидесяти километрах от Москвы. Интернет в наличии. Я там живу, когда дописываю книгу и нуждаюсь в полном одиночестве. Я готов предоставить его тебе. А сам останусь в Москве, буду приезжать с новостями и за порцией рассказов от тебя. Продуктами и всем необходимым буду снабжать.

– Обеспечить я себя и сама могу, – гордо заявила Инга. А Люба поспешила нужным вмешаться:

– Виктор, это все отлично – то, что вы предлагаете, но, прежде чем отпускать ее туда, я тоже должна убедиться в... полной безопасности этого места, – сказала она с интонациями заботливой матери и с некоторой долей плохо скрываемой ревности. – К тому же не забывайте, я тоже помогаю.

– Конечно, конечно! – закивал, словно китайский болванчик, Виктор. – Вы, Люба, можете приезжать когда угодно и на сколько угодно. Хоть поселитесь там!

– Спасибо, достаточно того, что вы разрешили навещать Ингу.

– Погодите, я еще не согласилась!

– А у тебя есть выбор, девочка моя? – иронично изогнув бровь, осведомилась подруга. – Сама же сказала, что не знаешь, куда пойти. Брат тебя будет обязательно искать у меня. А отель – не совсем подходящее, я считаю, место.

Почему она так считает, Люба не стала уточнять.

– Ладно, только прежде мне бы хотелось встретиться с мужем Алисы.

* * *

– Она здесь была точно, – припечатал Вадим, даже не успев осмотреть квартиру сестры.

– Инга сказала тебе об этом? – спросил Алексей, робко переминаясь с ноги на ногу и не решаясь пройти дальше коридора. Из-за его спины выглядывала Лиза, которая в этом доме оказалась впервые. Судя по выражению лица девочки – любопытства, смешанного с легким разочарованием, – она ожидала от жилища старшей подруги других декораций. В ее воображении квартира Инги должна с порога «кричать» о профессии хозяйки. Девочка надеялась увидеть хотя бы пучки сушеных трав, свисающие с потолка, не говоря уж о связках мышинных черепов, лягушачьих шкурок и крысиных хвостов. Однако прихожая оказалась самой обычной, современно обставленной. В навесной потолок встроены

лампочки, стены оклеены светлыми обоями, пол обычный, паркетный. Даже медвежьей шкуры на нем нет. Разочарованно поджав губки, Лиза коснулась руками обувного шкафчика, будто надеясь, что тот окажется волшебным. Но и шкафчик был самым что ни на есть обыкновенным. Занятая выискиванием примет, способных рассказать гостям о профессии ведьмы, Лиза упустила из виду, о чем говорили взрослые.

Взрослые – Вадим и Алексей – тем временем уже разулись и осматривали квартиру.

– Скажет она, как же, – фыркнул Вадим. – Но куда ей еще идти после возвращения? Домой за вещами. Во, смотри! Тут на ванной было полотенце, я его запомнил, потому что перед выходом зашел застирать испачканную мне Ванькой футболку. Инга тогда еще крикнула, что я могу использовать полотенце, брошенное на ванну...

Спohватившись, что может пропустить что-то интересное, Лиза торопливо сняла розовые, с эмблемой «Хэлло Китти» кроссовки и в белых носочках побежала по паркету следом за отцом и Вадимом. Хотя она и переживала за папочку и желала, чтобы Инга поскорей отыскалась, это не смогло умалить ее восторга от приключений. После звонка сестры Вадим и папа приняли срочное решение лететь в Москву. Лариса с Ванечкой тоже возвращались домой, а Лизу взяли и по причине того, что отец не захотел оставлять ее одну на попечении лишь домработницы, и потому, что надеялся, что дочь благодаря своим способностям сможет помочь. Последним обстоятельством девочка чрезвычайно гордилась, но одновременно боялась разочаровать взрослых, возлагающих на нее надежды.

Перелет прошел без эксцессов. Даже маленький Ванечка вел себя тихо, будто чувствовал, что взрослым хватает волнений и без его капризов. Из аэропорта поехали вначале к Вадиму домой, где оставили вещи и Ларису с Ваней, а потом уже к Инге. И хотя взрослые ее дружно уговаривали остаться у друзей дома, поесть и отдохнуть, Лиза наотрез отказалась. Ей хотелось немедленно ехать к Инге. И папочка с Вадимом уступили.

– Ощущение, что она собиралась очень быстро, – сделал вывод Вадим после того, как увидел в спальне распахнутый шкаф и брошенные на кровать брюки и свитер. Алексей молча кивнул. Он вообще последние часы был молчалив и немного заторможен, как после принятых анальгетиков. После бури наступила фаза штиля. Те, кто не знал Чернова близко, могли бы обманчиво подумать, что Алексей взял себя в руки и успокоился. И только самые близкие, как дочь, знали, что его молчаливость и видимое

спокойствие вызваны тем, что Алексей находится на пределе переживаний. Лиза всю дорогу с беспокойством поглядывала на отца, не решаясь с ним заговорить. Ей вспомнилось, как сразу же после похорон мамы он стал таким вот спокойно-отрешенным. А потом... заболел так, что лежал в постели и не мог встать. Доктор сказал, что болезнь вызвана сильнейшим потрясением и нервным истощением. Горе сожгло его изнутри. Лиза помнила свой страх, что папочка уйдет следом за мамой. Именно из-за этого с ней и случилось то, что случилось, – немота. Отец и дочь были во многом похожи друг на друга – и упрямым характером, и тем, что многое переживали внутри.

Напросилась Лиза ехать вместе со взрослыми на квартиру Инги еще и потому, что ей не нравилось состояние отца. Лучше бы он шумел и кричал, как утром, чем вот так, молча, едва заметно пошатываясь, отрешенно бродил из одной комнаты в другую. Вадим был ему в противоположность деятелен. Заглянул во все комнаты, на кухне провел быструю ревизию холодильника и даже мусорного ведра (и то и другое оказалось пустым). И, остановившись посреди светлой, наполненной мягким светом кухни, громко спросил:

– Ну что, едем на квартиру моего дяди? Или к подруге Инги Любви?

– Думаешь, она там? – вяло отозвался Алексей, непонятно что имея конкретно в виду – квартиру дяди Вадима или квартиру подруги Инги.

– Вряд ли она остановилась в квартире дяди, потому что знает, что я туда обязательно приеду. И раз она решила скрыться, не станет так рисковать. Скорей всего, находится у подруги, но быть уверенным в этом тоже не могу. К сожалению, я допустил большой промах, когда спросил Ингу, не у Любы ли она находится. Если и была там, то уже постаралась сменить место. Но проверить не мешает. Может быть, нам удастся разговорить Любу.

– Вадим, Инга же сказала, что не хочет, чтобы мы ее искали, – робко вмешалась Лиза. – Я хочу найти, но не хочу, чтобы ей стало плохо. Если она так сказала...

– Подслушала наш разговор, – усмехнулся по-доброму Вадим, и девочка, смутившись, потупила взгляд. – Ты права, Лиза. Она так и сказала. Но мы не можем оставить ее одну в беде.

– Думаете, с ней что-то случилось? – всполошилась Лиза, поднимая на мужчину черные, как ночное южное небо, глаза.

– Нет, нет, – поспешно произнес Вадим, поняв, что снова оплошал. – С Ингой все в порядке, я же разговаривал с ней! Но мы ищем ее, чтобы быть в этом уверенными.

– Ну, так куда мы едем? – нетерпеливо спросил Чернов, оглядывая тоскливым взглядом спальню. Картинки счастливых воспоминаний о проведенных вместе ночах не приободрили его, а, наоборот, еще больше вогнали в тоску.

Вадим задумался, прикидывая дальнейший маршрут. Он предложил Алексею и Лизе остановиться в квартире дяди: жилье до сих пор не было выставлено на продажу и пустовало. Там Чернову должно понравиться: квартира большая, располагается в удобном в плане транспортных коммуникаций месте, рядом находится пара крупных торговых центров. Еще был вариант остановиться и у них с Ларисой. Но Леша выбрал первый. То ли не хотел стеснять родственников, то ли желал просто одиночества.

– Давай уж к подруге Инги, а потом на квартиру, – вздохнул Алексей. Вадим подбросил на ладони связку ключей и, окинув взглядом прихожую, кивнул.

– Лиза? – окликнул Чернов дочь, которая где-то задерживалась. Лиза вышла из спальни, зажимая что-то в кулачке. Робко глянув на Вадима, она раскрыла ладонь и показала сломанный серебряный браслет, один из тех, которые носила Инга. Видимо, хозяйка обо что-то разорвала его и потеряла.

– Можно, я его возьму? – спросила девочка тихо, глядя в глаза Вадиму.

– Лиза, разве не знаешь, что чужое брать нехорошо? – вклинился Алексей. И дочь вспыхнула стыдливым румянцем, слова отца вызвали еще не переболевшие до конца воспоминания о том, что близкая подруга оказалась воришкой.

– Леш, она же спрашивает, а не берет без спросу! – вступился за девочку Вадим и ласково тронул ее за плечо. – Конечно, бери!

– Мне это нужно, – важно сказала девочка, пряча браслет в карман кофточки. Зачем, уточнять не стала, лишь многозначительно посмотрела на вопросительно вскинувшего брови отца. «Это для «дела», – ответил взгляд. И Чернов вздохнул – понимающе и одновременно с надеждой.

* * *

Все же Инга вопреки желанию «уйти в подполье» настояла, чтобы присутствовать на встрече с мужем Алисы.

– Представлюсь твоей невестой, – с невинной улыбкой сообщила она Виктору. – Сергей не знает меня в лицо.

– Но если на него выйдут твои родные, он сможет тебя описать, и

тогда брат или Алексей догадаются, что спутницей Виктора была именно ты. Им это будет нетрудно, тем более что, скорее всего, его пригласят для беседы в полицию... – взволнованно сказала Люба.

– Я не выдам Ингу, – ответил Виктор с пафосом патриота, клянущегося защищать родину до последней капли крови и не выдавать секретов даже под пытками. Для надежности, словно опасаясь, что Люба не поверит этим интонациям, добавил уже с другими – рыцарскими: – Со мной она может быть спокойна.

– Я изменю внешность. Красить и стричь волосы нет времени, но могу купить какой-нибудь головной убор. И Сергей не сможет описать, брюнетка ли я или блондинка. А может, и вовсе рыжая.

Люба в ответ лишь поджала губы и покачала головой. Звонить тут же Сергею, как Инге с Виктором хотелось, она не дала, сказав, что хоть время обеда и прошло, но это не означает, что он отменяется. И принялась что-то готовить. Зная, что Люба провозится с готовкой долго, стряпая специально для Виктора какое-нибудь сложное блюдо, Инга решила сходить за «маскарадным костюмом» в ближайший торговый центр. Лучкин вызвался ее сопровождать. Инга, хоть и предпочитала по магазинам бродить одна, согласилась. Так можно поговорить об Алисе и подумать, о чем спросить ее мужа.

– ...Она в письмах утверждала, что все произошло на самом деле. Это не галлюцинации, – закончил Виктор рассказ в тот момент, когда Инга рассеянно вертела в руках вешалку с шелковой блузкой ярко-бирюзового цвета.

– Тебе пойдет! – выказал живо Лучкин одобрение. Инга заметила, что продавщица улыбнулась Виктору. И не столько потому, что надеялась на продажу вещи, сколько потому, что Лучкин даже в «состоянии покоя» источал флюиды привлекательности. Интересно, узнала его продавец или нет? Вряд ли. Если бы узнала, уже вертелась бы рядом, предлагая помощь и прося автограф. Писатели все же не такие узнаваемые персоны, как актеры и музыканты. А может, она не читала книг Лучкина.

– Думаешь, надо брать? – в сомнении приложила к себе блузку Инга. – Я еще не решила, какой образ выбрать: рокерский с теми кожаными штанами, которые ты зачем-то уговорил меня купить, или...

– Брюки отлично подходят к той кожаной кепке, в которую ты вцепилась!

– У меня никогда не было кепок, – бросилась на защиту понравившегося головного убора Инга. – Хотя был период, когда мне

хотелось кожи, косух, бандан, заклепок и цепей. Правда, длился он недолго.

– Не могу представить тебя в таком образе.

– Это потому что ты меня запомнил в образе невинной девушки-ромашки, в платьицах и туфельках. Родные же привыкли меня видеть в джинсах. Ну или, в особых случаях, в чем-нибудь элегантно.

– Вот поэтому я и уговорил тебя купить и кепку, и брюки, потому что подумал, что это не тот стиль, к которому привыкли твои близкие.

– Так они же не ожидают увидеть меня в юбке с воланами и соломенной шляпке с цветочками... Этаким барышней-селянкой. Так что в итоге выбрать такое «неузнаваемое»? Люба, конечно, будет настаивать на «селянке», потому что кожаные брюки и рокерскую кепку переживет с трудом.

– Эта блузка отлично подойдет к обоим образам.

Инга послушно понесла вешалку с блузкой к кассе. Какая странная ситуация: ее близкие где-то мечутся в поисках, сходят с ума от беспокойства, ей самой грозит непонятно что. А она мирно ходит по магазинам с человеком, с которым в юности у нее случился такой странный роман, и ни о чем не беспокоится. Подумав о семье и Алексее, Инга вдруг обнаружила, что ей почти не причиняют боль мысли о них. Она вспомнила о любимых не с беспокойством и чувством вины, а скорее по привычке. Да, они есть, но находятся где-то далеко. А она с Лучкиным – будто семейная пара на шопинге... Развлекается незатейливой болтовней.

– Что-то не так? – почувствовал перемену ее настроения Виктор.

– Все так, – лучезарно улыбнулась она. – Задумалась об этой девушке, Алисе. Интересно, какую историю скрывает ее квартира?

– Ты поверила, будто шаги, шорохи, вздохи – не плод ее фантазии? – уточнил Виктор.

– А почему не поверить? Мне со многим «необъяснимым» приходилось сталкиваться. Не забывай, что я – ведьма, – усмехнулась она.

– И с духами доводилось общаться?

– Это не мой профиль. Но среди знакомых найдутся и такие.

Продавщица пробила блузку на кассе, и Инга протянула банковскую карточку.

– Надо бы снять наличных, не хочу в дальнейшем пользоваться ею, – заметила она вполголоса.

– Эта Алиса – необычная, – с жаром произнес Виктор, принимая у продавщицы пакет с покупкой и прикладывая его к другим. Как истинный джентльмен, он вызвался носить за Ингой покупки.

– Покажешь мне ее письма? – попросила Инга.

– Хорошо, – согласился после некоторой заминки Виктор. – На даче. Уже определилась, о чем бы хотелось расспросить ее мужа?

– Мои вопросы вряд ли были бы похожи на вопросы полиции: интересуют меня не столько перемещения Алисы в день, когда она исчезла, хотя и это тоже, сколько странные происшествия с ней и ее сновидения. Но будет лучше, если я помолчу, потому что такими вопросами выдам себя. Я – лишь твоя спутница, поэтому все вопросы будешь задавать ты, объясняя их писательским интересом, а я буду скучающе рассматривать стены и развлекать себя надуванием пузырей из жевательной резинки.

– Значит, ты выбрала для себя образ такой скучной и не очень умной девицы? – засмеялся Виктор. – Может, тогда уж в гламурное кисо тебя обрядить?

Инга лишь состроила ему гримасу.

Когда они вернулись домой, подруга уже успела накрыть стол. Инга, глядя на приготовленные блюда – нарезанные аппетитными дольками свежие овощи, запеченное с картофелем мясо, салаты и маринады, – поняла, насколько голодна. Переживания переживаниями, а силы подкреплять нужно, иначе какой из нее боец? И она набросилась на еду с таким аппетитом, будто до этого соблюдала самый строгий пост. Люба, которая в отличие от гостыи не столько ела, сколько «клевала» как птичка, расцвела довольной улыбкой.

– Боже мой, смотрю и наслаждаюсь! – прокомментировал аппетит Инги Виктор. – Обожаю женщин с аппетитом! Неважно, касается ли это еды, жизни...

– Секса, – «подколола» его Инга.

– И этого тоже, – не смутился Лучкин. – В идеале – когда наличествует все.

– И часто тебе такие... гм... идеальные подруги попадаются? – полюбопытствовала Инга под заинтересованным взглядом Любы, которая, то ли вняв замечанию Виктора, то ли заразившись от гостей аппетитом, добавила к салату в свою тарелку порцию мяса и картофеля.

– Нечасто, – лучезарно улыбнулся Лучкин. – Более того, «свою» женщину еще не встретил.

– Идеальных не бывает, Витя, – фыркнула Инга. – Человек не совершенен.

– Я не ищу идеальную, – пожал он плечами и улыбнулся с интересом прислушивающейся к этому разговору Любе, которая успела размять вилкой картофелину практически до пюре, но даже не заметила этого.

– Это должна быть «моя» женщина – та, без которой не смогу дышать.

Я ищу не богиню, а женщину из плоти, состоящую из пороков и добродетелей, совершенную своим несовершенством.

– У тебя много поклонниц, Витя, – заметила Инга, отодвигая пустую тарелку.

– Моей спутницей станет не та, которая поклоняется мне, а которой буду поклоняться я, – вывернулся он и, закрывая щекотливую тему, бросил взгляд на настенные часы: – Думаю, нам пора.

Когда они спустились во двор, Инга вдруг передумала садиться в машину Виктора и настояла, чтобы ехать на своей.

XII

Разговор с подругой Инги мало что дал. Вадим расспрашивал женщину корректно, то давил на жалость, то уговаривал, то сыпал обещаниями, но Люба держалась хоть и вежливо и приветливо, но крепко, как камень. Более того, и Вадим, и Алексей – успешные мужчины, добившиеся в жизни многого, уверенные в себе, умеющие настоять на своем, – в разговоре с Любовью чувствовали себя мальчишками, выпрашивающими у строгой матери разрешение на вечеринку. Был какой-то такой особый у нее взгляд – одновременно и ласковый, и в то же время строгий, как у настоятельницы монастыря. Глаза излучали какой-то особый свет, который обезоруживал, лишал желаний сопротивляться. Разве можно спорить со святой? Но мягкость в ней была обманчива, как мартовское солнце. «Нет» Любви, произнесенное с улыбкой мадонны, прозвучало тверже гранита. И Чернову в бессилии захотелось завывать, ударить кулаком в стену, схватить женщину за плечи и как следует встряхнуть, «выбить» из нее ответ, раз уговорами не получается. И не разум им сейчас двигал, а звериное бешенство, которое с трудом удавалось усмирять. Раненый зверь опасен. А улыбка Любви, наверняка знавшей, где скрывается Инга, раздражала его куда больше мельтешащего под носом с улюлюканьем горелохотника.

– Люба, поймите... – в который раз начал Вадим, пока Чернов стискивал с силой кулаки и челюсти, чтобы не вырвалось на волю клокочущее внутри бешенство.

– Нет, Вадим, это вы поймите, – перебила женщина с тем же святым терпением настоятельницы монастыря. – Инга не хочет, чтобы ее разыскивали. Когда сочтет нужным, сама вернется.

– Да черт вас побери! – взорвался наконец Чернов и отмахнулся, как от мухи, от дочери, которая испуганно дернула его за полу выпущенной поверх джинсов рубахи. – Что за игры вы затеяли в «вернется – не вернется»? Мы что, малые ребяташки, которые играют в эти... как их... прятки?! Инга – моя невеста! И я имею полное право знать, где она находится, и тем более, если ей угрожает опасность! Черт вас побери вместе с вашими играми!

Он все же долбанул, как и желал, кулаком в стену, разбив костяшки в кровь. Но боли даже не почувствовал. Болела душа, хоть бестелесное не может болеть, да так сильно, что никакая физическая боль не смогла

перебить эту. И все же от этого выплеска ему стало немного легче. Люба же и бровью не повела, скользнула лишь взглядом по оставшемуся на бежевых обоях буро-красному мазку и повернулась к Чернову.

– Алексей, послушайте, – сказала она, беря его руку в свою. – Я вас понимаю. Инга мне как дочь, а вы, как ее будущий муж, все равно что сын. Не меньше. Я разделяю вашу боль, и поверьте, если бы это было можно, сказала бы вам, где она находится. Более того, это я попросила ее связаться с Вадимом по телефону, когда она была здесь. Но ничего больше не могу сделать для вас. Инга ушла не из капризов, а потому, что вам нельзя быть вместе сейчас. Опасно и для нее, и для вас.

– Что с ней происходит? – вклинился Вадим, опасаясь, что Чернов выскажет еще что-то резкое.

– Пока ничего, – спокойно ответила Люба.

– А что будет? – терпеливо продолжил расспрашивать мужчина.

– Не знаем. Но безнаказанной она не останется, к сожалению. В нашем мире, как и в гражданском обществе, тоже действуют свои законы. Только решения выносятся куда более беспристрастным судом. Она преступила и должна ответить.

– И вы говорите об этом так... спокойно? – сощурился Вадим, Алексей же выдернул руку из ее и подул на ссадины – совсем как мальчишка. Он посмотрел на хозяйку с такой обидой, будто ставил ей в вину разбитые костяшки.

– Она ведь совершила это в состоянии аффекта! Ее спровоцировали, загнали в такие условия, что иначе и не смогла бы среагировать! – начал закипать Вадим. От возмущения, клокотавшего внутри, щеки порозовели, на лбу выступили капельки пота, и русые волосы налипли на него, как у мальчишки, набегавшегося во дворе с друзьями.

Он с трудом сдерживал себя, чтобы не взорваться, как Чернов, понимая, что Люба ни в чем не виновата. А лишь не хочет из своих соображений говорить, где Инга, хотя наверняка знает. И, возможно, она права, раз говорит, что у «них» действуют какие-то свои законы. Но они-то с Алексеем живут совсем по другим правилам! И не гражданские законы он имеет в виду, а чувства. Беспристрастность «высших судей» видится ему как раз недостатком, иначе как можно не принять во внимание, что на преступление пойти сестру вынудили, она совершила его в состоянии аффекта. И то, сколько Инга жертвовала собой ради спасения других, дважды чуть не погибла, – это, значит, не считается? Ее добродетели списали в утиль из-за одного проступка. А ведь жила всю жизнь по правилам, соблюдая все эти законы, заповеди и что там еще...

– Не понимаю, – прошептал он, глядя на Любу так беспомощно и растерянно, как ребенок, впервые столкнувшийся с несправедливостью. – Не понимаю, почему... за что ей все это? Она же ведь никогда...

– Знаю, Вадим, – мягко перебила его Люба полным сочувствия голосом. – Я все знаю. Думаете, не переживаю за нее так же, как и вы? Думаете, все эти «почему?» не мучают меня? Но проклятие никуда не делось. Оно «висит» над Ингой. И она ушла, чтобы отвести его. Пока мы не найдем выход, она не вернется к вам – самым любимым людям.

– «Мы»? – ухватился за это обобщающее местоимение Чернов. – Значит, вы все же знаете, где она находится.

– Алексей, давайте не будем начинать сначала, – устало вздохнула Люба. – Не буду обманывать, предполагаю, где она может быть, но не уверена, что это на самом деле так. И да, я буду помогать ей до конца, как помогала раньше, как помогаю сейчас. Вы тоже поможете ей, если дадите спокойно разобраться со всем самой, не будете мешать. Если вы действительно хотите, чтобы она вернулась, чтобы с ней все было в порядке, – не вмешивайтесь!

Последнюю фразу она произнесла так жестко, что ни у Алексея, ни у Вадима больше не нашлось слов возражения.

Лиза робко потянула отца за край рубахи, и тот наконец-то обратил на нее внимание.

– Что, Лиза? – с еле скрываемым раздражением спросил он.

– Мне нужно в туалет... – прошептала дочь. Чернов закатил к потолку глаза, словно говоря «ну что ты как маленькая?». И затем вопросительно посмотрел на хозяйку.

– Конечно, конечно! – засуетилась Люба, радуясь, что неприятный разговор, похоже, закончился. – Лизочка, пойдём, я тебе покажу нужную дверь.

Когда девочка скрылась в туалетной комнате, Люба шепотом, будто боясь, что малышка может услышать, обратилась к мужчинам:

– И ради бога, не вмешивайте ее в эти дела! Если вам дорога дочь, Алексей. Если вы не хотите потерять и ее.

Чернов невольно вздрогнул и отпрянул, будто Люба вдруг превратилась из милой, приятной женщины в страшную ведьму, брызжущую проклятиями.

– А вы... вы бы могли помочь Инге? Ну, там, снять это проклятие, – пробормотал он, глядя на женщину честным и даже немного наивным взглядом.

– Я пробовала, Алексей. Но у меня не вышло.

– А другие, такие, как вы... Вас ведь много!

– Никто за такие дела не возьмется, даже спрашивать не нужно. Я это сделала, потому что Инга мне очень дорога. Но, как уже сказала, у меня ничего не вышло. И, ради бога, еще раз прошу, не пытайтесь как-то «использовать» вашу дочь! Если вам понятно такое сравнение, то скажу, что это все равно что дать поиграть ей, ребенку, со взрывным устройством.

– Я понял, – поморщился он. – Хорошо, постараюсь сделать так, как вы просите. Если я вам пообещаю, что не буду разыскивать Ингу, мешать, как вы выразились, вы пообещаете звонить мне и держать в курсе всего, что с ней происходит?

Вадим бросил на Алексея короткий одобрителный взгляд и так же с ожиданием задержал его на Любе. Но та, однако, не торопилась с ответом, будто что-то прикидывала, в чем-то сомневалась.

– Не могу обещать, Алексей. Вначале мне нужно будет поговорить об этом с самой Ингой, и если она согласится...

– Помогите, пожалуйста! Уговорите ее, – умоляюще сложил ладони перед грудью Чернов.

– Я постараюсь, Алексей, не обещаю, но постараюсь.

– Спасибо!

Появившаяся на кухне Лиза избавила Любу от тяготившего разговора. Женщина любила гостей, но на этот раз вздохнула с облегчением, когда те стали прощаться.

После их ухода она взяла телефон и набрала номер подруги:

– Инга, твои только что у меня были. Кажется, удалось убедить их не искать тебя, но кто знает... Может, они решили караулить тебя возле моего дома.

– Я поняла, Люба! – отрывисто произнесла Инга. – Мы поедем сразу к Виктору на дачу, а потом он заедет за моими вещами.

– Умница, девочка! – похвалила Люба. – Буду его ждать.

* * *

К ночи пошел дождь. Слушая, как он шуршит по листве и мерно стучит по подоконнику, Инга подумала, что вот, пожалуй, и закончилось лето. Где-то на юге, в том городке, откуда она родом, лето еще долго будет баловать отдыхающих смеющимся солнцем, ласковым ветром с соленым привкусом морских брызг, а здесь оно ушло – как обычно, не попрощавшись, стремительными шагами. И, странное дело, ей,

любительнице тепла и света, сейчас не было грустно, как обычно становилось в дни, когда осень небрежными мазками обозначала свое владычество. Сейчас от шуршания дождя становилось так спокойно, как не было уже давно.

Она сидела в плетеном кресле, забравшись в него с ногами, куталась в шерстяное одеяло, пахнущее сеном, и смотрела на затихающий в камине огонь. Пожалуй, для полного уюта не хватало лишь мурлыкающей на коленях кошки да бокала красного вина. Кошку ей заменяла книга, от чтения которой Инга оторвалась, едва услышала перестук капель. А вместо вина была чашка зеленого чая. Она бы предпочла черный, с мятой или чабрецом, как готовила дома, но Виктор любил зеленый, поэтому в его запасах другого не оказалось.

Он обещал привезти завтра черного чая. Инга сперва возразила, сказав, что прогуляется до ближайшего сельмага и купит все, что необходимо. Но Лучкин развеял мечты о прогулке, сказав, что дача находится в таком уединенном месте, что до ближайшей деревни пешком через поля и лес идти добрых десять-пятнадцать километров.

Так оно и было. По дороге Инга оценила из окна машины девственную красоту пейзажа: покрытые сочно-зеленой травой, будто раскрашенные акварелью, луга, которые разделяла извилистая, словно вырезанная по лекалу темно-синяя лента местной реки. Вдали густел непролазный на первый взгляд лес. Дача Виктора пряталась в одном из наиболее крутых изгибов реки и стояла немного уединенно от остальных домишек, сгруппировавшихся, будто опята, в одну семью в другом речном изгибе – на этот раз уже самом плавном, почти ровном.

– Я практически не общаюсь с соседями, так что вряд ли тебя кто-то побеспокоит, – пояснил Лучкин, когда они поставили машины во дворе. – Сюда приезжаю за покоем и одиночеством.

– Я помню, что ты не любишь общество, – заметила тогда Инга.

– Ну... Правильней сказать, что больше люблю одиночество, чем общество.

– Как же тебе, такой популярной персоне, о которой поклонники хотят знать все, вплоть до того, что ты ешь на завтрак, удастся вести такую скрытную жизнь? – вполне искренне удивилась она. – И при этом лишь набирать популярность!

– А загадочность привлекает внимание не меньше скандальных походов, – засмеялся Виктор. – И даже больше. Когда все на виду, интерес быстро угасает. А когда приходится выискивать, докапываться,

разнюхивать...

– Тебе нравится, чтобы о твоей жизни вот так разнюхивали?

– Нет. Но я поступаю хитро: то, что считаю нужным, «зарываю» неглубоко. Публика получает свою долю информации, при этом остается с ощущением, что раздобыла ее, а не получила в готовом и разжеванном виде. Но самое главное, что я не считаю нужным обнародовать, остается при мне. Народ довольствуется тем, что было лишь присыпано для виду землей, принимая это за мои «секреты», и глубже уже не копает.

– Ишь ты... – присвистнула Инга. – И какие «скелеты» ты прячешь, что для отвода глаз приходится идти на такие трюки?

– Да никаких «скелетов» нет, – просто ответил он. – Ты же меня знаешь. Надеюсь, не забыла, какой я есть. Не люблю личное выставлять напоказ. Я – писатель, который предпочитает вести уединенный образ жизни, а не актер и не певец, который постоянно должен быть на виду. Писательский труд – одинокий труд. Но при этом понимаю, что нужно поддерживать популярность, что народ жаждет знать обо мне, как ты сказала, даже то, что я потребляю на завтрак. Я и не отказываю читателям в таких желаниях: в интервью честно рассказываю и о том, какой сорт колбасы люблю, если меня спрашивают, и каким шампунем пользуюсь, и есть ли у меня собака, и что я ношу в повседневной жизни. Поклонникам кажется, что они знают о моих предпочтениях все.

– Но на самом деле ты показываешь лишь пиджачок, но не даешь прикоснуться к телу.

– Точно! Я же и раньше таким был, разве забыла?

Вопрос прозвучал с нотой обиды, и Инга не сдержала смеха. Ей хотелось поддразнить Виктора, наступить на его тщеславие, сказав, что забыла и не вспоминала, но в последний момент сказала то, что он желал услышать:

– Помню, Витя.

...Этот дом, двери которого Виктор распахнул для нее, оказался идеальным убежищем, о котором она мечтала: безлюдность, тишина, природа. Отшельническая келья в райских декорациях, да еще оборудованная всем необходимым. Здесь она может спокойно подумать над тем, что делать дальше. Как хорошо, что Лучкин сегодня оставил ее одну. Против его общества она ничего не имела, но именно сейчас было необходимо одиночество. День выдался таким долгим, как целая жизнь. Сложно было представить, что на рассвете она еще ехала на попутке по сонным улицам родного города, глядя, может быть, в последний раз на

раскрашенную золотыми бликами поднимающегося солнца поверхность моря. И ей было тогда грустно до слез. Она всерьез верила, что покидает близких навсегда. Утро встречала в самолете, завтракая отвратительным кофе и булочкой с маслом. В загазованные объятия столицы нырнула едва ли не с рыданиями потрепанной разочарованиями блудной дочери, вернувшейся за утешениями к матери. Второй завтрак у Любы, приготовленный для нее с такой заботой, принес не только сытость, но и временный покой. А дальше – встреча с прошлым, нырок в омут отчаяния и вновь спасительная рука, не только выдернувшая ее из водоворота, но и предложившая помощь. Этот день и правда оказался длинным. Разные события разбили его на этапы, превратили в «американские горки». И сейчас нужно просто отдохнуть. Даже ужин не будет готовить. Она лишь послушает песню дождя, которая успокаивала не хуже колыбельной. Потом, если останутся силы, примет душ и ляжет в пахнущую травяным ополаскивателем свежую постель. Виктор сказал, что приедет завтра не раньше обеда. Так что еще и утро будет свободным. Для отдыха ли, или для действий – время покажет.

Инга покосилась на экран мобильного и увидела, что время приближается к одиннадцати вечера. Не так уж и рано, надо же, она настолько увлеклась чтением, что не заметила убегающего времени. Книга была Виктора, та самая, которую читала невестка. За мимолетное воспоминание о Ларе будто шестеренками зацепились другие, и пошла разматываться лента ассоциаций... Ее брат, Алексей, Лиза. Что они делают сейчас? Остановился ли Чернов с дочерью у Вадима и Лары, или, что, скорей всего, так и есть, поселились временно в пустующей квартире дяди? В какой-то момент Инга вновь поймала себя на мысли, что думает о любимых людях уже без боли и беспокойства. Будто о дальних родственниках, с которыми не поддерживала много лет связь и неожиданно получила к новогоднему празднику открытку с поздравлениями. Ни радости, ни огорчения, ни сожаления. А полное... равнодушие. И эта мысль опять напугала. Она никогда не думала о своих родных вот так... безразлично. Она же и ушла от них потому, что невозможно любить.

А сейчас думалось и о брате, и о любимом мужчине, и о племяннике с Лизой как будто с облегчением. Как о надоевших родственниках, которые, прогостив долгое время, наконец-то уехали. Может ли так быть? Может ли она так думать о сильно любимых людях, ради которых жертвовала собой, с этим тайным облегчением – будто избавилась от некой оттягивающей плечи ноши?

Это все усталость. И ничего больше.

Инга положила книгу на стоявший у кресла плетеный столик и поднялась. И будто лодка, потерявшая ориентиры в море, рассеянно замерла, глядя на рубиновые уголки в камине. Огонь погас, не раздавалось потрескивания дров, звук разбивающихся о подоконник капель звучал теперь в сольной партии грустно и как-то безысходно. Оказывается, покоем наполнял душу не шум дождя, а треск дров. Все же она осталась верна себе и не потеряла тягу к теплу, а не к осеннему дождю.

Девушка присела возле камина на соломенную циновку и протянула к очагу руки. Пальцы показались ей вдруг неестественно длинными и нереально белыми. Она в недоумении посмотрела на свои кисти, сжала и разжала пальцы. Зрительный обман не пропал: пальцы продолжали казаться такими же гротескно длинными, как у утренней тени. Может, теперь она видит реальность под другим углом, и привычные размеры, цвета, запахи предстают в искаженном виде? Как и чувства. Что-то в ней сбилось, как на планете со сместившейся осью вращения. К каким последствиям это может привести? Главное, не слететь бы с орбиты...

Будто испугавшись, что раскаленные угли покажутся холодными, Инга сунула руку в очаг и коснулась одного из красных «глазков». И тут же одернула, сунула в рот, как маленькая, обожженный палец. Нет, показалось. Нафантазировалось про «смещенные оси» и «другие углы» под градусом усталости. Необычный день породил странные мысли.

Инга поднялась и сделала круг по гостиной, которую Виктор гордо назвал каминным залом. На зал помещение не тянуло – ни размерами, ни обстановкой. Это была комната – небольшая, не превышающая метражом спальню в квартире Инги. Но, возможно, название «зал» получила благодаря декору. Стены были отделаны не деревом, как можно было ожидать от дачного дома, а декоративными панелями «под камень». Видимо, говоря о каминном зале, Виктор имел в виду средневековые замки.

Девушка нашла, что камень – это красиво. Можно было и правда нафантазировать, что попала она в одну из комнат старинного замка, если бы обстановка продолжала подыгрывать. Но мрачно-торжественную атмосферу нарушала легкомысленно-летняя плетеная мебель, которая удачно бы выглядела совсем в иных декорациях. Она подошла бы дачному домику, в котором стены обиты вагонкой, покрытой прозрачным лаком, где по стенам были бы развешаны пучки ароматных трав, а в простой вазе-стакане стояли бы полевые цветы. Этой же комнате подошла бы тяжелая мебель из темного дерева – кресла, стол, конторка, книжный шкаф. И шкура какого-нибудь хищного зверя на полу возле камина.

Перед уходом Виктор провел для гостьи небольшую «экскурсию» по

дому, показывая, что где находится. И добавил, что Инга может чувствовать себя тут полной хозяйкой, заходить в любые помещения, пользоваться в спальне шкафом, брать любые книги. Девушка всегда умела сдерживать свое любопытство, но на этот раз желание узнать о загадочном хозяине дома куда больше, чем он о себе рассказал, пересилило воспитанность. Что, как не вещи, может поведать о человеке, что он не открывает в беседе? А Виктор был ей интересен – в память ли об их прошлой романтической дружбе, или потому, что с раскрытыми объятиями принял и впустил ее в свое настоящее.

Инга покинула «каминный зал» и отправилась на самостоятельную экскурсию по дому.

Другие помещения были куда проще, без претензий на торжественную мрачность средневековых замков. Спальня, оклеенная светлыми обоями, с обычной деревянной кроватью-«полуторкой», тумбочкой и одежным шкафом, с «цветочными», в тон обоям, занавесками на окне. Просто, ничего лишнего. Кухня, оснащенная старой двухконфорочной плитой, обеденным и разделочным столами, навесными шкафчиками с простым набором посуды, была небольшой, но светлой, благодаря окну почти во всю стену. Содержимое одного из шкафов выдавало холостяцкое положение хозяина: пачки макарон, заварной лапши, банки с тушенкой и томатной пастой. Чай (зеленый), сахар, пакет ванильных сухариков. Стратегический запас.

Впрочем, Виктор, заявив о своем холостяцком положении, слукавил. Инга обнаружила в доме следы женского присутствия: в шкафу – джинсы женской модели и блузку розового цвета (судя по размерам, барышня Виктора была довольно крупной). В ванной в навесном шкафчике были спрятаны крем для депиляции, женская туалетная вода, косметичка со всем необходимым для дневного и вечернего макияжа. С одной стороны, Инге стало и неловко оттого, что она переступила допустимую черту и вторглась на уж слишком личную территорию. С другой – она испытала некоторое недоумение: почему Виктор активно отрицал наличие у него постоянной подруги? Вряд ли он стал бы хранить вещи бывшей пассии или случайной подруги. Еще одно чувство шевельнулось в ее душе... Ревность – не ревность (глупость какая – ревновать Виктора!), такое мимолетное чувство, природу которого не удалось определить. Оно появилось и тут же пропало, чуть-чуть омрачив настроение подобно маленькому облачку, ненадолго закрывшему солнце.

«Какое мне дело до его личной жизни», – пожала Инга плечами и аккуратно поставила на место косметичку.

Была еще одна комната, в которой Инга задержалась с интересом. Ее она оставила на потом, как десерт. Это был кабинет, в котором работал Виктор над своими романами. И казался Инге куда более личной территорией, чем спальня. Она помнила, как ревностно Чернов оберегал свой кабинет от постороннего вторжения, Инга туда не заходила без приглашения, даже дочь на цыпочках проскальзывала мимо постоянно закрытой двери, за которой работал отец. И не было там ничего секретного: лишь массивный стол из дорогой древесины, кожаное кресло, компьютер и шкаф с папками. Да и сама Инга, зачем далеко ходить, редко кого пускала в свой кабинет, в котором готовила ритуалы, хранила различные нужные в деле атрибуты и книги. Даже брату туда не позволялось заглядывать. Клиентов принимала в гостиной. Кабинет хранит много тайных знаков, которые могут рассказать о хозяине куда больше, чем он сам решит.

Поэтому сейчас, переступая порог кабинета, у Инги было ощущение, кроме любопытства, что делает она что-то совсем уж непозволительное. Чувствовала себя воришкой, залезшим в чужую квартиру воровать не деньги и драгоценности, а мысли и привычки. Но Виктор сам разрешил заходить, сказав, что в кабинете лучше всего ловится сигнал Wi-Fi. И оставил на столе бумажку с паролем, а также распечатки писем Алисы. Так что вторгается девушка на его территорию легально. А неловкость испытывает потому, что желает «прочитать» что-то еще о Викторе. Так она оправдывала себя, обходя кабинет по периметру. Ничего, правда, такого, что могло удивить, шокировать, насторожить, не обнаружилось. Кабинет представлял собой просторное помещение, занимающее площадь, равную едва ли не половине дома. И хотя размерами значительно превышал даже «каминный зал», Виктор не использовал все это пространство с пользой. Из мебели тут наблюдался лишь обыкновенный ученический стол, стоящий у окна, открывающего вид на реку и луг. На столе находилась пластиковая дешевая «этажерка» с тремя лотками, в которых, как Инга уже видела, хранились чистая бумага для принтера, канцелярия и орфографический словарь. Наброски для романов Виктор делал в ежедневнике, который, как и ноутбук, носил с собой. У стены рядом со столом стоял книжный шкаф, в котором «технической» литературы было куда больше, чем художественной. Инга отметила, что одну полку занимают книги по психологии (неудивительно, если вспомнить, что по профессии Лучкин был психологом), половину другой, самой верхней, – книги самого писателя (восемь). Еще одна полка была отведена под различные словари и справочники. Ну и на остальных двух, полупустых, размещались художественные книги. Не классиков, как могла бы предположить Инга, а

современных отечественных писателей. Инга взяла одну наугад – дамский роман, открыла и прочитала дарственную надпись. Понятно, добрая часть этих книг наверняка была подарена Виктору коллегами по перу.

Под стол было задвинуто плетеное кресло – такое же, как в гостиной. В противоположном от книжного шкафа углу, у второго окна, стояло глубокое кресло с протертым красным сиденьем и торшер на длинной ноге, лишенный каких-либо изысков. Середину дощатого пола покрывал новый, судя по не потерявшим еще насыщенности краскам, ковер спокойного зеленого цвета. Инга повернулась вокруг своей оси, недоумевая, зачем Виктору под кабинет понадобилось такое большое помещение, которое показалось лишенным уюта из-за этой пустоты и плохо подобранной мебели. Складывалось впечатление, что дачу Лучкин обставил уже устаревшими вещами, которые пожелали вывезти из квартиры, но пожалели выбрасывать. Или вещи остались от старых хозяев: Виктор обмолвился, что дачу купил пару лет назад у одной семьи, уезжавшей на ПМЖ за границу. Странно, что он не захотел менять что-то под свои вкусы. Или в этом и был весь Лучкин – даже через обстановку не захотел выдавать свое истинное «я». Инге еще подумалось, что, возможно, дачу он использует не только для работы над романами, но и для свиданий со своей подругой. Остается надеяться, что девушка Виктора не нагрянет случайно, без предупреждения... Иначе неприятных сцен не избежать.

Так и не разгадав комбинацию в этой затейной ею логической игре под названием «угадай секреты Лучкина», Инга отодвинула плетеное кресло и села за стол. Перед тем как отправиться спать, ей хотелось еще раз перечитать письма Алисы и соотнести это с тем, что рассказал ее муж. Хотя, надо сказать, Сергей не поведал ничего нового... Ничего такого, за что могла бы ухватиться Инга.

...На встрече с ним девушка не проронила ни слова, все вопросы, которые они обсудили в машине по пути на встречу, задавал Виктор. Сергей в подробностях рассказал о дне, когда видел жену в последний раз. Вспомнил, что с утра она почему-то волновалась, он даже поинтересовался, не привиделся ли Алисе новый кошмар. Это уже позже узнал, что волновалась она в предвкушении предстоящей встречи с писателем. Виктор сделал вид, что не заметил хмурого обвинительного взгляда Сергея, и вовремя ввернул вопрос о странных событиях, происходящих в квартире. Тот смутился и признался, что его жена в последнее время и правда была чем-то напугана. Но сам он не замечал ничего странного, не слышал посторонних шумов, не видел теней. Происходящему с Алисой объяснений

у него не было, разве что жена переутомилаась на работе... Но не успел Виктор задать новый вопрос, как Сергей в обвинительном тоне задал ему свой: о чем писала Алиса? «Я работаю над книгой, и письма вашей жены давали мне идеи. Уверяю вас, Сергей, это была деловая, а не личная переписка!» «Покажите их мне!» – потребовал парень. Виктор растерянно глянул на Ингу, и та посчитала нужным вмешаться. Ласково улыбнувшись, она тронула нервничающего парня за руку и проворковала, что видела сообщения Алисы и, как невеста Виктора, не обнаружила в них ничего подозрительного. «А Виктория очень ревнива!» – хохотнул Виктор и приобнял Ингу. «Если бы эта девушка... простите, ваша жена, хоть одно признание написала бы моему жениху, Виктор бы больше не получал от нее писем», – со стержневой улыбкой пропела «Виктория». Похоже, ее ложь немного успокоила Сергея, потому что он заметно расслабился и больше не бросал в сторону Виктора ревнивых враждебных взглядов.

И все же разговор принес мало пользы. Где находится Алиса и как ее искать, понятней не стало. Впрочем, о чем это она... Больше всех в поисках девушки заинтересован сам Сергей, и это он надеялся услышать от Виктора версии, где может находиться Алиса. Про сны жены Сергей не знал ровным счетом ничего. А спрашивать напрямую, были ли в роду Алисы ведьмы, Инга постеснялась. Такой бы вопрос вызвал недоумение и сыграл бы против нее. В общем, пользы от этой встречи Инга не получила, разве что увидела на фотографии, которую им показал Сергей, как выглядит Алиса. Расстались они с чувством, что увидеться еще придется. Ее муж предупредил писателя, что с ним будут разговаривать из розыска. Виктор понимающе кивнул и попросил в свою очередь Сергея сообщать ему любые новости. На том и попрощались.

Вспомнив встречу, Инга подвинула к себе листочки с распечатанным на них текстом, разложила их в хронологическом порядке и погрузилась в чтение.

«...Я перешла заснеженное поле и подошла к воротам...»

Она перешла заснеженное поле и подошла к воротам – высоким, таким, что пришлось запрокинуть лицо, чтобы разглядеть их заостренные в пику верхние края. Ворота были из высушенной ветрами до седого цвета, растрескавшейся до борозд толщиной в палец древесины. Тяжеленные на вид, крепко вросшие в снег. Она подошла и в растерянности остановилась. То ли это место, куда вел ее путь? Сюда ли торопилась, оставив в Городе и прошлое, и будущее? Ее желание,

загаданное под мостом, сбылось: она ушла далеко, здесь ее никто не найдет. Никто из тех, с кем она была связана оборванными теперь нитями чувств, не знает об этом месте. Ее будут искать где угодно, но только не здесь. Потому что его найти могут лишь те, кого оно позвало. Да и шла сюда так долго, что там, где она оставила свою прошлую жизнь, ее уже забыли – земля в том мире сделала не один оборот вокруг солнца. Ее одежда, в которой она покинула Город, истрепалась так, что превратилась в лохмотья, в дыры которых проглядывала задубевшая и потемневшая на солнце кожа. Ее обувь давно развалилась, и часть пути она брела босиком – по придорожной пыли, по каменистой дороге, роня ступни об острые грани, по холодным лужам, вдавливая в грязь опавшие листья, по сугробам, по хрупкому льду, проваливаясь в проталины. Ее кожа утратила чувствительность, как атавизм. И было это не проклятием, а даром.

Она нерешительно подняла руку, чтобы постучать в ворота, и так же неуверенно ее опустила. Остатки былых чувств шевельнулись в последней агонии, заставив засомневаться: если переступит эту черту, никогда больше не сможет вернуться оттуда. Из-за этих ворот не выходят обратно. Там она останется навечно, обрекаемая на то, что ее душа не вернется в прежний мир. Это и есть наказание – остаться здесь навсегда без возможности искупить грехи в новой жизни земными мучениями или, напротив, добродетелями.

..А ветер, внезапно поднявшийся в поле, толкает в спину и нашептывает в уши: «Войди, войди».

XIII

Шепот обволакивал коконом, заворачивал, словно хрупкую елочную игрушку – в вату. Алиса зажимала руками уши, но шепот звучал не снаружи, а внутри ее. Он заглушал мысли, вытеснял собой чувства, наполнял до краев, выплескивался наружу и вновь вливался в нее не через уши, через поры. Девушка металась по подвалу, но казалось, будто мечется она в плотном коконе этого шепота, иногда разделяющегося на голоса, но чаще звучащего неразличимым шелестом, похожим на шуршание разбуженной ветром листвы. Что это, откуда он взялся? Кто все эти люди, которые шепчут и шепчут то ли просьбы, то ли проклятия, то ли так облегчают души? Что это – проявление душевной болезни или кто-то рядом, может быть, в соседнем подвале, находится так же в плену, и его бормотание, приглушенное стенами, доносится сюда?

Нужно как можно скорей вырваться на свободу! Сбежать отсюда. Но как? Она уже выбилась из сил, прыгая под люком в попытках дотронуться рукой до его крышки. Бесполезно: потолок находится так высоко, что ей не достать. И все же прыгала до тех пор, пока совсем не выбилась из сил. Тогда села под люком отдохнуть... и услышала эти голоса.

Ей не было страшно, как ни странно. Но шепот погружал в отчаяние, которого в ее положении нельзя было допускать. Отчаяние может поглотить последние силы, лишит разума, толкнет в пропасть.

– Ну что ж, один из способов уйти отсюда у меня все равно останется, – пробормотала она, рассматривая на ладони брошь. Хвост стрекозы был острым, как шило. И Алиса, осторожно пробуя его кончик пальцем, подумала, что, если заточение продлится слишком долго, она «уйдет» другим, последним, способом. А пока еще поборется. Решение придет, обязательно придет, это странное и ужасное приключение обязательно закончится хорошо! Ведь как-то же она оказалась тут? Явно по чьей-то прихоти, не по своей. А значит, тот, кто ее сюда заточил, обязательно придет, чтобы выдвинуть свои условия. Алисе подумалось, что ее похитили с целью требовать выкуп у мужа или родителей. Впрочем, Сережа не занимал высоких постов, был простым программистом, умным, толковым, чрезвычайно полезным в их компании. Но и только. Думать, что Алису похитили, чтобы шантажировать директора той фирмы, в какой работала она, было совсем уж абсурдно. А других идей и не приходило в голову.

В тот момент, когда она поднялась на ноги, чтобы сделать несколько кругов по помещению, наверху послышался шум. Кто-то поковырял ключом в замке, затем люк с тихим стоном стал приоткрываться. Алиса поспешно присела на циновку. Сердце колотилось так, что, наверное, его было слышно тому, кто собирался почтить ее своим присутствием. Чего ждать? Кто сейчас придет? Что с ней будут делать? Долгие секунды растянулись до часов. Алисе даже подумалось, что находившийся наверху специально поднимает крышку люка так медленно. Наконец в проем просунули приставную лестницу и осторожно принялись ее спускать.

– Вам помочь? – вырвалось вдруг у нее на нервах. Лестница на мгновение замерла, будто тот, кто спускал ее, не ожидал услышать девушку. Но ответа не последовало. Наконец-то с глухим стуком лестница коснулась бетонного пола, на верхней ступеньке показалась вначале одна нога, обутая в женские балетки, потом – другая, затем – голые мускулистые икры и следом – подол клетчатой юбки.

В подвал спускалась женщина. Та самая, которую Алиса уже видела вначале в подъезде, затем – возле своей работы и потом уже – в метро. На этот раз одета она была не так кричаще, но все же не совсем обычно. Клетчатая юбка оказалась сарафаном, похожим на форму для девочек из частных школ, разве что цвет оставался ярким – красная клетка сочеталась с оранжевой и темно-коричневой. Женщина явно была любительницей «попугайских» расцветок. Под сарафан была надета белоснежная блуза с рукавами-фонариками. Волосы, следуя стилю институтки, она заплела в две косы. В одной руке держала небольшой поднос, накрытый льняной салфеткой.

– Ну, здравствуйте! – стараясь говорить насмешливо, произнесла Алиса, но все же нервозность и страх выдало то, что голос прозвучал слишком высоко и звонко. Женщина не ответила, аккуратно одернула свободной рукой юбку, подошла к Алисе и поставила перед ней на циновку поднос. Под вопросительным взглядом пленницы сдернула салфетку. Там оказался настоящий обед из трех блюд, правда, похоже, не домашнего приготовления, а ресторанного. Для нее так расстарались, что заказали еду в ресторане? Похоже, ее не собираются убивать, по крайней мере заморить голодом не желают.

Алисе хотелось с презрительной гримасой опрокинуть поднос – так, по ее мнению, сделала бы героиня какого-нибудь психологического триллера. Но разум (или голод?) победил гордость. Девушка лишь незаметно сглотнула слюну, моля бога, чтобы желудок предательски не заурчал. Только сейчас, глядя на тарелку с салатом из отборных свежих

овощей, политых желтым оливковым маслом, куриный окорочок, приготовленный на гриле, в окружении круглых молодых картошин, тоже политых маслом и посыпанных зеленью, а также тирамису в вазочке, она поняла, насколько голодна. Похоже, не ела она если не с позавчерашнего дня, то со вчерашнего точно.

Алиса с трудом заставила себя оторваться от созерцания тарелок и посмотреть на выжидающе замершую над ней женщину.

– Кто вы? Как меня сюда затащили? Зачем? – обрушила она на незнакомку поток вопросов. Женщина лишь покачала головой и указала взглядом на тарелки.

– Не буду есть, пока не ответите на мои вопросы! Кто вы? Зачем меня выслеживали? И, черт возьми, что вам от меня нужно?

Незнакомка склонила голову набок и посмотрела на Алису таким внимательным и изучающим взглядом, будто рассматривала редкое насекомое. Девушка хмыкнула и с вызовом уставилась таким же прямым взглядом на «надзирательницу». Если бы ситуация не была такой тревожной, Алиса бы посмеялась над этой женщиной, выглядевшей так нелепо. В довершение ко всему незнакомка, видимо, еще и не умела пользоваться косметикой. Макияж напоминал театральный грим: слишком много было нанесено тонального крема, пудры и румян, слишком уж жирно были подведены глаза и вопреки всем правилам мейк-апа так же вызывающе ярко были накрашены и губы. Они явно были тонкие, и женщина, с помощью далеко выходящего за природные границы контура надеялась придать им пухлость. Но в итоге получила лишь карикатурную маску. Такой макияж не молодил женщину, а старил. Настоящий возраст определить не представлялось возможным.

– Боже, кто вас научил так краситься, – вырвалось у Алисы. И она покраснела. Женщина удивленно подняла одну начерченную бровь и еле заметно усмехнулась. Но лицо тут же вновь приняло серьезное выражение.

– Так вы мне собираетесь хоть что-нибудь объяснить?

Женщина покачала головой и, похлопав пальцем себя по губам, развела руками.

– Немая? Вы – немая? – неприятно удивилась Алиса. Еще чего не хватало! Если эта разукрашенная баба-яга не притворяется и на самом деле лишена возможности говорить, то худшей ситуации и пожелать нельзя. Как с ней разговаривать?!

– У вас есть блокнот и ручка? Я хочу получить ответы на мои вопросы!

Женщина, вдруг послушав Алису, развернулась и направилась к

лестнице.

– Эй! И принесите что-нибудь теплое! А то я тут у вас в гостях совсем околею от холода!

Женщина, не оглянувшись, принялась подниматься. Алиса проследила за ней взглядом, и на секунду мелькнула шальная мысль: а что, если напасть сзади, сдернуть с лестницы, а самой... Но тут же осторожность подняла голову и резонно заметила, что немая, может быть, не одна, попытку побега могут не простить. Вначале нужно выяснить, что от нее хотят. К тому же женщина была крупной. Не полной, но плотной, широкоплечей, мускулистой (судя по мелькавшим из-под юбки ногам) и значительно выше самой Алисы. Недоразумение какое-то, а не женщина.

Она отметила, что незнакомка, выбравшись наружу, не забыла втащить обратно лестницу и запереть люк. И у девушки мелькнула тревожная мысль, что надзирательница ушла не за блокнотом и ручкой, а вообще ушла. Оставила пленницу наедине с тарелками, выполнила, мол, свою миссию разносчицы еды и ушла.

Ее и правда долго не было. Алиса вначале ждала, потом робко пододвинула к себе поднос и наколола на вилку кружочек огурца. Она только попробует... Есть не будет, попробует только вот этот кусочек...

Опомнилась она лишь тогда, когда на тарелке остались куриные косточки. И салат, и тирамису, и картофель Алиса проглотила так быстро, что даже не заметила. Накормили ее отменно! Жаловаться грех. Ну хоть что-то приятное оказалось в ее положении.

И только она отодвинула от себя поднос, как люк вновь заскрипел. Опять в проеме появилась лестница, и по ней начала спускаться женщина. На этот раз незнакомка несла под мышкой плед, на плече болталась то ли квадратная сумка, то ли чехол, в руке был блокнот.

Женщина подошла к Алисе, скользнула взглядом по пустым тарелкам и одобрительно кивнула. Затем подала плед, в который девушка укуталась до подбородка, сняла с плеча «сумку», оказавшуюся складным стулом. Разложила его и села напротив пленницы.

– Как вас зовут? – Алиса решила быть вежливой – то ли приятная сытость в желудке этому способствовала, то ли плед, или то, что она только сейчас с удивлением поняла, что больше не слышит назойливого шепота.

Женщина, однако, не спешила писать ответ в раскрытом блокноте. Наоборот, вдруг уставилась на нее немигающими глазами и чуть шевельнула губами.

– Я вас попрошу... – начала девушка, которую незнакомка вновь начала пугать. Но фразу Алиса так и не смогла закончить, потому что на

нее вдруг приятной тяжестью навалилось сонное состояние.

«Что-то подмешали в еду!» – успела догадаться она.

* * *

Очнулась Инга внезапно, будто ее, случайно задремавшую, кто-то сильно толкнул в плечо. Открыв глаза, она не сразу сообразила, где находится. Тот мир, в котором она только что была, оказался настолько реальным, что настоящая действительность сейчас показалась сном. Будто девушка находилась теперь там, за другой гранью, уснула и видит сон про то, как находится в чужом доме. Ее мир словно вывернули наизнанку.

– Господи, – простионала она, садясь. Темнота, плотная, как театральный занавес, скрывала очертания обстановки. Удивительно, свет ведь был зажжен... Инга вспомнила, что сидела за столом и читала распечатанные письма Алисы. Так почему же сейчас так темно? Почему она... Инга пошарила рукой вокруг себя и обнаружила, что сидит на ковре... Так почему она оказалась на полу? Может, уснула так крепко, что упала со стула? И от этого проснулась? А лампу случайно задела рукой и уронила... Девушка протянула руку, желая нащупать ножку стола, чтобы сориентироваться в темноте, но пальцы мазнули в пустоте. Тогда Инга осторожно поднялась на ноги и вновь застонала: тело болело как после побоев. Ничего себе упала! Она осторожно шагнула вперед, боясь наткнуться на какое-нибудь препятствие. И остановилась, чтобы подождать, когда глаза привыкнут к темноте. Похоже, что-то случилось со светом, может, вышибло пробки. Иначе как объяснить, что не только кабинет погружен в темноту, но и, похоже, весь дом.

Вскоре она немного стала различать обстановку, будто смотрела на все через сильно затемненные стекла. Оказывается, она находится рядом со стеной, и, протянув руку, можно было коснуться выключателя. Инга так и сделала. С электричеством все оказалось в порядке. Но когда зажегся свет, Инга от изумления какое-то время не могла пошевелиться. Она точно помнила, что находилась в кабинете, сейчас же почему-то оказалась в «каминном зале». Приступ лунатизма, которым она никогда не страдала?

Голова гудела, правый висок ныл, Инга машинально поднесла руку к голове и нащупала сбоку огромную шишку. Похоже, она ударилась при падении. Ничего не понятно. Девушка провалилась в свой сон с заснеженным полем и воротами так внезапно, что даже не поняла, что засыпает. А проснулась в темноте, совсем в другой комнате, с болью в теле

и шишкой над виском.

Но она недолго позволила недоумению и растерянности властвовать над нею. То, что она не может объяснить себе сейчас, возможно, получит объяснение потом. Инга бросила взгляд на стоявшие на камине часы и увидела, что время – четвертый час ночи. Получается, она проспала на полу почти четыре часа. Или меньше. То, что случилось в этот отрезок времени, пока остается загадкой. Бродила ли она, как сомнамбула, по дому, натываясь на предметы, спала ли, сидя за столом или лежа тут на полу? Безумная догадка, пришедшая в голову, одновременно и вызвала улыбку, и напугала. А что, если она «раздвоилась» на этот отрезок времени? Ее тело оставалось в этом доме, а разумом она «витала» в другом мире – том, заснеженном. Вышла в астрал, сама того не желая?

На кухне Инга наполнила чайник и поставила на плиту. В ожидании, когда закипит вода, достала из кармана джинсов смятую пачку, выбрала одну несломанную и не сильно помятую сигарету и приоткрыла окно. В помещение ворвались непривычные ей, горожанке, запахи – смесь воды, травы и сладковатой свежееудобренной земли. После нескольких затяжек она успокоилась, и к ней вернулась способность размышлять.

Приснившийся сон, возможно, был навеян письмами Алисы, но в рассказах девушки не было упоминания о заснеженном поле, дороге, воротах. Он был словно продолжением того, в котором девушка покинула город.

А было ли это сном?

Инга затушила сигарету, достала из шкафа большую чашку и бросила в нее пакетик зеленого чая. Мысли копошились в голове подобно муравьям, но никак не выстраивались в одну систему. Хаотичные, обрывочные, суетливые, словно обуреваемая паникой толпа. Паники не было, наоборот, странная апатия вперемешку с физической слабостью наполняла тело, мешала сосредоточиться на размышлениях. А нужно подумать о многом. Ей нужно искать выход, несмотря на то, что желание что-то делать становится все меньше и меньше. Из нее будто вытекает сила – теперь уже физическая.

Так и не налив в чашку кипятка, Инга встала и направилась в кабинет Виктора. Включила свой ноутбук и зашла на сайт Лучкина, подумав, что надо бы попросить показать ей все отрывки книги, над которой он работает. Хотя, конечно, важнее были письма Алисы, не приправленные фантазией писателя. Но вдруг он в рассказах девушки уловил то, что не может ухватить она, Инга? История выходила гладкой, логичной и такой настоящей, что и Инга, и Люба изначально поверили в ее правдивость.

Перечитывая отрывки, она подумала, что нельзя заикливаться только на Алисе. Девушка могла просто видеть сны, но не уметь объяснять их. Скорей всего, так и есть, и наивно ждать, что, когда Алиса найдется (Инге хотелось думать, что девушка вскоре отыщется), именно она сможет Ингу спасти. Нет.

– Мне нужна помощь, – вздохнула она, закрывая крышку ноутбука. Сомнения глодали ее, вступали в противоречивый спор с разумом и сердцем, но Инга не видела другого выхода. Она бросила взгляд на экран мобильного, убедилась, что еще только шесть утра, и вздохнула. Ничего не поделаешь, придется подождать.

Но Любе можно и позвонить... Подруга всегда поднимается рано. И ее звонку будет рада.

– Люба, привет! – как можно бодрей сказала Инга, услышав в трубке свежий голос подруги. – Не спишь?

– Уже час как на ногах! Как ты там? Я хотела тебе позвонить, но боялась разбудить.

– Я почти не спала. Можно сказать, даже не спала, если не считать одного происшествия...

– Что такое? – встревожилась Люба. Инга, отбросив вступительные слова, подробно рассказала и об увиденном сне, и о том, что очнулась в другой комнате.

– А сейчас как себя чувствуешь?

– Лучше. Ни тело, ни шишка не болят. Только есть слабость... Да и не об этом я хотела поговорить. Мне кажется, я поняла, какое наказание меня ожидает. Но боюсь ошибиться, слишком уж оно кажется... нереальным. Пока еще слабо представляю, как это происходит. Но это место, специальное, куда уходят такие, как я, преступившие, которое описывает в книге Виктор, думаю, на самом деле существует. Это не плод моей или Алисиной фантазии. Я почти побывала там сама. Мне только оставалось открыть ворота и войти.

– Инга, может, тебя настолько впечатлила рукопись, что ты стала видеть во сне эту историю? – осторожно заметила Люба после паузы.

– Может быть, и так, но я чувствую, что это не просто сны. Это мой путь. И я его почти прошла. Остается лишь войти в эти ворота. Боюсь, что у меня и правда осталось слишком мало времени. Я не могу управлять своим подсознанием. Если бы это были просто сны, я бы постаралась сейчас не засыпать как можно дольше. Но... в прошлый раз я просто-напросто отключилась.

– С тобой должен кто-то находиться! – испугалась подруга. – Я

немедленно выезжаю! Звоню Виктору и выезжаю!

– погоди, я сама ему позвоню. Мне нужно, чтобы ты расспросила всех, кого можешь, что известно об этом месте. Может, были такие ведьмы, которые оттуда вернулись! Не хочется думать, что никто не знает о нем потому, что оттуда никто не вернулся... Люба, пожалуйста, помоги мне в этом!

– Все что хочешь, моя девочка, – тепло ответила подруга. – Позвони Виктору, пусть он приедет.

– Я еще и брату собираюсь позвонить, – призналась Инга.

– Хочешь, чтобы он приехал?

– Нет. Но без его помощи мне тоже не обойтись.

– Рискованно, – задумчиво произнесла Люба. – Те, кто тебе помогает...

Она внезапно осеклась и бодро произнесла:

– Я тебе помогаю, потому что люблю тебя как родную. Виктор – потому что ввязался сам в это дело из своего интереса, несмотря на предупреждения. Что ж, отговорить мы его не сумели.

– Да особо и не пытались, – угрюмо произнесла Инга, думая, что ставит под удар старинного приятеля.

– Вадим тебе не откажет в помощи, это ясно.

– Люба, мне нужно найти эту девушку, Алису. Мне думается, что такие сюжетные сны ей виделись неспроста. Либо кто-то из ее прародительниц была ведьмой, понесшей такое наказание. Либо сама Алиса в одной из прошлых жизней была той ведьмой. А это значит, что есть шанс вернуться оттуда – может быть, уже не в этой жизни, а в другой.

– Инга, ты нам нужна в этой жизни, – горько пошутила подруга.

– Знаю, знаю... Мне, знаешь, тоже пожить хочется. Тридцать лет – маловато будет. Но если ничего не выйдет... Если мне суждено там оказаться, я хотя бы поборюсь за шанс для моей души вернуться сюда когда-нибудь, пусть и в другой жизни.

– Девочка моя, как-то все это слишком пессимистично звучит!

– Люба, я – преступница. И ничего с этим не поделаешь.

Прощание вышло каким-то скомканным и торопливым. Люба первая, не выдержав повисшей после заявления Инги паузы, нарушила молчание, но не развила разговор, не увела в другое русло, а попросту завершила. Прежде чем отключиться, она, однако, пообещала Инге сделать все возможное.

Разговор с подругой, несмотря на неуклюжее прощание, принес облегчение. И хоть Инга по-прежнему не знала, как и что делать, ей было

легче оттого, что угроза обрела вполне конкретные очертания. Незнание страшнее.

* * *

Квартира была хоть и меньше дома, в котором жила Лиза, но чувствовала девочка себя тут такой потерянной, будто в огромном старом парке с бездушными статуями. Хотя ничего страшного там не было. Напротив, она была хорошо обставлена, чистая, светлая. Но Лиза ощущала себя здесь неуютно. Может быть, потому, что знала, что квартира принадлежала Ингиному дяде, который умер. Но, скорее всего, дело в том, что плохими эмоциями квартиру наполнял папочка. С тех пор, как они приехали, он почти не разговаривал. То сидел, уставившись в одну точку, то мерил нервными шагами пространство большой гостиной, то запирался на балконе и курил. Папа не был похож на себя, потому что таким потерянным Лиза видела его лишь однажды – после смерти мамы. Но ведь Инга не умерла! Она просто ушла.

Лиза многое бы отдала, чтобы та нашлась и папочка не страдал так. Девочка тоже скучала по старшей подруге, но куда сильнее была боль за отца. Лиза даже один раз, закрывшись в ванной, поплакала – как взрослая, потому что взрослые не плачут на людях, они закрываются где-нибудь и дают волю эмоциям. Но делала это Лиза украдкой не потому, что хотела чувствовать себя взрослой, а чтобы не расстраивать отца еще больше. Он всегда терялся и не знал, что делать, если видел дочь плачущей. Как не знал, что делать, если Лиза заболела. К счастью, болела она нечасто, плакала – тоже.

Девочка не переставала размышлять над тем, почему не получилось «выйти» на Ингу. Дядя Вадим объяснил, что это случилось, скорее всего, потому, что та закрылась, оказалась вне зоны доступа, как мобильный телефон. Лиза не теряла надежды, что в один момент Инга обнаружится. Поэтому, не говоря отцу, то и дело пыталась на нее «выйти». Она закрывалась в комнате, которую ей отвели, доставала сломанный браслет и изо всех сил старалась сосредоточиться на своем сильном желании обнаружить Ингу, визуализировала ее образ, пыталась припомнить запах духов, звучание голоса, свет в глазах, когда та улыбалась... Но все равно ничего не выходило.

Перебирая перед сном в памяти случаи, когда ей удалось выйти на других людей, ей пришлось в голову поискать Ингу через человека, который

и причинил зло. Через того, кто придумал и режиссировал ловушку, в которую угодила Инга. Она помнила и его имя – Степан, и внешность, хотя никогда и не видела вживую. Девочке с легкостью удалось вызвать в памяти вытянутое худое лицо с нездоровой кожей и желтыми лошадиными зубами, обрамленное длинными пегими патлами. Лиза вызвала этот образ и... почувствовала холод. На нее повеяло сырым воздухом с запахом земли. И этот запах шибанул не столько в нос, сколько по сознанию. Лиза почувствовала резкую слабость. Хорошо, что лежала, иначе могла бы упасть.

Степана больше нет – это стало ясно. Расстроенная тем, что идея, на которую она возлагала такие надежды, не принесла пользы, Лиза закрыла глаза и тихо заплакала. В соседней комнате беспокойно бродил отец, и звук шагов вызывал у девочки еще больше переживаний. Наплакавшись, она уснула. И наконец-то впервые за последнее время малышке приснилась Инга.

Но был этот сон страшен и не принес успокоения. Лиза вначале увидела стоящую в тумане фигуру в длинном плаще. Капюшон падал на опущенное лицо так, что не позволял разглядеть его. Вдруг порывом ветра его сорвало, и девочка увидела, что у девушки – лицо Инги. Но оно было немного другим, худым, с ввалившимися щеками, бледным до прозрачности, с почти черными тенями под глазами, отчего глазницы казались пустыми. Губы были вымазаны чем-то темным, и рот тоже казался провалом. Страшное лицо, и все же оно принадлежало подруге. Туман вокруг как будто задрожал, а затем превратился в водоворот, который возник за спиной Инги. И первое время казалось, что он никак не коснется девушки. А когда стал вдруг затихать, будто останавливались лопасти выключенного вентилятора, Лиза смогла увидеть, что туман состоит из множества полупрозрачных фигур, одетых в белые длинные одеяния. Фигуры были разными – маленькими и большими, одинаковыми были лишь их одежды и черные глазницы. Девочка хотела закричать, чтобы предупредить подругу, но в это мгновение водоворот закружил так, что фигуры вновь слились в один сплошной туман. Ингу стало затягивать в воронку. Мгновение – и ее поглотил туман.

Это было так страшно, что Лиза проснулась с криком.

– Что? Что? Что, ребенок? – перед кроватью на колени опустился отец. В сумерках поблескивал циферблат его часов. Лиза протянула к нему руки и крепко обняла за шею, так, как делала совсем маленькой. – Что, моя хорошая? Тебе приснился кошмар?

– Я увидела Ингу...

XIV

Брату Инга решила позвонить, когда он будет уже не дома, но еще не занят работой. Она знала, что Вадим приезжает в банк раньше начала рабочего дня. Без четверти восемь уже находится в своем кабинете, пьет кофе, просматривает документы, читает новости и так далее.

В ожидании часа «X» Инга успела принять душ, привести себя в порядок, одеться в удобные джинсы и кашемировую водолазку и сварить кофе. И хоть от нервозности, вызванной предстоящим разговором, хотелось курить и совершенно не хотелось завтракать, она заставила себя выпить чашку кофе со сгущенным молоком, заедая его ванильными сухарями. А сигареты, дабы избежать соблазна, убрала в сумку к одежде.

Ровно без десяти минут восемь она звонила со своего привычного номера брату.

– Вот так сюрприз! – воскликнул Вадим. И его веселый, чуть насмешливый тон придал Инге уверенности. Если честно, она ожидала упреков в том, что заставляет всех волноваться.

– Вадька, мне нужна твоя помощь, – сразу же начала она.

– О'кей. Только вначале скажи, как ты?

– Я в порядке. В относительном, если не считать моих душевных терзаний, мук совести и всего прочего, – робко засмеялась она.

– Это хорошо. Диктуй адрес, куда подъехать. Я прямо сейчас выеду.

– Нет, Вадька. Не рискну с тобой встречаться.

– Черт возьми... – всю веселость как ветром сдуло. – Инга, тебе нужна моя помощь, ты сама меня об этом только что попросила.

– Мне нужна твоя помощь на расстоянии. Вадим, я тебе уже все сказала раньше и решения своего менять не собираюсь. Где я, не скажу до поры до времени. Так ты мне поможешь или я не буду терять времени? У меня его и так мало, – сказала она с плохо скрываемым раздражением.

– Говори, что нужно, – деловым тоном ответил брат.

– Мне нужна эта девушка Алиса, подруга Майки, которая недавно исчезла. Зачем – не спрашивай. Но, можно сказать, от нее зависит мое положение.

– Одни загадки, – проворчал Вадим.

– Что известно о ней? Поиски дали какие-то результаты? Скажи мне все, что знаешь. А что не знаешь, узнай, прошу тебя. Позвони Ларе, Майке, ее мужу, он следователь, наверняка находится в курсе расследования «по

знакомству». Мне эту девушку нужно хоть из-под земли достать!

– Инга, объясни...

– Долго, Вадька! Лучше потратить это время на звонки тем, кого я назвала.

– Ладно. Многого не обещаю, но все, что нарою, – расскажу. На какой хоть тебе номер звонить? На этот?

– Я тебе сама позвоню! Сколько тебе нужно времени?

– Дай хотя бы час-полтора.

– О'кей! Целую, братик.

– Эй, погоди! – всполошился Вадим, поняв, что она собирается закончить разговор. – А ты больше спросить ничего не хочешь?

– Что-то случилось? – встревожилась Инга. И сердце заныло: неужели что-то с Ларой, племянником? Началось?

– Я имею в виду Чернова. О нем ты меня даже не спросила.

– Ой... – смутилась она. И с ужасом поняла, что об Алексее, любимом человеке, даже не думала. Так, будто он... исчез из мыслей, перестал в них жить. А ведь еще несколько дней назад она дала согласие стать его женой!

– Как он? – спросила Инга, чувствуя, что голос звучит с неуместными для влюбленной женщины интонациями – без беспокойства, вины, а так... прохладно-вежливо, будто спрашивает лишь по обязанности. Потому что ей напомнили.

– Он – плохо, – сказал Вадим. – Места себе не находит. Хотя и удалось его немного успокоить. Они с Лизой остановились на квартире дяди, Лара обещала навестить их сегодня. Оставит Ваню матери и поедет к ним.

– Они... надолго? – растерянно спросила Инга, чувствуя, что присутствие Алексея ей как будто... мешает.

– А это уже от тебя зависит, милая моя, – усмехнулся в трубку Вадим. – Пока не наиграешься в прятки и не явишься целой и невредимой в отчий дом. А Чернову, между прочим, нельзя надолго оставлять бизнес.

– Как же он думал тогда в Москве жить? – с иронией спросила Инга. – Если ему постоянно нужно находиться рядом со своими рыбешками?

– Забыла, что это ты собиралась к нему переезжать?

– Ну, мы еще ничего не решили, – уклончиво ответила она. – Ладно, Вадим. Не буду тебя отвлекать. Пожалуйста, сделай то, о чем я попросила. Я перезвоню.

– Ох, говорил же не раз, что твои занятия до добра не доведут, – проворчал Вадим, прежде чем отключить вызов.

Инга положила телефон на стол и, выглянув в окно, убедилась, что ночной дождь прекратился. Утро было серым из-за рыхлых туч,

обещавших в скором времени новый дождь. Но листва и трава, к концу августа утратившие яркость, умытые, засияли новыми оттенками – не насыщенной зеленью, а благородно-сдержанной, в холодных тонах. И Инге вдруг невыносимо захотелось пройтись по влажной траве босиком, сбивать с деревьев, как в детстве, капли, жмуриться и ежиться, когда холодные брызги попадают за шиворот. Как знать, может, у нее больше не будет возможности вот так, как в детстве, пробежаться по лугу, ловить в распахнутые объятия ветер.

Она зашнуровала кроссовки и выскочила во двор. Пересекла торопливым шагом лужайку, прошла по усыпанной гравием дорожке к калитке и вышла наружу. До луга она еще шла чинным шагом, сдерживая в себе порыв помчаться бегом, а когда отошла на значительное расстояние от дачного комплекса, разулась и, бросив кроссовки прямо на дороге, раскинула в стороны руки и побежала навстречу ветру. Ей было неважно, видит ее кто-то или нет. Она ловила губами, кожей, душой, сердцем, мыслями этот влажный чистый воздух, пила его жадно, захлебываясь, и никак не могла насытиться. Счастье, опоздавшее, как поздняя любовь, переполняло ее душу, вытесняя тревоги, вызывало на губах улыбку, а в глазах – слезы. Интуиция говорила, что такого дня уже не будет. И, как ни странно, Инга об этом не жалела.

Она бежала до тех пор, пока не выбилась из сил. Тогда, упав на спину прямо в мокрую траву, раскинула широко руки, будто пыталась обнять небо, и закрыла глаза. И лежала так, ни о чем не думая, пока дыхание не стало ровным. Затем, поднявшись на ноги, она уже неторопливо направилась обратно. Нашла кроссовки и натянула носки прямо на сырые ноги.

Когда подошла к даче, увидела, что в открытые ворота въезжает машина Виктора. Мужчина тоже ее увидел, открыл окно и, радостно улыбаясь, спросил:

– Откуда ты такая мокрая?

– Под дождь попала, – отговорила Инга. Признаться в своем ребячестве не хотелось. – Встретимся в доме! Мне нужно переодеться.

Виктор кивнул и въехал на территорию дачи, Инга же вошла через калитку и по дорожке направилась к дому. Мокрая водолазка неприятно холодила спину, и теперь хотелось поскорей переодеться в сухое и выпить чаю.

Когда она вышла из спальни на кухню, застала Лучкина распаковывающим пластиковые пакеты с эмблемой одного супермаркета.

– Я привез тут кое-чего, как обещал, – пояснил мужчина, скользнув по

девушке мимолетным взглядом. – Заехал в круглосуточный супермаркет и купил продуктов. Если тебе еще что надо, скажи.

– Ой, куда столько всего! – ужаснулась и одновременно обрадовалась Инга, обводя взглядом четыре битком набитых пакета. – Помочь?

– Давай! – согласился Виктор. – На несколько дней, думаю, хватит, а там еще привезу.

– Я задержусь ненадолго, – сказала Инга, вытаскивая из пакета запаянные в пленку нарезки ветчины, колбас и сыра.

– Куда торопиться? – как показалось, встревоженно спросил Виктор. – Тут отличное убежище.

– Я, Витя, может, домой вернусь, – уклончиво ответила Инга.

– Почему? – резко спросил он, разворачиваясь к ней и кладя на стол лоточек с куриным филе, который собирался убрать в холодильник. – Боишься стеснить меня? Так я тебе уже объяснил!

– Нет. Не в этом дело. Не хочу причинить тебе вреда.

– Да какой там вред! – поморщился он. – Не верю я в то, что могу как-то пострадать от того, что предоставил тебе жилье. И вообще мне кажется, что опасность слишком преувеличена.

Инга не успела ему ответить, потому что из гостиной раздалась мелодия, установленная на звонки Вадима.

– Ой! – она торопливо бросилась в гостиную, по пути вспомнив, что не отключила мобильный, не сменила в нем сим-карту. Впрочем, чего уж теперь, раз сама выходит на связь с братом. Смысла нет в полной «конспирации», напротив, без помощи Вадима не обойтись.

– Вадька?

– Слушай, что мне удалось узнать, – деловым тоном начал брат. – Нашлись свидетели, которые видели Алису в тот день, когда она исчезла. Имен не назвали, но обрисовали в общих чертах ситуацию. В общем, в вагоне метро Алиса подошла к одной женщине, и они вместе вышли на станции. Далее Алису с этой женщиной видели возле метро, они обе садились в такси. Сейчас ищут водителя той машины. Свидетели дали описание женщины, которая сопровождала девушку.

– Какая она? – быстро спросила Инга. – Тебе назвали приметы? Может, составили фоторобот?

– В том-то и дело... Юрий, муж Майки, сказал, что свидетели в один голос говорят, что женщина была слишком приметной: ярко-рыжая, одета в клетчатый сарафан. Да, еще одна свидетельница сказала, что женщина шла как-то странно, то ли хромая, то ли сильно косолапя. В общем, ее походка бросалась в глаза. А над фотороботом бьются пока безуспешно.

– Женщина... Зачем ей понадобилась Алиса?

– Не знаю. Может, это была какая-то знакомая, раз девушка сама подошла? Впрочем, муж Алисы никого с похожими приметамы припомнить не может. А Майя сказала, что она крутилась недавно возле их работы. Алиса еще встревожилась и сказала, что видела ее на лестничной площадке. Соседнюю квартиру проверили. Пустует, никому не сдана, агентов с приметамы этой женщины в местных агентствах недвижимости нет. Это все, что удалось выяснить.

– Спасибо, Вадим!

– Ты там еще долго собираешься прятаться? – насмешливым голосом поинтересовался он. – Это смешно уже, Инга! Тебе нужна помощь, но при этом продолжаешь скрываться, будто больна страшной болезнью и опасаясь, что заразишь всех, кто вступает с тобой в контакт.

– Может, так оно и есть...

– Ты чем-то больна?!

– Нет, нет, Вадим, – поспешно оговорилась Инга. – Дай мне немного времени, и я вернусь. Постараюсь. Я нахожусь сейчас в отличном месте, считай, в пансионате, где набираюсь сил.

– Может, к тебе хотя бы Чернов приедет? – с надеждой спросил Вадим.

– Нет.

– Да что ты и правда как маленькая! – рассердился брат. – Позвони ему хотя бы! Разве это сложно? Или боишься, что он тебя растерзает по телефону за твой побег? Уверяю, не растерзает! Он очень ждет новостей! Успокой хотя бы звонком!

– Ладно, – протянула Инга, чувствуя какое-то странное раздражение. Все разговоры, как и мысли об Алексее, почему-то стали вызывать негатив. С чего бы это?

– Ты так говоришь, будто он и не жених тебе вовсе. Или собираешься взять назад свое согласие выйти за него замуж...

– Вадим, мне сейчас надо разобраться с другими вещами! – довольно резко ответила она. Брат, к счастью, не стал спорить, а поняв, что разговор рискует скатиться в раскаленную дискуссию, сделал шаг назад:

– Все, все, не лезу в твои личные дела. Пожалуйста, не отключай телефон. Вдруг я что-то еще узнаю. Это глупо, Инга, продолжать прятаться, когда ты сама попросила меня о помощи.

– Не хочу сейчас других звонков, – туманно ответила она, боясь, что Вадим опять все сведет к Алексею.

– Ясно, – он мудро решил не цепляться к ее словам. – Дай мне хотя бы тот номер, которым ты сейчас пользуешься. Обещаю, что никому его не

дам.

Инга продиктовала брату новый номер. И, отключив вызов, сменила сим-карту.

Когда она вернулась на кухню, увидела, что Виктор уже успел разложить продукты по местам и был сейчас занят приготовлением завтрака. В турке приятно пофыркивал кофе, и его дух аппетитно щекотал ноздри. На большой тарелке уже были разложены тоненькие ломтики сыра и ветчины, на другой – нарезанные ломти белого хлеба. В масленке желтело масло.

– Ты какой джем предпочитаешь – сливовый или персиковый? – спросил он, не оборачиваясь. В одной руке держал стеклянную розетку, в другой – ложку, а на столе стояли две банки с джемом.

– На твой вкус, – пожала плечами Инга.

– Кофе пьешь с молоком?

– Да. Некрепкий.

Виктор снял с огня турку, плеснул черной жидкости в две приготовленные загодя чашки, добавил в обе молока.

– Я пью без сахара, а ты?

– А я с сахаром, – сказала Инга. И подумала, что разговор у них складывается такой слишком... буднично-семейный, даже интимный. Можно ли так? Она подумала об Алексее и испытала жгучий стыд. Надо ему позвонить...

– Есть какие-то новости? – невинно поинтересовался Лучкин, хотя было видно, что телефонный разговор его очень заинтересовал.

– Я звонила брату, – ответила она, беря обе чашки в руки и направляясь с ними в гостиную. Виктор торопливо поставил на поднос тарелки с нарезками и хлебом, масленку и вазочку с джемом и отправился следом за гостьей.

– Мне нужно было узнать, как там движется дело с поисками Алисы. Я тебе уже рассказала, что она, оказывается, подруга одной моей приятельницы, муж которой – следователь. Естественно, в ее поисках задействовали все связи.

– И? – поторопил Виктор, потому что Инга сделала паузу. Он поставил на столик поднос и принял из рук девушки одну чашку. Оба они сели в плетеные кресла возле остывшего еще с ночи камина.

Инга передала Виктору разговор с братом.

– Эта женщина какая-то странная, – задумчиво произнесла она. – Светилась рядом с Алисой еще раньше... Одеты вызывающе. Если бы я задумала похищение человека, оделась бы во все неприметное! А она,

наоборот, как попугай, будто специально, чтобы ее запомнили. Может, она хочет что-то этим сказать – тем, что так упорно привлекает внимание к своей персоне? Или настолько недалеко, что...

– Я так не думаю, – перебил Виктор. – Смотри, ты упустила один важный момент: свидетели запомнили эту женщину. Но! Запомнили ее яркое платье, неуклюжую походку, а лицо – нет. Теперь представь, что эта незнакомка приходит домой, снимает пестрые тряпки, может быть, парик, стирает косметику и... Кто ее теперь опознает? Все приметы – легко меняемые.

– Черт, я как-то об этом не подумала... – с досадой пробормотала Инга. – Думаешь, ее невозможно будет отыскать? Потому что вряд ли она теперь таким попугаем будет разгуливать по городу.

– Еще не опрошен таксист. Он может дать важную информацию.

– Зачем этой женщине понадобилось похищать Алису? Скромная девушка, жила себе, никому не мешала...

– А почему ты решила, что ее именно похитили? Ведь, со слов свидетелей, она сама подошла к той женщине, и они вместе вышли. Никакого насилия и принуждения.

– То-то и странно, – не сдавалась Инга. – Алиса боялась этой женщины! Слушай, вот ты писатель, истории придумываешь, загадки всякие загадываешь-разгадываешь...

– Я не пишу детективов, – поправил Виктор. – Мои романы носят психологический характер...

– Ну все равно. Ведь придумываешь же ты персонажей, характеры, поведение...

– Зачастую придуманные персонажи начинают жить своей жизнью, – усмехнулся Виктор. – А ты, как автор, сидишь и за голову хватаешься: «марионетки» выходят из подчинения! Уже не ты прописываешь им истории, а они диктуют свои!

– Но канву придумываешь ты. Над разгадками тоже бьешься. Вот что ты думаешь об этой истории с исчезновением Алисы?

– У меня есть кое-какие соображения на эту тему, но мне бы пока не хотелось ими делиться, – неожиданно ответил Виктор. Увидев, что Инга удивленно-обиженно вскинула брови, поспешно добавил: – Не подумай, что я тебе не доверяю! Но прежде чем облечь мысль в слова, мне нужно ее хорошо обдумать. Мне многого не хватает, чтобы выдвинуть свою версию. Поэтому не хочу пока делиться «сырыми» домыслами.

– Мне бы сейчас и домыслы не помешали, – проворчала Инга, чувствуя себя слегка обманутой. Этот разговор начинал принимать

очертания откровенного, и вот он сам вдруг воздвиг барьер.

– Не обижайся, – повторил он. – Я не люблю делиться ненаписанным и необдуманном.

– Однако же отрывки на сайте выкладывал.

– Помнишь, я говорил, что нужно подогреть читательский интерес? Эти отрывки, малая часть написанного романа, провоцируют ожидания.

– Мне бы хотелось прочитать то, что ты уже написал, – тихо попросила Инга, не надеясь на удачу. – Не ради интереса, пойми. Ты же обещал мне помогать! Я – тебе, ты – мне.

– Хорошо, – ответил Виктор после долгой паузы. – Только полный текст у меня дома в компьютере. Я тебе его распечатаю и привезу. Но там, уверяю, вряд ли что-то есть полезное тебе. Алисины рассказы – в прочитанных тобой отрывках. В романе у меня действие разворачивается не столько в прошлом, сколько в настоящем. И героиня – обычная девушка, ничем не приметная, не ведьма. Замужем, живет себе потихоньку, никого не трогает...

– Списываешь ее с Алисы, – кивнула Инга. – Ты упомянул об этом в нашем разговоре в кафе.

– Да. Я очень надеюсь, что эта девушка отыщется. Интуиция подсказывает, что с ней не случилось ничего плохого. Только не понимаю, почему ты так уцепилась за эту историю. Какое отношение она имеет к тебе? Частично она увидена во снах этой девушкой, частично – выдумана мной.

– Интуиция, – пожала плечами Инга. Рассказывать о том, что случилось ночью, не хотелось. И в отместку за его нежелание делиться версиями, и потому что не хотела волновать.

Хотя... почему она решила, что он будет волноваться? Кто он ей? Старый приятель. Кто она ему? Старая приятельница. Бывшие сокурсники, которые даже вместе не окончили университет.

– Витя, а почему ты тогда ушел? – спросила она вдруг.

– Когда? – не понял он.

– Из университета. Ты ушел в середине третьего курса, и видимых причин для этого не было. Да, не со всеми сокурсниками у тебя складывались близкие отношения, но ты ведь этого сам не хотел. С какими-то преподавателями у тебя возникло непонимание, но у кого из нас его не было? И те проблемы не были такими уж критическими, по крайней мере не могли служить поводом для того, чтобы ты бросил университет.

– Я его не бросил, я перевелся, – поправил Виктор.

Поставив чашку на столик, он сложил руки на груди, но поза не была

наполеоновской из-за ссутуленных плеч, напротив, казалось, что он старается закрыться.

– У меня были причины, – туманно ответил писатель. – Кому-то они бы показались не вескими, для меня же являлись таковыми. И не в отношениях с сокурсниками и преподавателями было дело. Впрочем, в этом тоже.

Он еле заметно нервничал, будто невинный на первый взгляд вопрос оказался для него слишком сложным. И Инге почему-то подумалось, что то личное, что так оберегает Виктор от всех, имеет отношение к этому ответу.

– Не хочешь – не говори.

– Это настолько сложно объяснить, что... лучше не буду. Хочешь еще кофе?

– Лучше бы чаю.

– Сейчас сделаю. У меня немного времени, потому что меня вызвали по делу Алисы. Наконец-то принялись и за меня. Удивительно, что не пригласили для разговора раньше.

– Когда тебе нужно уезжать?

– Через час. На чай время есть.

Он собрал на поднос грязные чашки и ложки и вышел на кухню, а Инга осталась сидеть в кресле, задумчиво глядя на погашенный, покрытый толстым слоем серого пепла очаг. Мысли спутались, как нити. Все смешалось в жизни, и, несмотря на уют, который создавал вид очага, тепло в доме, убаюкивающий стук капель вновь начавшегося дождя, кофейный дух, наполнявший помещение, она чувствовала себя потерянной. Ей подумалось, что она сбежала от семьи не потому, что хотела отвести угрозу, а потому что подсознательно оказалась не готова к браку с Алексеем. Ни к переезду, ни к житью в его доме, ни вообще к глобальным переменам в жизни. С тех пор как она переехала в столицу, жила отдельно. Вначале в маленькой однокомнатной квартире, потом – в большой, где и жила до последнего момента. Она привыкла чувствовать себя полной хозяйкой. И в чужом доме обязательно продолжала бы ощущать себя гостьей. Не привыкла и к тому, чтобы кто-то долго жил у нее. Когда у них были отношения с Лёкой, подруга частенько оставалась у нее то на ночь, то на две, но постоянно у нее не жила.

– О чем задумалась? – весело окликнул ее Виктор, ставя на столик поднос с чашками.

– Так... – покачала она головой и улыбнулась. – Всякие мысли в голову лезут. Чувствую себя, будто оказалась на середине озера и не знаю, к какому берегу направиться.

– Погоди, не хандри. Выпей чаю. Я съезжу на встречу и, может быть, что-то узнаю полезное.

Инга пожала плечами, будто ей было все равно.

– Сейчас кажется, что ушла зря. Я могу спокойно побыть и у себя дома. Люба сгустила краски, говоря об опасности, грозящей моим близким. Если мое наказание – через несчастья с любимыми людьми, то это произойдет независимо от того, близко или далеко от них я нахожусь. Тогда какой смысл в этом... побеге?

– Хочешь вернуться?

– Не знаю, Витя, – покачала она головой. – Вроде бы сейчас и не вижу причины, по которой должна скрываться, наоборот, если бы находилась в Москве, у меня было бы больше возможностей для действий. Но, с другой стороны, что-то словно не пускает меня, держит вдали.

– Значит, так надо, – сказал Виктор веско. Между бровей собралась морщинка, которая ему удивительно шла. Инга ничего не ответила.

Какое-то время они пили чай молча, потом он вдруг попросил:

– Ты бы не могла рассказать мне для книги немного о твоей работе?

– Что ты хочешь узнать? – улыбнулась она, радуясь, что щекотливая тема закрыта. – Есть конкретные вопросы?

– Пока нет, – признался Лучкин. – Пожалуй, я привезу тебе рукопись – то, что готово, ты прочитаешь и сделаешь свои замечания.

– Кстати, как тебе такой поворот в сюжете – исчезновение героини? – Мысли продолжали крутиться вокруг Алисы.

– Я уже думал над этим, – сдержанно ответил Виктор. – Но пока не знаю, нужно это в книге или нет. Давай поговорим не об Алисе, а о твоей практике. Пожалуй, добавлю в книгу деталей.

– Если хочешь, расскажу тебе пару практически готовых историй. Будет еще одна книга с сюжетом, любовью, загадками и почти трагической развязкой, – усмехнулась она. – Из моей жизни.

– Давай! – оживился Виктор. – Погоди, я сбегаю за блокнотом, буду делать пометки.

Он отставил чашку и торопливо вышел из гостиной. Вернулся уже с ежедневником в черной обложке в руках.

– Ты знаешь, что у меня есть брат-близнец, – начала Инга. – Он женат, а обстоятельства, при которых Вадим познакомился со своей будущей женой, похожи на триллер. Это история про одно древнее проклятие, которое чуть не погубило моего брата, его невесту, а в итоге – меня...

Она рассказывала и видела, что Виктор увлекается историей все больше и больше. Его щеки разругались, в глазах появился азартный

блеск. Иногда он перебивал Ингу, задавал уточняющие вопросы, на которые она охотно давала пояснения. Старая история возникала в памяти так ясно, будто случилась вчера. Вспоминать Инга не любила, слишком много трагичного случилось тогда, но сейчас, рассказывая о древнем проклятии, она будто пересказывала сюжет увлекшего ее фильма или книги.

– Значит, той женщины, которую сбила твоя невестка, не оказалось на трассе? – переспросил Виктор, почесывая себя кончиком ручки за ухом. – Интересный поворот! Надеюсь, потом этому будет какое-то объяснение...

– Не сомневайся! Ты не опаздываешь на встречу?

– Нет. Продолжай!

– Позже Лариса рассказала мне свои сны, в которых оказывалась в странном месте в тумане...

Она неуверенно протянула ладонь с растопыренными пальцами к высокому воротам, но отдернула руку, так и не коснувшись шершавой древесины. Готова ли открыть эти ворота? Не ошиблась ли в пути? Сейчас, когда она оказалась в полуметре от цели, ею овладели сомнения и страхи. И багаж прожитых лет, который, как она думала, остался в покинутом Городе, напомнил о себе, вызывая слезы сожаления. Повернуть назад, пока она не переступила черту, пока ее никто не увидел? Вернуться, вымолить прощение... Она оглянулась и не увидела больше за спиной заснеженного поля. На его месте вдруг оказалась болотистая местность – не обманчиво-мирная с виду, расставляющая ловушки в виде проваливающихся кочек, а самая что ни на есть алчная, хищно чавкающая, клокочущая, выпускающая ядовитые пары. Никакого обмана, никакой надежды – ступишь, и трясина поглотит тебя в считанные мгновения. Все открыто и предельно честно.

С губ чуть не слетело имя Того, кому она молилась и от кого отвернулась, нарушив сразу несколько заповедей. Шанса не оставили. Это действительно конец пути. У нее есть единственный выбор – или быстро и так страшно, напрямик через маскирующиеся под болото врата в ад. Или через другие – эти, которые находятся перед ней. Как знать, может быть, ей еще подарят надежду на новый шанс? Она протянула руку и коснулась пальцами занозистой древесины...

– ...Инга, Инга!

Разве у нее есть имя? Она оставила его с прежней жизнью, когда уходила из Города.

– Господи, очнись же ты!

Щеки горели так, будто обветренные на морозе.

– Инга!

Она почувствовала, что ее приподняли и слегка потрясли. Затем хлестнули по щекам, вначале по одной, потом – по другой. Так вот почему они горят – из-за пощечин, а не из-за зимнего ветра. А голос, причитавший над ней, показался знакомым. Она узнала его и открыла глаза.

Девушка лежала на ковре возле камина, а Виктор поддерживал ее за плечи так, что ее голова лежала у него на коленях. Он заглядывал ей в лицо с таким испугом в глазах, что Инга встревоженно нахмурилась.

– Слава тебе господи, очнулась! – с облегчением выдохнул Лучкин.

– Что случилось? – спросила Инга, стараясь выбраться из его объятий и сесть.

– Ты вдруг потеряла сознание, – со следами недавно пережитой паники в голосе ответил Виктор. Наконец сообразив, что девушка хочет сесть, ослабил объятия и помог подняться. – Как ты себя чувствуешь? Вызвать врача?

– Нет, нет, не надо. Все нормально, – сказала Инга, напуганная не меньше его. На этот раз обошлось, скорее всего, потому, что Виктор был рядом и привел ее в чувство. Не дал открыть *те* врата.

– Я в первый раз увидел, как человек теряет сознание, – признался он, словно пытаясь оправдать свой испуг. – То есть это впервые случилось вот так, чтобы кто-то, с кем я разговаривал... Что произошло? Почему ты потеряла сознание? Такое раньше случалось?

– Н-нет, – выдавила она, чуть было не проговорившись, что подобное произошло минувшей ночью. – Видимо, мне стало душно...

– Но здесь сейчас прохладно!

– Витя, мы, барышни, такие загадочные, иногда без видимых причин падаем в обмороки, – с улыбкой пошутила Инга. Голова слегка кружилась, в ногах и руках была частично потеряна чувствительность, будто она «отлежала» их, а в груди, наоборот, обосновалась непонятная тяжесть. Словно что-то постороннее засунули в грудную клетку, и оно, каменное по весу, но живое, будто птица, металось, билось о ребра в стремлении вырваться наружу. Инга невольно приложила руку к груди, но ничего, кроме сердцебиения, не почувствовала.

– Все же вызову врача, – заявил Виктор, обратив внимание на ее жест и подумав, что у Инги болит сердце.

– Не надо! Говорю же, хорошо себя чувствую... Наверное, слишком много сегодня курила натошак, – сказала она первое, что пришло в голову.

Осторожно встала на ноги и сделала несколько неуверенных шагов. Ноги были будто чужие, слушались плохо, руки – словно налитые свинцом. Когда Инга подняла одну, чтобы убрать с лица волосы, это ей удалось с трудом.

– Ты еще и натошак куришь? – возмутился Виктор.

– Бывает. Особенно когда нужно думать...

– Лучше бы пробежку совершила! Освежила мысли, воздухом подышала!

– Так я ее и совершила, – напомнила Инга.

– А, точно... Ну да, вначале накурилась натошак, а потом бегать отправилась! Понятно, почему ты в обморок грохнулась. Ремня на тебя нет!

Его сердитые возмущения забавляли и... нравились. Лучкин правда был встревожен и ругался, потому что ему было безразлично ее состояние.

– Не сердись, – с улыбкой попросила она.

– Я не сержусь! – буркнул он, отворачиваясь. И неожиданно добавил: – Был бы твоим мужем, уж последил бы за твоим здоровьем – что ты ешь, сколько спишь и так далее.

– Почему? – от неожиданности она не нашла что сказать.

– Что «почему»? Потому что мне не все равно, что с тобой станет!

– Почему?

– Что опять «почему»?

– Почему... безразлично?

– Потому что, – отрезал он. – Не могу видеть, когда молодая красивая женщина гробит себя курением и неправильным образом жизни. Ведь наверняка ты еще и ночь просидела за столом! Я обратил внимание, что кровать так и стоит нетронутой. Не спала ведь? И «завтракала» одними сигаретами.

– Зануда, – сказала Инга. Но слышать его слова было приятно.

– Зануда! – согласился Виктор. – Но ворчу в пустоту. Я не твой спутник... И слава богу!

Последняя фраза щелкнула ее по лбу, заставив в недоумении захлопать глазами и почувствовать себя обиженной:

– Почему «слава богу»?

– Потому что не выдержал бы такую почемучку! – засмеялся он. – Это раз. Два: не знаю, как бы ужился... с ведьмой.

Он вроде бы шутил, и стоило бы после его слов рассмеяться, но Инга лишь выдавила кислую улыбку. А Виктор уже сменил тему:

– Ладно, уступлю тебе и не буду вызывать врача. Но под твою

ответственность! Хоть позвони Любе... Мне страшно оставлять тебя одну, но я не могу больше задерживаться.

Он глянул на наручные часы и нахмурился.

– Опаздываешь?

– Есть такое.

– Езжай! Я позвоню Любе.

Инга вышла провожать Виктора во двор, несмотря на то, что дождь уже из мелкого, сеющего превратился почти в ливень.

– Я постараюсь не задерживаться, только туда и обратно, – пообещал Виктор, разворачиваясь к ней. Девушка кивнула. Ей вдруг стало неожиданно грустно – то ли оттого, что день был таким серым и тусклым, то ли потому, что боялась оставаться одна: вдруг опять потеряет сознание? С ее губ чуть не сорвалась просьба, чтобы Виктор остался. Глупо... Он едет на официальную встречу, которую не может отменить. И все же она, сдавшись, призналась себе, что грустно стало не из-за дождя и страха, а просто потому, что Лучкин уезжает. Ей хотелось, чтобы он был рядом.

– Эй, – тихо позвал писатель. – Ты что загрустила?

– Это так заметно? – выдавила она улыбку.

– Заметно. Хочешь, чтобы я остался? Я останусь!

– И наживешь себе кучу проблем!

– Ерунда! – беспечно, как мальчишка, махнул он рукой и этим жестом и тоном напомнил ей Вадима. – Так остаюсь?

– Езжай.

– Жаль, – вздохнул Виктор и вдруг, приблизившись, порывисто обнял ее. Обнял и отпустил. – Если бы ты сказала... Если бы ты сказала «да»...

И, не договорив, не объяснив, что имел в виду, сбежал с крыльца. Открыв дверь машины, он оглянулся на Ингу и задержал взгляд. Но ничего не сказал, не махнул на прощание, а торопливо забрался в салон и завел двигатель.

Инга, несколько ошеломленная и его поведением, и своими мыслями, постояла на крыльце, ежась от холода и провожая взглядом машину. Ее собственная стояла под навесом, который заменял гараж. Глянув на нее, Инга ощутила сильное желание сесть за руль и поехать куда глаза глядят, без цели, под шепот дождя и шуршание «дворников», разгоняющих на лобовом стекле потоки воды, под аккомпанемент спокойной музыки. Охваченная им девушка даже сделала шаг по направлению к навесу, но, опомнившись, вернулась. Нет, подождет Виктора тут, в доме. И хоть она встревожена и этими «провалами» в другую реальность, и тем, что бездействует, сейчас лучше остаться на месте. Срываться куда-нибудь без

цели ради того, чтобы сорваться, – плохая идея. Если Инга куда и поедет, то только потому, что ей придется в голову нужное решение.

Она вернулась в дом, зашла в гостиную и бросила полный сожаления взгляд на потухший камин. Виктор объяснил, как разжечь его, но возиться не хотелось. Если она совсем замерзнет, тогда разведет огонь, но, скорей всего, Лучкин к тому времени вернется.

Что он хотел сказать там, на крыльце? Хотел, чтобы она сказала «да» в ответ на его вопрос, остаться ли ему? Или... Как и всякой женщине, попавшей в плен очарования привлекательного мужчины, даже несвободной женщине, любимой и любящей, из тщеславия хотелось фантазировать, что ею увлечены. Может быть, в отместку за то, что Виктор в прошлом исчез так внезапно из ее жизни.

В сторону такие мысли, ненужное наваждение! Она здесь совсем по другой причине.

Инга принесла из спальни плед. А когда возвращалась с кухни с полной чашкой чая, вдруг за что-то споткнулась и чудом не пролила ни капли на пол. Посмотрев под ноги, она увидела раскрытый ежедневник, в котором Виктор делал пометки. Девушка аккуратно поставила чашку на столик и нагнулась, чтобы поднять его и положить на стол в кабинете. Писатель, вероятно, уронил его, когда она потеряла сознание, и в суете забыл об этом. Никогда бы Инга не стала читать чужое. Но ее взгляд, случайно брошенный на раскрытые страницы, выхватил вдруг что-то знакомое, не имеющее отношения к ее рассказу о проклятии, связавшем ее брата с Ларисой. Почерк у Виктора был по-детски крупным и разборчивым, так что написанное сразу бросалось в глаза. Это было описание ее собственного то ли сна, то ли видения, которое девушка увидела минувшей ночью. Ее и не ее.

Над этим эпизодом, занимающим всего страницу, стояла метка: «Приход ведьмы». И дальше шло описание заснеженного поля, холода, пробирающего до костей, ветра, гуляющего в дырах пальто.

– Но... Я ему не рассказывала об этом! – воскликнула Инга и, быстро оглядевшись, словно опасаясь, что Лучкин неожиданно войдет и застанет ее с ежедневником в руках, присела в кресло. Перечитав еще раз эпизод, она отметила различия между тем, что увидела сама, и тем, что описал Виктор. Он вел рассказ о другой ведьме, не Инге. Одежда описывалась другая – то ли дырявый плащ, то ли накидка. И обнаружила еще пару мелких отличий.

Девушка догадалась, что Виктор этот эпизод написал, скорей всего, по мотивам рассказов Алисы. Вероятность того, что он каким-то образом

«прочитал» ее собственный сон, да еще на расстоянии, и на основании этого сделал наброски, была ничтожна.

Но в прочитанных письмах от Алисы не было таких рассказов! Или она что-то пропустила? А может, Виктор удалил то письмо. Или он все же встретился с ней в пятницу?

Инга вскочила на ноги и, не выпуская книжицу из рук, начала ходить по комнате.

Надо бы расспросить писателя. Хотя... стоит ли спрашивать прямо? Не лучше ли выведать как-то ненароком? Он не любит откровенничать, скроет то, что посчитает нужным. Инга машинально залезла рукой в карман в поисках пачки сигарет, но спохватилась, что находится, во-первых, в чужом доме, где курить не принято, а во-вторых, что и правда слишком много курит.

Надо успеть прочитать то, что Лучкин написал. Оправдывая свое любопытство тем, что ей, находящейся под угрозой, не до этики, она забралась в кресло с ногами и перевернула страницу. Дальше шел не черновик нового эпизода к роману, а запись какого-то диалога.

- ...Что ты увидела за воротами?
- Разрушенный храм... Символично. Разрушенная жизнь, разрушенный храм.
- Тебя кто-то встретил?
- Нет. Я видела других, как и я. Но меня никто не проводил.
- Ты знала, куда идти? Тебе кто-то об этом сказал?
- Знала. Но никто не сказал. Я знала, и все. Это предназначение. Путь тебя приводит.
- Расскажи о той девушке, которой ты помогла. В чем состоял ее грех?
- Она была не в себе. Мы не разговаривали.
- Но по ее восклицаниям ты догадалась?..
- Да.
- Расскажи.
- Не могу. Это ее тайна.
- Хорошо... Что она говорила перед тем как умереть?
- Там не умирают. Мы там уже мертвые. Если получаем прощение, уходим в этот мир. Возвращаемся. В другой жизни.
- Что нужно для прощения?
- ...
- Не хочешь говорить?
- Это сложно объяснить. У каждой – свой случай.

– Но та девушка получила прощение и ушла?
– Я взяла на себя ее грех.
– Как?
– ...
– Ты тоже ушла оттуда?
– Да.
– Также получила прощение?
– Да.
– Почему?
– ...
– Давай вернемся к той девушке...
– Оставьте меня! Кто вы? Я не хочу! Тут холодно... Они мне мешают!
Они меня мучают! Шепот, крики. Холодно, холодно!
– Где?
– Тут! Вы не чувствуете холода, их холода? Не слышите их голосов?
Они здесь! Вокруг! Их много! Я боюсь! Скажите, чтобы они ушли!
Скажите, скажите!

Инга перечитала написанное два раза, затем прошла в кабинет, взяла ручку, лист бумаги и торопливо переписала диалог. Убрав сложенный в несколько раз лист в карман, она оставила записную книжку на столе и вернулась в гостиную.

Если бы она была *прежней*, если бы сила была с ней, она бы решила, что вновь чувствует те особые «уколы», как она их звала, когда должно случиться что-то. Девушка почувствовала, что в этом диалоге кроется что-то важное.

Хотя возможно, что Виктор просто набросал диалог для романа. Еще подумалось, что это напоминало разговор медиума с духом. Или... Ее вдруг озарило одно предположение.

Чтобы проверить его, Инга вернулась в кабинет и внимательно осмотрела содержимое книжного шкафа. Ее интересовала полка с профессиональными книгами. Пробежав взглядом по корешкам, она не обнаружила искомое. Но, просмотрев корешки еще раз, медленно, спокойно, увидела книгу, которую искала. Вполне вероятно, что литературы на эту тему у Виктора должно быть больше дома. Она сняла книгу с полки, полистала, прочитала некоторые страницы и в глубокой задумчивости вернула на место.

Невероятно... Хотя почему невероятно? На Виктора как раз похоже.

По своей привычке, когда думала, то ходила по комнате и теребила

браслеты на запястье. Мысли были похожи на нестройный хор. А вернее, на толпу, в которой каждый желает выкрикнуть что-то свое. Виктор, Алиса, ведьмы из то ли придумываемой Виктором, то ли видимой Алисой истории и имеющей отношение к ней, Инге. Оборвав кружение по комнате так резко, словно наткнувшись на препятствие, Инга вернулась в кабинет и взяла новый лист бумаги. Ей легче «размышлять» на бумаге.

Виктора она решила пока не трогать. О нем подумает потом. Осталась исчезнувшая девушка и две ведьмы из истории.

Допустим, Алиса слышала и видела на самом деле что-то в квартире, что не видел и не слышал муж. Связаны ли ее видения с квартирой или с нею самой? Почему стали происходить эти вещи? Случилось это не так давно. Если допустить, что происшествия привязаны к квартире, то все равно все замыкается на Алисе: она видела и слышала «странности», ее муж – нет. Может ли иметь происходящее с девушкой отношение к ее снам? Была ли одна из ведьм ее прародительницей или же самой Алисой в одной из прошлых жизней?

Может быть, Инга пытается сплести в один узор совершенно разные по фактуре, не подходящие друг к другу нити, а может быть, идет правильным путем, и тогда из этого спутанного клубка свяжется нужное.

Девушка оставила листок, на котором записала все вопросы и мысли, связанные с Алисой, и пододвинула другой. Две ведьмы из прошлого. Преступление «рассказчицы» похоже на то, которое совершила она сама. Эта ведьма имеет отношение к Алисе. Виктор пишет, что этой ведьмой была в прошлой жизни современная девушка, героиня, которую Виктор списывает с Алисы. Хорошо, пусть так... Инга задумчиво погрызла колпачок ручки. Тогда кто вторая ведьма, молоденька, умершая на руках «рассказчицы»? И важно ли знать, кто она? Какой тяжкий грех совершила, за который расплачивалась такой мукой? И почему получила прощение? Девушка выложила листок, на который переписала диалог из блокнота Виктора, и еще раз прочитала написанное. В «том» мире грешницы остаются они там на неопределенный срок, который может перетечь в вечность без возможности вернуться в настоящий мир в любом другом воплощении. Но если получают прощение и «уходят со светом», предположительно возвращаются в мир живых.

Инга поднялась на ноги и вновь заходила. Этот мир, другой, оставался неизвестным. Но и, честно говоря, исследовать его «изнутри» вовсе не хотелось. Хотя сможет ли она избежать этого? Кого старается обхитрить? Ее дело уже изучено, приговор вынесен и вряд ли подлежит обжалованию. Отчаяние накатило с такой силой, что из глаз брызнули слезы. Инга

закрыла ладонями лицо и посидела так какое-то время, стараясь успокоиться. Затем, сложив исписанные листы в несколько раз, убрала их в карман и вышла во двор, по пути захватив пачку сигарет.

Сев прямо на мокрые ступени крыльца, она закурила. Думать об этой истории с ведьмами тяжело. У нее мало фактов. Практически ничего нет, кроме чужих снов, чужой фантазии и пары собственных видений. Додуматься можно до чего угодно, а она, напуганная неизвестностью, может довести себя до отчаяния придумываемыми кошмарами.

Если сложить все вместе – видения Алисы, последнюю фразу в диалоге из блокнота Виктора про холод и шепот, – можно предположить, что девушка контактирует с параллельным миром. Пугают ли ее неуспокоенные души? Если подтвердится эта догадка, то Инга получит еще одно звено.

Она затушила недокуренную сигарету, закопала окурки в землю и вернулась в дом. Стыдно, забыла позвонить Любе. Вспомнила об этом сейчас, когда подруга ей понадобилась. Инга взяла телефон и набрала номер подруги, а когда та ответила, без приветствий сказала:

– Люба, срочное дело!

Инга кратко рассказала о находке – записях Виктора – и выразила желание посетить квартиру Алисы, но не одна.

– Знаешь ли кого-нибудь, кто бы мог мне помочь? – задала она тот вопрос, ради которого и позвонила.

– Возможно, – после недолгой паузы, во время которой, видимо, перебирала в памяти подходящие кандидатуры, ответила Люба. – Дай немного времени, я сделаю несколько звонков. Когда бы тебе хотелось поехать к Алисе и Сергею?

– Как можно раньше.

– Это... опять повторилось? Ты опять теряла сознание?

– Да, – не стала скрывать Инга. – Виктор в это время был рядом.

– А сейчас?

– Сейчас его вызвали по поводу исчезновения Алисы. Когда вернется, не знаю. И, если честно, мне бы хотелось приехать без него.

– Что-то еще случилось? – встревожилась Любовь.

– Потом расскажу, при встрече. Пожалуйста, разузнай все как можно скорей, – взмолилась Инга. Подруга пообещала сразу перезвонить.

После разговора девушка вернулась в кабинет и сняла с полки один из романов Виктора. Ознакомилась с аннотацией и поставила книгу на место. Так, еще не зная, что ищет, но полагаясь на интуицию, она перебрала несколько романов Лучкина, пока не наткнулась на то, что искала. В

аннотации вскользь упоминалось, что отношения между героями, случайно встретившимися в настоящем, уходят корнями в студенческое прошлое.

С книгой в руках она села прямо на пол и торопливо пролистала страницы, пока не наткнулась на один эпизод.

«...Как можно говорить о любви здесь, на земле, когда о таком чувстве полагается говорить на небе?»

Такие или похожие слова она однажды слышала. От Виктора, перед тем, как...

«...Ты – Королева. Потому что сегодня весь город будет лежать у твоих ног. Пойдем, не бойся...»

От ностальгии у Инги на глаза навернулись слезы. Надо же, для Виктора тот эпизод оказался таким значимым, что он включил его в книгу спустя годы. И хотя не терпелось прочитать эпизод дальше, она помедлила. Нехорошее предчувствие разливалось в душе чернильным пятном, зарисовывая радость. Девушка чувствовала в этом эпизоде какой-то подвох и оказалась неготовой расстаться с иллюзиями вот так, сразу. Даже зажмурилась и так, с закрытыми глазами, посидела какое-то время, будто собираясь с силами. А затем углубилась в книгу.

Но сцена оказалась самой обычной романтической. Виктор не открывал страшных тайн. Не добавлял и не умалял ничего из того, что было на самом деле. Разве что сцена была преподнесена не от лица девушки, а от лица молодого человека. Он восхищался осанкой стоявшей перед ним на самом краю высотки девушки, мечтал быть ветром, запутавшимся в ее длинных волосах, желал отражаться звездами в ее глазах. В тот момент она казалась богиней, поэтому, сгорая от желания обнять ее, парень не посмел к ней прикоснуться. И даже на мгновение допустил страшную мысль, что, если вдруг девушка оступится, он успеет ухватить ее, и это их последнее объятие, их совместный полет, станет самым счастливым в его жизни. Читая это, Инга хмыкнула. Неужели Виктор в тот момент на самом деле так думал?

В книге эпизод заканчивался банально: девушка оборачивалась, улыбалась и делала шаг навстречу молодому человеку. Между ними происходило объяснение, после чего они спускались вниз и еще долго бродили вместе по ночному городу...

Все так и было. Они с Виктором, спустившись с крыши, долго бродили по городу, целуясь на каждом углу. Все так, да не так. Было ли между ними объяснение? Инге казалось, что было. Почему они потом гуляли так долго, целовались... И все же, все же... Она повернулась и наткнулась на его взгляд. И что-то тогда ей не понравилось. Парень

смотрел на нее, будто силился внушить что-то или, наоборот, прочитывать мысли. «Ты меня что, гипнотизируешь?» – засмеялась она тогда, чтобы разрушить неловкость. Девушка шутила, но Виктор неожиданно смутился.

Припомнив тот эпизод, она вспомнила и другие, которым никогда не придавала значения. Иногда с ее сокурсниками, а один раз даже с преподавателем случались какие-то странности, которые вызывали смех. Например, заносчивый педант Иван Корольков однажды, закукарекав, вспрыгнул на учительский стол. И был потом так сконфужен и произошедшим, и смехом сокурсников, что дня три не появлялся в университете. Совпадение или нет, но попадавшие в неприятное положение зачастую оказывались теми, кто особенно любил «пройтись» по Виктору.

– О господи, – вздохнула Инга, прикладывая ладонь ко лбу, словно у нее неожиданно разболелась голова. – Возможно ли это? Я тогда ведь ляпнула наугад, без подозрений, а он, возможно, решил, что я его выдам!

А Инга еще недоумевала, почему Виктор исчез после той их романтической ночи... И обижалась на правах «брошенной» девушки. Но гордость не позволила искать его и требовать объяснений. В университете он больше не появлялся, а после стало известно, что оставил учебу. Потом, спустя какое-то время, кто-то обмолвился, что Лучкин якобы перевелся в другой вуз. Не потому, что у него не складывались отношения с некоторыми сокурсниками. Не из-за «сердечной раны», как подумала недавно Инга. А из-за того, что испугался, что его секрет станет известен публике.

От этих мыслей стало жарко. Инга открыла окно и высунулась в него под дождь по пояс.

«Романы у Лучкина очень «живые», – припомнились слова Ларисы. «Когда я придумываю историю, стараюсь вжиться в нее. Не наблюдать со стороны, а быть в ней...» – слова самого Лучкина. «Скандалный роман, написанный от лица мужчины и женщины...» – фраза с обложки того самого нашумевшего романа, который читала невестка. Женская одежда большого размера в его шкафу, косметичка в ванной... «У писателя много жизней... Он, как актер, перевоплощается в них...» Эта странная женщина, с которой ушла Алиса, на лицо которой никто не обратил внимания, потому что в глаза бросались яркие волосы и неуклюжая походка... Кажется, ясно, почему Алиса ушла с ней... Или с ним?

Но... Все же у нее не укладывалось в голове, что можно посреди белого дня похитить человека, держать взаперти только ради того, чтобы... написать книгу. Безумец! Не проще ли было и дальше общаться с ней, назначать встречи? Девушка была очарована Виктором, она не отказывала

бы в разговорах. И, как знать, может, согласилась бы и на такой эксперимент с гипнозом. К Инге же Виктор приехал и все честно сказал, что хочет написать книгу и просит о помощи, предложил жилье. Но, может, он обошелся с ней так вежливо, потому что она – старая знакомая? А может быть, потому что не поддается гипнозу... Ей припомнился недавний разговор, в котором писатель признался, что открывает публике только тщательно отобранную информацию и преподносит так, чтобы у поклонников создавалось впечатление, что она раздобыта с трудом. А Инга тогда пошутила, что Виктор показывает пиджачок, но не дает прикоснуться к телу. Не попала ли она на тот же крючок, что и большинство? С чего решила, что Виктор перед ней открыл истинное лицо?

Инга вытащила из сумки ноутбук и включила его. В ожидании, пока загрузится программа, нервно барабанила пальцами по поверхности стола. Она нервничала и от предчувствия, что может докопаться до других секретов Лучкина и это ей не понравится, и потому, что Виктор может вернуться в любой момент и застать ее за этим занятием. И тогда вряд ли получится улизнуть. Правильней было бы сначала уехать, а там уже вместе с Любой собрать «досье» на Лучкина. «Пятнадцать минут, не больше», – поставила Инга себе рамки.

Она вошла в Интернет и набрала в поисковике имя Виктора. Тотчас вылезла куча ссылок на его книги. Но Инге нужны были совсем другие работы бывшего сокурсника. Ее не интересовал Виктор-писатель, ее интересовал Лучкин-психолог и темы, над которыми он работал. Не без труда ей удалось отыскать несколько работ. То ли он сам постарался, тщательно стирая свое прошлое, то ли менеджеры – по его же просьбе, но с самими работами ознакомиться не удалось. Содержание было удалено. Но девушке хватило и названия тем. Нашла она также одну критическую статью, из которой стало ясно, что работы и исследования не приняли всерьез, даже осмеяли.

Она откинулась на спинку кресла и, закинув руки за голову, задумчиво посмотрела на раскрытую на мониторе критическую заметку. Многие прояснилось. Успешный взрослый Виктор продолжал испытывать комплексы непонятого осмеянного студента Вити Лучкина. Обида и желание стать вторым Раймондом Моуди или Майклом Ньютоном не давали ему покоя. А ведь у него для этого, похоже, есть все способности...

Опомнившись, Инга выключила ноутбук, убрала в сумку и бросилась в спальню, где оставила свои вещи. Собралась она очень быстро. Записки Виктору не оставила, предпочитая поговорить потом либо по телефону, либо лично. Выбежав во двор, она оставила сумки с вещами и ноутбуком на

заднем сиденье и села за руль. И только после этого подумала, что Виктор, уезжая, наверняка запер ворота. Но то ли боги над ней смилостивились, то ли дело было в его рассеянности, но ворота, хоть и были прикрыты, запертыми не оказались.

Теперь бы доехать до Любы, не отключиться в дороге. Иначе точно будет конец.

А Виктор еще поможет, еще как поможет!

Очнулась Алиса с тяжелой, будто в похмелье, головой. События недавнего прошлого вспоминались смутно, словно она и правда перебрала со спиртным на вечеринке. С трудом подняв тяжелые веки, девушка огляделась. Она по-прежнему находилась в подвале, освещенном тусклым светом. Понять, какое сейчас время суток, не представлялось возможным, так же как и узнать, сколько времени здесь провела. Изменилось то, что условия «улучшили»: ей оставили плед, завернувшись в который она и спала, оставили раскладной стульчик (правда, даже встав на него, она не смогла дотянуться до люка). На подносе ожидала еда: чай в большой кружке, бутерброд с сыром и ветчиной, пирожок и остывший омлет. Ей смутно припомнилось, что все это принесла та же женщина. Но Алиса отказалась. Тогда незнакомка села напротив... Что было дальше, девушка не помнила. Будто опять провалилась в забытие. Может, еда вовсе ни при чем? Она ошибочно думала, что ей что-то подмешивают?

От голода сводило челюсти, и Алиса, подозрительно понюхав бутерброд, решила все же рискнуть. А потом не заметила, как съела и пирожок. Только чай оставила нетронутым, потому что напитки вызывали большее подозрение.

Выпускать ее, похоже, не собирались. Как и объяснять, зачем держат тут. А холод и страх доводят до отчаяния... И чтобы не скатиться в него, нужно что-то предпринять, хотя бы то отчаянное решение, которое пришло в голову.

Когда послышался шум открываемого люка, Алиса скинула с себя одеяло, в которое куталась, сунула одну руку за пазуху, где прятала, приколов с обратной стороны блузки, брошку-стрекозу. Отцепив украшение, она сжала в кулаке туловище так, чтобы снаружи остался острый длинный хвост. Мысленно помолилась – и на удачу, и заранее прося прощение за то, что собирается сделать. Встала с циновки и сделала пару шагов к лестнице, по которой уже спускалась надзирательница, одетая все в тот же нелепый сарафан, который был на ней и в первый раз.

– Доброе утро! Или день? Или вечер? – весело сказала Алиса. – Спасибо за еду, вы знаете, я очень люблю пирожки с капустой, вы угадали мои вкусы! Если вы еще собираетесь держать меня здесь какое-то время, не могли бы принести еще пирожков? Я, когда замерзаю или переживаю, становлюсь жуть какая голодная!

Женщина под невинный щебет молча спустилась. Лестницу оставила приставленной к люку, видимо, совершенно не ожидая подвоха от девушки.

Когда надзирательница развернулась, Алиса испугалась, что вспыхнувшие от волнения щеки и слишком громкий стук сердца, который, казалось, раздавался в этом изолированном помещении подобно грохоту барабанов, выдадут ее. И в каком-то отчаянном порыве, понимая, что, если промедлит еще хоть минуту, решимость ее оставит, размахнулась и что было сил воткнула в надзирательницу острый конец броши. Куда попала, не поняла. Кажется, даже на время удара зажмурилась. Женщина то ли всхлипнула, то ли вскрикнула, сгибаясь, и Алиса, воспользовавшись ее промедлением, бросилась к лестнице.

Так бывает во сне, когда видишь погоню: убегаешь, но ноги делаются ватными. Так и Алисе показалось, что лестница – бесконечная и что взбирается она по ней слишком медленно. Девушка ждала, что в любое мгновение женщина схватит ее за лодыжку и сдернет вниз. Но ее никто не останавливал. Добравшись до люка, Алиса бросила тревожный взгляд назад и увидела, что женщина, оставаясь в том же положении, держась за бок одной рукой, вторую протянула к лестнице. Не помня себя от страха, беглянка выбралась из люка и, ухватившись за верхние концы лестницы, что есть силы потянула ее на себя, не давая похитительнице за нее ухватиться. Животный страх придал ей сил и сноровки, и Алиса смогла втащить лестницу, оставив свою надзирательницу пленницей.

– А теперь ты там посиди! – крикнула она в люк и в сердцах захлопнула крышку.

Никто не встретился Алисе, никто не остановил, когда она бегом пересекала заброшенное и запущенное помещение со сдвинутыми в сторону то ли столами, то ли каталками. На выходе девушка споткнулась обо что-то и, бросив взгляд под ноги, увидела кроссовки. Не раздумывая, она быстро обулась и почувствовала себя уверенней. Задаваться вопросом, откуда здесь взялась обувь, будто специально ожидавшая ее, девушка не стала. Все мысли будто начисто вытерли ластиком. Она превратилась в робота с одной программой – бежать, бежать.

Алиса толкнула тяжелую оцинкованную дверь и выскочила наружу. Свежий воздух после затхлого подвального показался самым чистым и вкусным, какой она когда-либо вдыхала. Чище горного, здоровее деревенского. У девушки даже закружилась голова, так что пришлось ухватиться за кирпичную стену здания, из которого она вышла. Мельком оглядевшись вокруг, чтобы сориентироваться, девушка увидела, что находится на территории какого-то заведения. Не фабрики, потому что

здания были не похожи на заводские, но казенные. Они кучковались на одной небольшой территории, разделяясь друг от друга вытоптаннами земельными участками, бывшими, видимо, когда-то газонами. То квадратные, то вытянутые, большие и маленькие. Это явно было какое-то учреждение и, судя по разбитым кое-где окнам, замусоренным дворам, пустоте и тишине, заброшенным. Алиса пересекла очередной дворик и на одном из зданий увидела проржавевшую табличку с надписью «Пункт переливания крови». На другом – надпись «Стационар». Понятно, когда-то это был больничный комплекс... Тут она увидела другую табличку, о, ужас! Морг!

Девушка оглянулась, словно испугалась, что за ней следует армия призраков. Но на самом деле проверяя, не преследует ли ее та женщина. Нет, за спиной никого не было. «А вдруг я ее убила?» – ужаснулась она и еле сдержала порыв повернуть назад и проверить, как там похитительница. Не надо было вытаскивать лестницу... Женщина, теперь раненная, может истечь кровью, умрет, и Алису обвинят в убийстве? Остановило лишь то, что среди такого количества зданий она не запомнила, из которого выбежала.

«Как только выберусь отсюда, позвоню либо в милицию, либо в «Скорую», дам ориентиры...»

Со стороны донесся шум машин. Значит, близко проходит дорога. И Алиса, прибавив шагу, направилась на звук. О том, что выглядит нелепо – в мятой одежде не по погоде, в кроссовках, которые были на несколько размеров больше и совершенно не подходили к элегантной юбке и блузке, она старалась не думать. Как и том, что у нее нет денег на дорогу. Раз из такой переделки выбралась, значит, выберется и из другой!

* * *

Инге повезло, что по дороге она не попала ни в одну крупную пробку, так что до дома Любы доехала быстрее, чем рассчитывала. По дороге два раза звонил мобильный: наверняка подруга, а может, Виктор, но девушка так торопилась, что не стала отвлекаться от дороги.

Припарковав машину во дворе практически на том же месте, что и накануне, она взяла вещи и почти бегом направилась к нужному подъезду.

– Ты... Ты меня чуть в могилу не свела! – встретила Люба ее не приветствиями, а упреками. При этом подруга была неестественно бледна, будто и правда переживания сильно сказались на ее самочувствии. – Я

звонила, а ты не отвечала! Что я могла подумать после твоих рассказов?!

– Прости, прости, – забормотала Инга, бросая сумку с вещами на пол и обнимая подругу. – Не хотела тебя пугать. Но не могла отвлечься от дороги. Я ехала быстро.

– Нормально добралась? – уже более спокойным тоном спросила Люба, сторонясь, чтобы пропустить гостью в квартиру.

– Как видишь, – кивнула Инга. – Ты нашла, кого я просила?

– Да, через час будет. Я тебе потому и звонила, чтобы сказать.

– Отлично! Значит, могу связаться с Сергеем и договориться о встрече?

– Ты ему еще не звонила? – осторожно спросила Люба. – А вдруг он не сможет принять нас в назначенный час или вообще не согласится и мы зря побеспокоили человека?

– Не зря! Не беспокойся, мне кажется, что Сергей не откажет нам во встрече.

И оказалась права. Муж Алисы, узнав, что с ним говорит Инга, обрадовался, а когда она спросила, согласен ли он на небольшой эксперимент, ответил, что согласен на что угодно, лишь бы это помогло отыскать жену.

– Ну вот и все, – довольно сказала Инга, убирая мобильный в карман джинсов. – Чаем не напоишь с дороги, пока я буду тебе сказки всякие интересные рассказывать?

– И накормлю, – сказала подруга.

За обедом рассказала Любе обо всем, что произошло в дачном доме, о своих открытиях, показала листочек, на который переписала диалог из записной книги Виктора.

Подруга, слушая, мрачнела лицом, потому что Виктор ей показался очень симпатичным, и то, что Инга теперь представляла его с другой стороны, ей категорически не нравилось.

– Значит, ты думаешь, что Алису похитил он, использовав гипноз и переодевшись женщиной?

Инга многозначительно промолчала.

– Но это прям кино какое-то, – растерянно пробормотала Люба.

– Я же тебе показала названия его работ. К сожалению, содержание нам недоступно, поэтому не можем узнать, каким образом он погружал в гипноз, кого, насколько удачными были его эксперименты. Внушением Витя в какой-то мере овладел еще в студенческие годы. И со временем, думаю, ему показалось скучным просто подчинять себе волю «подопытных», ему захотелось проникнуть в тайны параллельного мира.

Смотри, судя по названиям, его интерес вызывало то, как можно в этой жизни использовать опыт прошлых...

– Да, это все интересно, но методы он какие-то противозаконные выбрал. Похищать человека среди бела дня ради своих экспериментов... Надеюсь, ничего плохого с девочкой не сделал.

– Виктор, думаю, заигрался в эксперименты и сам потерялся в ролях: то ученый-исследователь, то просто писатель, то режиссер-постановщик собственных историй.

– Он сумасшедший! – возмущенно воскликнула Люба.

– Гений – это уже отклонение от нормы, – спокойно заметила Инга. – А Виктор если не гениален, то чертовски талантлив.

– Ладно, пока твоя версия не подтверждена, хотя этими соображением, считаю, нужно поделиться с теми, кто занимается поисками Алисы. Девочку необходимо выручить, и как можно скорей! Думаю, лучше будет не говорить Виктору о твоих подозрениях, чтобы не спугнуть.

– Я собираюсь позвонить Майе и попросить дать мне ее мужа. Я расскажу все ему, а он уже решит, что делать с этой информацией, кому передавать и как использовать.

– Но на самый главный вопрос мы так и не получили ответа: что делать с тобой? Ответ ты хочешь найти в этой истории двух наказанных ведьм.

– Одной из них, считаю, была Алиса. Той ведьмой, которая совершила похожее на мое преступление. Ее простили: дали возможность вернуться к новой жизни. Почему? Что она сделала, чем заслужила прощение?

– Здесь ответ, – сказала Люба, водя пальцем по листку с записанным на него диалогом. – «Взяла на себя ее грех». Думаю, она, видя страдания молодой девушки, испытала к несчастной сострадание и каким-то образом, дабы облегчить муки той, разделила ее грех.

– Или вообще взяла его на себя, – добавила Инга. – Ты мыслишь так же, как и я. Смотри, что если ведьма, от лица которой ведется история...

– Алиса в прошлой жизни.

– Алиса в прошлой жизни была белой ведьмой и совершила преступление: отомстила лишившему ее счастья злодею, вложив в проклятие всю силу. За что была наказана. Однажды в тот «монастырь» попадает другая молодая девушка, совершившая куда более тяжкий проступок. Она мучается, но умереть не может, потому что ее наказание – эта вечная мука. И «Алиса», дабы облегчить муки несчастной, берет на себя ее грех. Молоденькая девушка, очищенная от греха, «уходит со светом», то есть получает прощение и возвращается сюда в новую жизнь. И

«Алиса» тоже получает прощение, потому что взяла на себя чужой грех не корысти ради, а из сострадания, не рассчитывая на освобождение. Она тоже возвращается сюда, без силы, которой лишилась в прошлой жизни, но с печатью чужого греха. Я хочу проверить, действительно ли у нее есть способность контактировать с душами мертвых. И если это подтвердится, то...

Договорить она не успела, потому что ее прервал звонок в дверь.

– Что-то рано твой медиум пришел, – сказала Инга, бросив взгляд на часы. – Ты говорила, через час?

– Лучше раньше, чем позже, – сказала Люба, поднимаясь. Она вышла в коридор, и пару мгновений спустя раздался ее удивленный и немного испуганный возглас, из которого Инга заключила, что пришел не тот, кого они ждали. «Виктор?» – мелькнуло в голове. Она поспешно выскочила в коридор и... нос к носу столкнулась с Алексеем.

– И ты... здесь, – сказал он после долгой взаимной паузы. Из-за его спины испуганно выглядывала Лиза, которая то косилась на Ингу, то опускала взгляд в пол, словно чувствовала себя виноватой.

– Ты... – рассеянно пробормотала Инга. К такому повороту сюжета она не была готова. И что говорить, как действовать – не знала. Алексей, впрочем, тоже. Было похоже, что он совершенно не ожидал встретиться тут с любимой, и этот «сюрприз» его ошеломил.

– Да, я... Эм... Ну что ж... Раз ты тут... Я рад, что все в порядке. – Голос звучал сухо и трескуче, как ломающийся под сапогами хворост. Инга обратила внимание, что под его глазами залегли тени, щеки будто ввалились (или лицо казалось осунувшимся из-за щетины?), вообще весь вид был нездоровым.

– Прости, – сказала она и потупилась. Встретиться с ним взглядом показалось худшим наказанием, чем то, которое было уготовано.

– Прости... Вот так просто «прости», – не предвещающим ничего хорошего шепотом начал он. Люба, поняв, что назревает скандал, поспешила вмешаться:

– Э-э... Алексей? Проходите, что же вы стоите? Я вам сейчас чаю налью.

– Спасибо, не надо. Мы к вам ненадолго, – сказал он, почти с ненавистью глядя на женщину из-за того, что считал ее «укрывательницей» Инги. Лиза, чувствуя надвигающуюся бурю, спряталась за его спину и даже не выглядывала.

– Вы что-то хотели мне сообщить? – ласковым тоном, будто ее совершенно не пугали искры, которые метали глаза мужчины, спросила

Люба.

– Не я. Вон она, – сказал Чернов и, пошарив у себя за спиной рукой, вытащил оттуда раздумывающую Лизу. – Ну, не молчи, говори все, что хотела!

– Я... Я... Можно я тете Любе на ушко скажу? – попросила девочка, бросив на Ингу умоляющий и одновременно просящий прощения за такое «предательство» взгляд.

– Можно. Только не на ушко, а пойдем в комнату, где ты мне все расскажешь! – пригласила девочку хозяйка.

Алексей и Инга остались вдвоем. Разговора не получалось. Оба прятали глаза, неловко переминались с ноги на ногу и не решались нарушить тяжелую паузу. Инга заподозрила, что Лиза специально так сделала, чтобы оставить их наедине. Да только пользы такой «ход» не принес.

– Ты... – не выдержал первым Алексей. – Ты... ко мне вернешься или между нами все кончено?

Инга вскинула на него глаза, потому что последняя фраза прозвучала как пощечина. Все же ее уход он принял так, как она и опасалась: решил, что передумала выходить за него замуж и не нашла в себе сил сказать об этом.

– Если обратно примешь, – постаралась она улыбкой обратить неловкость в шутку. И так как Алексей молчал, заговорила: – Леша, я не бросала тебя! Если ты подумал, что я сбежала, потому что передумала выходить за тебя, то ты ошибаешься...

– Ты обставила все так, что ничего другого и не оставалось думать. Знаешь, я мало верю в эти ваши... премудрости, хоть и дочь у меня необычная. Но для меня причина, которую ты назвала, не показалась веской. Черт возьми, чего я только не передумал! – закричал он, закипая. Если бы она хотя бы наполовину почувствовала то, что чувствовал он!

– Я тебе верю. И понимаю, – сказала Инга, трогая его за руку. – Пожалуйста, постарайся понять меня, хоть тебе причина и не кажется веской.

– Ты могла бы позвонить, – едко заметил он. – Ты звонила брату, а про меня даже не вспомнила. Этим ты уже сказала все. Ну что ж, я увидел, что с тобой все в относительном порядке, вижу также, что не особо тут и нужен, значит, могу вернуться домой.

– Леша! Погоди...

– Ты же сама захотела находиться от меня как можно дальше! – напомнил он. – Сама просила тебя не искать, не мешать и что там еще? Так

вот и не буду. Я привел сюда Лизу, потому что ей нужно было сказать что-то твоей подруге. По дороге мы купили билеты на обратную дорогу, самолет сегодня вечером. Когда захочешь меня увидеть, знаешь, где найти. Надеюсь, что у меня к тому времени еще останется желание видеть тебя.

Он оставил ошеломленную Ингу стоять на том же месте, прошел к двери, за которой скрылись дочь с хозяйкой, и, постучав, громко позвал:

– Лиза, ты скоро? Нам пора!

Девочка появилась из комнаты. Проходя мимо Инги, она остановилась и вопросительно посмотрела на нее, губы дрогнули, будто она хотела что-то сказать, но ее остановил оклик отца:

– Лиза, идем?

Так и не обменявшись с Ингой ни словом, девочка послушно вышла. Громкий стук двери прозвучал для девушки как удар молотка после вынесения приговора. Ворота захлопнулись, она оказалась в своей «тюрьме».

– Не переживай, – на плечо легла теплая ладонь Любы. Не оборачиваясь, продолжая смотреть на закрывшуюся дверь, Инга похлопала по пальцам подруги, то ли благодаря за поддержку, то ли обещая постараться не переживать.

– Нам сейчас главное вытащить тебя из передрыги.

– Мне уже все равно, – выдавила Инга. И даже не спросила Любу, о чем Лиза говорила с ней.

– Ну-ну, – пожурела ее подруга, но больше сказать ничего не успела, потому что в дверь вновь позвонили. – Смотри, Алексей вернулся!

– Это медиум, – покачала головой Инга и оказалась права.

Им оказалась молодая женщина. Бледное худое лицо было лишено как природных, так и косметических красок, темные глаза казались пропастями. Взгляд оказался неожиданно тяжелым и холодным, так что Инга с трудом выдержала его. А гостья будто специально задержала его на девушке так надолго, будто желала «прочитать» ее до последней страницы. Ощущения, которые при этом испытала Инга, были похожи на те, как если бы на грудь опустили тяжелую плиту: дышать стало трудно, сердце бешено забилось, в голове зашумело.

– Извините, – сказала гостья, будто поняв, как подействовал ее взгляд. Инга кивнула, принимая извинения.

– Знакомься, Инга, это – Элла.

Гостья неожиданно протянула узкую ладонь, которую Инга пожалала с такой осторожностью, будто боялась раздавить. Все в ней было тонким, хрупким, узким, легким: узкое лицо, тонкие черты, тощая фигурка, на

которой длинное темное платье смотрелось безразмерным балахоном, хрупкие запястья, украшенные неожиданно массивными браслетами из камней и темного серебра. Темные короткие волосы топорщились кудрявой шапкой, открывая маленькие уши, в мочки которых были вдеты серьги из одного с браслетами комплекта. Из-под подола платья выглядывали грубые высокие ботинки на шнуровке. Девушка, видимо, любила контрасты: для себя, дюймовочки, выбирала массивные грубые вещи. Или с помощью них старалась отвести внимание от тяжелого взгляда?

– У меня немного времени, – оговорила сразу Элла. – Мне бы хотелось приступить как можно раньше.

Голос звучал сухо и строго, как у учительницы. Ну что ж, сейчас условия диктует она, а Инга с Любой лишь заказчики.

К Сергею ехали в полном молчании. И если раньше Инга хотела поговорить с медиумом и задать кое-какие вопросы, то сейчас даже не могла вспомнить, о чем хотелось расспросить. И не в холодной отстраненности Эллы было дело, а в том, что мысли сейчас были заняты совсем другим. Уход Алексея она приняла как разрыв с его стороны. И то, что Инга не нашла у него понимания, оглушило ее, отгнав все мысли и чувства в глубокий нокаут. Девушка машинально вела машину, перестраивалась из ряда в ряд, останавливалась на светофорах, пропускала пешеходов так механически, будто запрограммированный робот. И ей было сейчас все равно, что с ней будет.

Сергей распахнул дверь сразу же после звонка. Это вызвало подозрение, что он караулил гостей, поглядывая в глазок. Вид у него был растрепанный, глаза – красные, лицо – заросшее рыжеватой щетиной, одежду, похоже, не менял уже несколько дней, если и спал, то в ней же.

– Что-то вам стало известно? – бросился он к Инге с вопросом вместо приветствия.

– Нет, – ответила девушка и вспомнила, что собиралась позвонить Майе, чтобы поговорить с ее мужем. После сеанса обязательно это сделает.

Инга представила Сергею Эллу и Любу, парень с вымученной улыбкой поприветствовал обеих женщин. И было непонятно, отдает ли он себе отчет в том, что будет происходить в квартире. Элла, прохладно ответив на приветствия хозяина, уже внимательно осматривала коридор, затем, не спросив позволения, прямо в своих грубых ботинках потопала в гостиную. Остановилась посередине и запрокинула бледное лицо к потолку, рассматривая люстру.

– Инга вам уже рассказала, что с моей женой тут происходили некоторые... странности, – начал Сергей. Но Элла остановила его

коротким, но решительным жестом.

– Помолчите, пожалуйста, – добавила она, чуть сморщив тонкий нос. – Кто не желает присутствовать, пусть покинет квартиру сейчас.

– Я... Я бы хотел остаться, – робко заикнулся Сергей. Элла скользнула по нему тяжелым взглядом и строго спросила:

– Уверены?

– Да, – уже решительней ответил парень. И, отважившись, добавил:

– Вы можете сказать, что с моей женой?.. Мы ищем ее уже...

– Видно будет, – перебила его Элла. Покружив по гостиной, она отправилась путешествовать по квартире. Заглянула в спальню, почему-то задержалась в ванной, осматривая корыто. Вышла, подергала ручку другой, запертой комнаты.

– Я могу открыть, – поспешно сказал Сергей.

– Не стоит.

Элла вернулась в гостиную и заняла единственное кресло. Сев в него так царственно, будто на трон, она сложила на коленях руки и прикрыла глаза. Ресницы у нее оказались длинными, и сейчас, когда веки прятали тяжелый взгляд, лицо показалось очень миловидным, юным – отчасти благодаря этим кукольным ресницам.

Инга, Люба, Сергей, не получив никаких инструкций, растерянно замерли, не зная, что делать, куда себя девать. Инга подумала, что сеанс всем представлялся по-другому. Где подруга нашла эту девушку? Ладно, расспросит потом. Они переглянулись, и Сергей, вспомнив, что он – хозяин, кивнул на два задвинутых под стол стула. Бесшумно взял их, предложил гостям присесть, а сам отошел к стене и скромно подпер ее спиной.

Долго ничего не происходило, кроме того, что по лицу Эллы будто пробегали тени. Инга даже заподозрила, что девушка уснула и видит сон. Затем губы ее чуть дрогнули, будто прошептали что-то. Ладони на коленях приподнялись и вновь плавно опустились обратно.

– Среди мертвых ее нет! – неожиданно грудным голосом провозгласила Элла и распахнула глаза, уставившись в упор на присутствующих. Это оказалось так неожиданно, что и Люба, и Инга невольно вздрогнули. – Ищите среди живых!

– Спасибо! – обрадованно прокричал Сергей, отделяясь от стены и делая по направлению к Элле два стремительных шага. Но его порыв оборвал неожиданно громкий звон, раздавшийся с кухни.

– Там... что-то разбилось! – пробормотал он.

Элла ничего не ответила и вновь прикрыла глаза. Губы зашевелились

активней, она будто читала тихо поэзию. Иногда лицо сводило словно нервной судорогой, и тогда оно на мгновение искривлялось в гримасе – каждый раз разной. То приподнималась верхняя губа, обнажая на мгновение зубы в оскале, то она зажмуривалась крепко-крепко, то дергала вдруг щекой. Смотреть на это было неприятно, но и отвести взгляд оказалось невозможно. А губы Эллы шевелились все активней и активней, говорила она уже что-то не беззвучно, а тихо, и слова сливались в неразборчивое бормотание. Казалось, что девушка издает какое-то монотонное гудение.

А из ванной вдруг послышался шум открывшейся воды, и Сергей бросился туда, решив, что прорвало кран. Вернулся с шальными глазами и шепотом сказал Инге, что там никого нет, а кран оказался открытым. Он еще пытался найти рациональные объяснения этим непонятным вещам, что разбилось что-то на кухне из-за ветра, который подул в открытое окно; что кран был и раньше открыт, но вода оказалась перекрытой по техническим причинам, а теперь ее дали. Но когда из запертой комнаты вдруг раздалось пение детским голосом, он подскочил на месте и испуганно оглянулся.

– Надо было... открыть комнату! – вскричал он, но никто не обратил внимания на его слова. Инга лишь поежилась, потому что по квартире будто прошелестел холодный ветер. И вдруг с книжной полки одна за другой посыпались на пол книги, словно кто-то невидимый, расшалившись, шел мимо, скидывая их. А затем с грохотом рухнула и сама полка, чудом не задев сидевшую неподалеку Любу.

– Что здесь происходит?! – не выдержал Сергей.

А мракобесие продолжалось: из закрытой комнаты раздавался то смех, то плач, перемежавшийся скрипом и металлическим бряцанием, со стороны спальни раздавался стук, внезапно включился телевизор, сами собой переключились с одной на другую программы, и затем он отключился, но раздался вдруг телефонный звонок – позвонил и смолк. Девушки сидели, как пригвожденные к стульям, не заметив, как взяли за руки. А Сергей, вжимаясь в стену, бормотал что-то себе под нос и разве что не крестился. И только Элла сидела спокойно в кресле, будто ничего и не происходило. И продолжала гудеть под нос.

А потом все внезапно смолкло. Оборвался, будто отсеченный ножом, чей-то плач, стихло металлическое бряцание, тишина показалась такой абсолютной, как в склепе. Никто из свидетелей не решался нарушить ее, никто не смел первым сделать хоть какое-то движение. Элла распахнула глаза, взгляд которых уже не был таким тяжелым, как раньше, напротив, казался потухшим, затравленным, больным. И слабым голосом попросила:

– Дайте сильно сладкого чаю, пожалуйста...

Инга первой опомнилась и бросилась на кухню. Аккуратно, стараясь не наступить, обошла осколки разбившегося стеклянного блюда, включила электрический чайник, распахнула створки навесного шкафа и сняла с полки большую чашку. Оглянувшись на шорох, она увидела стоявшего в дверях бледного Сергея.

– Простите, я тут хозяйничаю...

– Ничего, ничего, – махнул парень рукой. Он еще не пришел в себя от потрясения.

– И за это... – Инга кивнула на разбитое блюдо. – Тоже простите. Сама не ожидала, что так выйдет. Мы вам поможем убрать.

– Нет, нет, спасибо. Я сам. Главное... – Сергей с опаской кивнул на стену, за которой в гостиной ожидала чаю медиум. – Главное, она сказала, что Алисочка жива!

На его глаза навернулись слезы, и Инга еле удержалась от порыва шагнуть к нему и обнять. От всей души она пожелала, чтобы его жена поскорей нашлась. Ах да, она же собиралась позвонить Майке...

– Сергей, сделаете Элле чай? Я выйду на площадку, мне нужно позвонить.

Она набрала номер и попросила телефон Юрия, после чего связалась уже и с ним. Муж Майки выслушал Ингу внимательно, поблагодарил и сказал, что эту информацию проверят. Говорил он немного сухо и торопливо, и Инга поняла, что Юрий очень занят, поэтому, не расспрашивая ни о чем, попрощалась.

В гостиной Элла уже пила чай с шоколадкой. В какой-то момент она захотела стереть со лба выступившую испарину, и Инга обратила внимание на то, что рука у девушки дрожит.

– Такие сеансы меня очень утомляют, – пожаловалась девушка. – И на общение с одним духом, бывает, столько сил затратишь, а тут их – целый эшелон!

– Вы хотите сказать, что в нашей квартире обитает куча призраков? – спросил Сергей.

– А разве сами не видели, что творилось? – устало, без апломба, ответила Элла.

– И... что же тут такое произошло, страшное?..

– Ничего. В этой квартире – ничего, – пожала плечами Элла, отламывая от шоколадки большой кусок. – Не в квартире дело, а в вашей жене. Она будто магнит «натянула» сюда всех покойников... И из этого дома, и из окрестных. Вон и дамочка утопшая в ванне резвилась, и ребенок

задушенный песни пел, и...

– Но она ничего такого не умеет делать! – истеричным выкриком прервал спокойное повествование Эллы Сергей. – Алиса вообще очень пугливая девушка!

– Знаю, – проворчала Элла. – Если бы умела, смогла бы закрыть канал, а так... Придется с ней поработать. Раз у нее такие способности открылись, то нужно научить, как с этим жить. А то так и придется соседствовать вам со всякой нежитью.

– Но почему... Почему это с ней стало происходить?

Элла пожалала плечами, то ли не желая говорить, то ли не зная ответа. И попросила отвезти ее к метро.

Инга выполнила просьбу. А затем, найдя место для парковки, пригласила Любу в кафе. Заняв столик, подруги заказали официантке по чашке капучино.

– Ну что, – вздохнула Люба. – Мы получили наглядное подтверждение тому, что Алиса может контактировать с душами умерших.

– Может, но не умеет. Они ее сами ищут. Только девушка не знает, как справиться с таким «наплывом» призраков. Алиса их слышит, чувствует, а что делать – не имеет понятия. У нее эта способность, похоже, не развита.

– Отпечаток того чужого греха, который в прошлой жизни сняла с другой девушки? – не столько спросила, сколько утвердила Люба.

– Теперь более-менее ясно, что натворила та, другая, ведьма. «Согрешила» с черной магией, а именно – коснулась некромира и... обожглась. Ошиблась, напортачила по неопытности.

– Открыла канал, – припомнила слова Эллы Люба.

– Не позавидуешь ей, – горько усмехнулась Инга. – Не хотелось бы мне оказаться на месте той девушки, которой помогла Алиса. Что? Что ты так на меня смотришь?

– Ты еще не поняла? – спросила Люба.

– Что именно?

– Ну же, девочка... Думаешь, вы с Алисой случайно так перехлестнулись? У нее, кстати, эти способности открылись недавно совсем. Практически в то время, когда и «активизировался» приговор тебе. Что совпало с гибелью Степана, к которому было «привязано» облако проклятия. Помнишь? Мы с тобой предположили, что Степан погиб, и поэтому облако вернулось.

– Помню. Но ты точно знаешь, что он погиб?

– У Лизы было видение. Она об этом и хотела мне сообщить. Сказала она и еще кое-что, но я об этом уже и сама раньше догадывалась. Просто

предполагала, а после слов Лизы получила подтверждение.

– Что? Говори уж... С меня хватит загадок!

– А то, что той молоденькой ведьмочкой, сунувшей любопытный нос в область некромагии, была ты! В прошлой жизни, конечно.

– Но...

Большого Инга и не смогла сказать. Информация оказалась неожиданной и даже в чем-то шокирующей, но как могла бы помочь ей сейчас, понятней не стало. Ну что ж, разгадали они с Любой ту историю двух ведьм из прошлого... И что?

– Эй, чего нос повесила? – тихо засмеялась подруга, трогая Ингу за руку. – Пей кофе, пока не остыл.

– Эта история могла бы быть интересной Лучкину, а что мне с ней делать – не знаю, – призналась Инга. – Вряд ли я могу упросить Алису опять «отпустить» мне грех, да и невозможно это. Кстати, о Викторе... Что-то он меня до сих пор не хватился!

И, словно торопясь опровергнуть ее слова, «ожил» ее мобильный.

– Вот и он! – усмехнулась Люба.

Но звонил Сергей с радостной новостью, что жена вернулась. Инга выслушала его спутанную речь, спросила, как себя чувствует девушка, и сказала, что обязательно навестит ее, когда та захочет.

– Вот и все. Почти хеппи-энд, – сказала она, вертя мобильный в руках. – Алиса вернулась, жива и почти невредима. Сейчас рассказывает о своих приключениях. Ее и правда держали в плену. Когда захочет встретиться, я съезжу к ней...

Замолчав, Инга опустила взгляд на телефон, погладила его пальцем, затем неуверенно спросила у Любы:

– Как ты думаешь, стоит мне позвонить Леше? Или между нами все и правда кончено?

– «Кончено»! – возмущенно фыркнула Люба. – Между вами все только начинается! Звони, конечно! И не дуй губы и не обижайся, если он не захочет сейчас с тобой разговаривать: чтобы остыть, нужно время. Но звони, покажи, что ты в нем нуждаешься! Алексей у тебя такой ранимый и гордый. Если сама не сделаешь первый шаг...

– Знаю, – кивнула Инга, дрожащими пальцами набирая нужный номер. Сделав глубокий вдох, как перед прыжком в воду, она поднесла трубку к уху и замерла.

– Леш? – позвала она, когда он ответил. – Пожалуйста, поговори со мной... Или хотя бы выслушай.

– Только если недолго, – буркнул он. – Нас внизу дожидается такси.

Мы выезжаем в аэропорт.

– Леш! – сказала Инга и почувствовала, что не может сказать ни слова. Из глаз потекли слезы. Она закусила губу, чтобы не всхлипнуть. Ее катастрофа, личная катастрофа все же наступила. Захлопнулись ворота в будущее...

Захлопнулись ворота, отрезая от прошлого. Ветер бросил ей в спину чей-то крик: «Инга!», слившийся во встревоженном дуэте с другим голосом, но стук захлопнувшихся дверей оборвал крики. Здесь нет имен, здесь помнят лишь грехи. Никто ее тут не встречал, но вдали она видела мелькавшие фигуры-тени таких же преступивших. Она сделала вперед несколько робких шагов и остановилась перед лестницей, ведущей в полуразвалившийся храм. Смутное чувство, что она его узнала, шевельнулось внутри. Эти обвалившиеся ступени помнила... Присела на одну из них, осознавая, что спокойное существование отсчитывает последние мгновения. Преступление скрутит ее невыносимой мукой, существовать в которой она будет вечно...

Инга не слышала ни криков, обращенных к ней, не реагировала на свет, не приходила в себя ни от резкого запаха нашатырного спирта, ни от хлестких пощечин. Не чувствовала, как ее подхватили сильные руки и крепко прижали к груди, в которой так громко, так испуганно колотилось любящее сердце. Чернов примчался в кафе раньше вызванной «Скорой помощи». Подхватив девушку на руки, он вынес ее на воздух и долго бестолково топтался на крыльце в ожидании медиков. Инга этого не чувствовала. Алексей не реагировал на призывы успокоиться. Она и этого не слышала, как и плача напуганной Лизы, приехавшей с отцом.

– С ней же все в порядке было! Мы сидели разговаривали... – причитала Люба.

Ничего этого Инга не слышала.

XVI

Вечно серое, дождливое небо, то ли оплакивающее грешниц, то ли надзирающее за ними. Оно утратило в них веру, как они утратили веру в солнце. День за днем, ночь за ночью разматывается лента мучительного существования. Надежды тают сосульками, сны – сплошные кошмары, света нет даже в них. Серое небо, серая земля, серые стены, серые лица, серые роботы. Узницы. Они изо дня в день выполняют одну и ту же монотонную работу, смысла в которой нет. Она заключается в мучениях и томлениях.

Они не разговаривают, зачем? И так все ясно. У них у всех похожие истории, они пришли одним путем, у всех одинаковый приговор. Они уже не индивидуальности, они – безликие, безымянные существа, клоны.

Иногда крепко закрытые ворота открываются, но лишь для того, чтобы впустить еще одну такую же. Через эти ворота лишь входят. Хотя, был слух, уходили отсюда. И даже с лучом света.

Небылицы... Солнечный свет сюда не заглядывает...

Алексей дни и ночи просиживал в палате возле обвешанной капельницами и трубками Инги. Врачи не давали никаких прогнозов, выйдет она из комы или нет. На все его дотошные, кипящие отчаянием и скрытой надеждой вопросы мужчина получал лишь один ответ: надо ждать. Смотреть динамику. Он ни черта не понимал в этих терминах – динамика, финамика... И думал, что врачи специально говорят непонятно, чтобы скрыть правду.

Он сидел рядом с Ингой даже тогда, когда приходил кто-то его сменить: Вадим, подруга, невестка... Уступал место у кровати, а сам садился на неудобный табурет в углу. Он не уходил, несмотря на уговоры поехать отдохнуть, выспаться, поесть. Ему приносили на подносе еду, но он оставлял ее почти нетронутой. Все его существование свелось к тому, чтобы безотрывно смотреть на Ингу, красивую, похожую на спящую царевну из сказки, и обращаться ко всем святым, в которых он не верил: вопрошать, угрожать, молить, проклинать, просить... Весь его мир сузился до этой больничной палаты. А сам он превратился в неразумного... Потому что никак не мог понять, за что...

За что ей это наказание, ей, почти святой, жертвовавшей собой ради других без раздумий? Алексей бережно перебирал ее волосы и так же

бережно перебирал в памяти воспоминания: как Инга впервые оказалась в его доме, как она, рискуя, спасла его дочь. Он, думая о том, что любимая сумела заменить Лизе мать, прикусывал до крови губу, потому что из глотки рвался крик: неужели эта добродетель оказалась такой ничтожной, что лишение жизни одного негодяя, убийцы, насильника, перевесило ее?

Если бы он мог, без раздумий поменялся бы с Ингой местами. Он бы умер, лишь бы она, светлая, пожила здесь еще, согревая материнским теплом его дочь. Леша взял бы на себя ее грех без раздумий. Взял бы ее наказание.

Однажды, когда она, пробудившись после очередного кошмара, открыла глаза, ей показалось, что по земляному полу скользнуло светлое пятно. Сон как рукой сняло. Она села, но, как ни всматривалась в пыльные сумерки, не увидела ни одного даже самого маленького светлого пятнышка. Привиделось. Она так давно не видела солнечного света, что мечта когда-нибудь вновь увидеть его стала навязчивой.

Но на следующий день опять проснулась с ощущением, что видела солнечное пятно. Не во сне. Ее кошмары были наполнены темнотой, куда более густой, чем действительность. И потому на этом контрасте она почувствовала неожиданного гостя – солнечного зайчика. Он мимолетно скользнул по закрытым глазам и разбудил. И хотя, оглядевшись, опять ничего не увидела, в ней поселилось ощущение, что солнечный свет не забыл ее и навещает, когда она спит.

Так и повелось дальше: ее будил солнечный зайчик, который к тому моменту, когда она открывала глаза, прятался. Но ощущение присутствия не покидало. И мука, казалось, стала переноситься легче.

Вадим, глядя на отрешенное лицо сестры, думал, что не сможет без Инги жить. Они – две половинки одного целого. Они – двойня. И пусть иногда ссорились и ругались, между ними всегда была особая связь. Так говорила Инга, в это он верил. Брат вспоминал, что, когда желал услышать ее и брал в руку телефон, сестра на секунду опережала его звонком. Они чувствовали друг друга на расстоянии. А сейчас Вадим впервые не мог почувствовать ее. Где она? Где бродит ее разум? В каком мире она находится? Страдает или, напротив, счастлива? По лицу Инги парень пытался понять, что она чувствует. Но лицо оставалось неподвижным и ничего не выражающим, словно восковая маска.

Он частенько повторял, что она – его персональный ангел-хранитель. И хоть недавно Инга и пыталась уверить его в том, что в несчастьях виновата она, он это не принял. Вспоминалось, как сестра пожертвовала

собой ради их с Ларисой счастья. Не задумываясь.

Вадим думал, что сестра сидела с ним ночи напролет, когда он, попав в страшную аварию, балансировал на границе между небом и землей. Шептала то ли молитвы, то ли заговоры. Даже когда тот проваливался в бездну беспомощности, все равно продолжал чувствовать присутствие сестры. И цеплялся за это ощущение, как за протянутую руку помощи, и выкарабкался благодаря ему.

Брат перебирал в памяти детские воспоминания: как Инга выгораживала его после каких-нибудь проделок. Случалось, брала на себя вину. Если бы было возможно, он бы сделал сейчас то же самое. Всю или хотя бы часть.

Он многое бы отдал за то, чтобы Инга вновь была с ним. С ними. Вадим накрыл ладонью ее пальцы, надеясь, что там, в своей бездне, сестра почувствует его присутствие и его любовь.

...А однажды, во время дневной работы, она вдруг почувствовала теплое прикосновение к руке. Переведя взгляд, девушка увидела на ней солнечное пятно. И недоверчиво-радостная улыбка тронула ее разучившиеся улыбаться губы. Она смотрела на него, почти не дыша, боясь, что от малейшего движения оно исчезнет. Даже если пятно было не настоящим, миражом, пусть...

Она не сразу заметила, как вокруг стали собираться другие. Подняла голову, когда чья-то тень упала на руку и поглотила собой солнечное пятно. И тогда увидела рядом столпившихся грешниц. На лицах застыло похожее выражение удивления, недоверия и надежды. На нее смотрели так, будто увидели только что чудесное явление. Потом вдруг одна из близстоящих робко подошла и, протянув руку, скользнула холодными пальцами по тому месту, где еще недавно находилось светлое пятно. Первым порывом было отпрянуть, прорваться через плотный строй окружавших женщин и девушек, но, переборов страх, она не отдернула руку и ободряюще улыбнулась тронувшей ее. И тогда толпа загудела, задвигалась по направлению к ней. К руке прикасались, как к святыне – почтительно, с благоговением, возможно, при этом загадывая свое единственное желание – однажды вновь увидеть солнечный свет. И она стояла на месте, протянув руку, пока последняя в очереди не коснулась ее.

Ей дали имя – Солнечная. И каждый день во время работ бросали на нее полные надежд взгляды – не появилось ли новое светлое пятно?

Больничная палата вызывала грустные ассоциации и слезы. Лариса

робко присаживалась на край неудобного стула, протягивала руку и касалась в качестве приветствия ладони Инги. Глядя на спокойное лицо золовки, черты которого теперь казались немного резкими, она думала, что благодаря Инге у нее есть счастье – Вадим и маленький Ванечка. Ей вспоминалась не столько та сцена на кладбище, когда Инга пожертвовала собой, чтобы снять с нее и Вадима старинное проклятие, сколько тяжелейшие роды. Девушка помогла, вымолила-выпросила благополучное разрешение от бремени. Если бы не она, не было бы, возможно, ни Ларисы, ни маленького Ванечки. Ни Вадима.

Лариса закрывала глаза и возносила к небу молитвы от себя, от маленького сына и от мужа.

Что она могла для Инги сделать? Что бы она отдала за то, чтобы та вернулась к ним? Да что угодно! Лариса так и сказала мужу, что отдала бы, не раздумывая, часть собственной жизни в обмен на несколько лет жизни для Инги.

А однажды она увидела, что ворота приоткрыты – на палец, не более. И сквозь эту щель просачивается теплый свет. Она, поставив тяжелое полное ведро, которое несла, направилась к воротам, но те захлопнулись до того, как девушка успела заглянуть в наполненную светом щель.

Что это было? Мираж? Или ворота вдруг выпустили кого-то из них – помилованную?

Ее толкнула проходящая мимо девушка: случайно, потому что несла два наполненных дроблеными камнями ведра, и ее саму шатнуло от слабости. Она машинально поддержала девушку с ведрами за локоть, хоть помощь тут не приветствовалась. И получила в качестве благодарности мимолетный взгляд.

Подняв ведро, она оглянулась на ворота. Нет, все так же плотно закрыты. Показалось...

Лиза приносила в палату плюшевых медвежат и аккуратно рассаживала их на тумбочках, подоконнике, прямо на полу возле стены. Ей никто не запрещал и не мешал это делать. И Лиза, каждый раз принося в палату нового медвежонка, загадывала, что именно он... третий... пятый... седьмой... «расколдует» Ингу. Она воображала себе, что старшая подруга – Спящая красавица, а медвежата – волшебные, и один из них, а то и все вместе, объединившись, разбудят ее. Она фантазировала, чтобы было не так страшно. Страшно было видеть Ингу такой непо-движной, в окружении

аппаратов и трубок. Лиза до дрожи боялась того, что та вдруг уйдет, как и мама. Потому и носила в каждый свой визит медвежат – как талисманы, придумав, что, пока будет приносить плюшевые игрушки, Инга не уйдет. Образ старшей подруги сливался с образом матери, и, сидя рядом с Ингой, Лиза шептала себе под нос: «Мамочка, не уходи!»

Когда становилось совсем-совсем страшно, так, что хотелось плакать, она вызывала воспоминания о прошлом лете, когда познакомилась с Ингой. Зажмуривалась и видела словно наяву, как они вместе собирали в бухте счастливые камни. Вспоминала вкус мороженого, которым ее угощала Инга. И даже противный вкус теплого молока с медом, которым старшая подруга лечила ее от простуды. И клялась, что обязательно полюбит молоко с медом, если Инга поправится.

А потом Лиза стала приносить книжки и читать вслух. И неважно, что Инга не слышала. Девочка верила в то, что слышала, только сказать ничего не могла.

Как бы ей хотелось сделать так, чтобы эта страшная болезнь оставила Ингу! О, если бы подруга раньше научила ее, что делать! Ведь у нее, Лизы, есть способности... Только как сделать, чтобы Инга поправилась, она не знала. Вспоминала тот раз, когда действительно смогла помочь, и сейчас, как и тогда, пробовала «стянуть» недуг. Но то ли делала что-то не так, то ли так делать вообще нельзя, ничего у нее не выходило. Когда девочка открыла этот секрет Любе, что пробует «снять» с Инги болезнь, та, вместо того чтобы похвалить девочку и дать совет, вдруг всполошилась: «Не делай этого! Нельзя!» «Почему?» – не поняла Лиза. Тогда Люба объяснила, что «болезнь»-то она, может, и «стянет», но сама останется с нею. «Ты что, хочешь вот так, как она?» – строго спросила, кивнув на Ингу. Лиза опустила голову, будто провинившаяся. Но раскаяния не чувствовала, наоборот, если бы было возможно, она бы взяла «болезнь» на себя.

Солнечные пятна встречали ее каждое утро, когда девушка пробуждалась от ночных кошмаров. Они по-хозяйски «рассаживались» на полу, на стенах, на потолке. Но исчезали сразу же после того, как она открывала глаза, словно и приходили лишь для того, чтобы пожелать доброго утра. Но иногда, а в последнее время все чаще и чаще, солнечные пятнышки скользили по ее рукам во время работы, путались в растрепанных волосах, целовали глаза и щеки. Если она сама не чувствовала появление пятна, то это обязательно замечал кто-нибудь другой. К ней подходили и, попросив разрешения робким взглядом, легонько касались холодными пальцами солнечного пятна, ютившегося на коже.

Эти солнечные приветы не исповедовали, не отпускали грехи, но согревали надеждой, придавали сил. И любая работа после таких солнечных явлений шла куда легче.

Ее считали тут чуть ли не святой, к ней приходили за надеждой. Но сама девушка не чувствовала за собой никаких заслуг. Почему это с ней происходит? Почему солнечный свет вдруг умиловил ее своими короткими визитами? Она такая же преступившая, как и другие...

Но девушка щедро делилась этими крохами счастья с другими. Ей было не жалко, наоборот, становилось радостней от осознания, что есть с кем разделить это чудо. Она с удовлетворением отмечала уже не погасшие взгляды, а озаряющиеся, пусть и ненадолго, надеждой лица.

А потом стала слышать и серебристое, как колокольчик, пение. Или не пение? Звонкий голосок, чистый, наполненный любовью, что-то произносил. Слова различить было нельзя – то ли песни, то ли молитвы. И она стала жить ожиданиями, когда вновь послышится этот голосок.

Жить... Она впервые назвала свое существование так. Забытое слово, а теперь внезапно вспомнившееся.

«Девочка моя...» Все мысли стали короткими и ограничивались лишь этой фразой из двух слов. Девочка ее, любимая, как дочь. Люба осторожно гребнем расчесывала темные волосы Инги и рассказывала все новости. И было что рассказать – об Алисе, Викторе. Для Алисы эта история с пленом стала большим потрясением. Бедная девушка пережила двойной шок, когда узнала, что похитителем, которого она к тому же едва не зарезала, был ее кумир.

Виктора нашли в том подвале, в котором он держал девушку. Успели вовремя, потому что рана, нанесенная ему, оказалась опасной, и все могло бы закончиться куда хуже... для самого писателя и для девушки. Но вроде бы эта история обещает закончиться благополучно: Алиса, добрая душа, не держит на Виктора зла и даже с мужем навестила его один раз в больнице.

Люба тоже приходила к нему, и он спрашивал об Инге. А у нее не нашлось духу рассказать правду, поэтому сказала, что Инга уехала в путешествие с женихом. Так ведь оно и есть? «Правда, девочка моя?..» – пальцы ласково перебирали темные волосы, и женщине думалось: может быть, в одной из прошлых жизней Инга была ее дочерью. Об этом она тоже рассказывала. Но девушка молчала. А это, как известно, знак согласия.

Сообщила Люба и о том, что настоящий ужас Алиса испытала, когда узнала о своих способностях. Ее навестила Элла, много говорила с ней, убеждала, что в этих способностях нет ничего катастрофического... нужно

лишь принять их. Медиум обещала не оставить ее одну и на днях собирается познакомить девушку со своим наставником. «Алиса напугана, но, надо сказать, заинтригована... – рассказывала Люба, глядя Ингу по руке. – Она хочет прийти к тебе. Я сказала, что в любой день. Ты ведь тоже хотела с ней познакомиться?»

Люба рассказывала и другие новости, не имеющие отношения к Инге: бытовые, политические, экономические, новости культуры – все, что слышала по телевизору, в общественном транспорте по дороге в клинику, вычитывала в газете. Только одну новость не рассказывала. О том, что ей самой осталось не так уж долго... Страшная болезнь пожирала ее, и времени оставалось все меньше и меньше. То ли так было написано на роду, то ли болезнь ей послали в наказание за то, что весной втайне, предчувствуя, что проступок любимой девочки не пройдет бесследно, Люба пыталась вмешаться в судьбу Инги и отвести беду. Не вышло. Поплатилась. Никому не рассказывала о своей болезни, только Алексею обмолвилась, лишь для того, чтобы на своем примере показать, что Инга оставила его не зря. «Это я на этом настояла, чтобы она уехала от вас, – призналась Люба. – Боялась за всех вас».

Она ни о чем не сожалеет. Молит лишь, чтобы довелось еще увидеть, как Инга откроет глаза, услышать ее голос, поговорить с ней. А если нет... Пусть случится так, чтобы попала она, Люба, в то место, где сейчас находится Инга. И тогда сделает то, что сделала в прошлой жизни Алиса: возьмет на себя вину своей девочки. Чтобы та вновь вернулась к любимым и любящим ее людям.

Иногда в мрачную комнатушку заглядывал ветер и, когда она, измученная тяжелым днем, погружалась в не менее тяжелый сон, ласково перебирал ее волосы. И эти прикосновения напоминали ей забытые материнские ласки. А одну из ночей, убаюканная этим ветром, она вдруг провела без кошмаров, проспала глубоко и пробудилась отдохнувшей, полной сил. Ей впервые за время нахождения тут приснилось что-то доброе, ласковое. И все утро, занимаясь работой, она силилась припомнить, что ей снилось. Но образы ускользали, оставляя лишь смутные ощущения теплой радости. И девушка с нетерпением ждала следующей ночи, чтобы увидеть и запомнить тот счастливый сон, который удалось увидеть и который она надеялась просмотреть вновь.

Но вечер для нее там так и не наступил...

Опомнилась она от грез, когда солнечный луч неожиданно скользнул по губам и вызвал забытые ощущения от поцелуя. Уронив тяжелую ношу,

которую несла к разрушенному храму, девушка остановилась, расширенными глазами глядя на по-прежнему серое небо. Откуда пришел этот луч? Она коснулась ладонью губ. Забытое слово «поцелуй» воскресло в памяти остро и неожиданно, и по телу прошла судорога. И она вспомнила то, что видела ночью. Это были те люди, которых она любила и которых оставила в той жизни. Девушка оборвала с ними связь, но, видимо, они по-прежнему оставались с ней. И она поняла, почему появились солнечные лучи, откуда взялся теплый ласковый ветер, откуда раздавалось звонкое пение.

– Гляди! – кто-то легонько тронул ее за плечо. К ней впервые обратились вслух. Она повернулась туда, куда ей указывала чья-то рука, и увидела, что ворота открыты, и сквозь них щедро льет солнечный свет. Радость захлестнула ее – не за себя, а за подруг по несчастью. Теперь света хватит на всех! Она, засмеявшись, оглянулась и увидела за своей спиной толпу. Девушки и женщины пугливо жалась друг к другу, не верящими жадными взглядами глядя на ворота, но почему-то никто не двигался с места. Она махнула рукой, призывая всех следовать к воротам, но толпа осталась на месте. И только та женщина, которая обратилась к ней, опять тронула ее за плечо и указала на выход:

– Иди! Скорей же!

И она, еще не веря в свое освобождение, шагнула к воротам, в любой момент ожидая, что они закроются перед ней.

Они закрылись. За спиной. После того, как выпустили ее наружу.

Алексей сам не заметил, как задремал. Сказалась очередная ночь, которую он провел в неудобной позе на стуле, иногда проваливаясь в дрему. Утром чувствовал себя хоть и сонным, но впервые за последние дни счастливым: врач накануне сказал, что, возможно, есть надежда на улучшения. Он, желая перестраховаться, сказал «возможно», но Алексей знал, что так и будет. Его девочка проснется, он будет ее лелеять, беречь, любить. Сделает все так, как Инга захочет, лишь бы она оставалась с ними. К черту работу! Она раньше горько шутила, что женат он на работе. Нет же!

Алексей ласково перебирал ее волосы, мечтая, как они будут вместе. Как поедут куда-нибудь... Как будут просыпаться в одной постели. Как будут... Да много всего у них еще будет. Он так мечтал и не заметил, как уснул, положив голову на сложенные на кровати руки Инги. Снилось какая-то мрачная ерунда – какое-то затхлое, богом забытое место, где собралось много одетых в одинаковые рубища женщин. Он чувствовал исходящую от

них муку, и хотелось выть от тоски и безысходности. И он бы, наверное, завыл, если бы его не разбудил слабый шепот:

– Леша... Леша...

Его вышвырнуло из кошмара, как потерпевшего кораблекрушение сильной волной – на берег. Инга смотрела на него своими чудесными серыми глазами и улыбалась слабой, но счастливой улыбкой.